

АМФОРА TRAVEL →

[ФРАНЦИЯ]

год в Провансе

роман
Питера Мейла

Annotation

Герои этой книги сделали то, о чем большинство из нас только мечтают: они купили в Провансе старый фермерский дом и начали в нем новую жизнь. Первый год в Любероне, стартовавший с настоящего провансальского ланча, вместил в себя еще много гастрономических радостей, неожиданных открытий и порой очень смешных приключений. Им пришлось столкнуться и с нелегкими испытаниями, начиная с попыток освоить непонятное местное наречие и кончая затянувшимся на целый год ремонтом. Кроме того, они научились игре в boules, побывали на козьих бегах и познали радости бытия в самой южной французской провинции.

- [Питер Мейл](#)
 -
 -
 - [ЯНВАРЬ](#)
 - [ФЕВРАЛЬ](#)
 - [МАРТ](#)
 - [АПРЕЛЬ](#)
 - [МАЙ](#)
 - [ИЮНЬ](#)
 - [ИЮЛЬ](#)
 - [АВГУСТ](#)
 - [СЕНТЯБРЬ](#)
 - [ОКТЯБРЬ](#)
 - [НОЯБРЬ](#)
 - [ДЕКАБРЬ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)

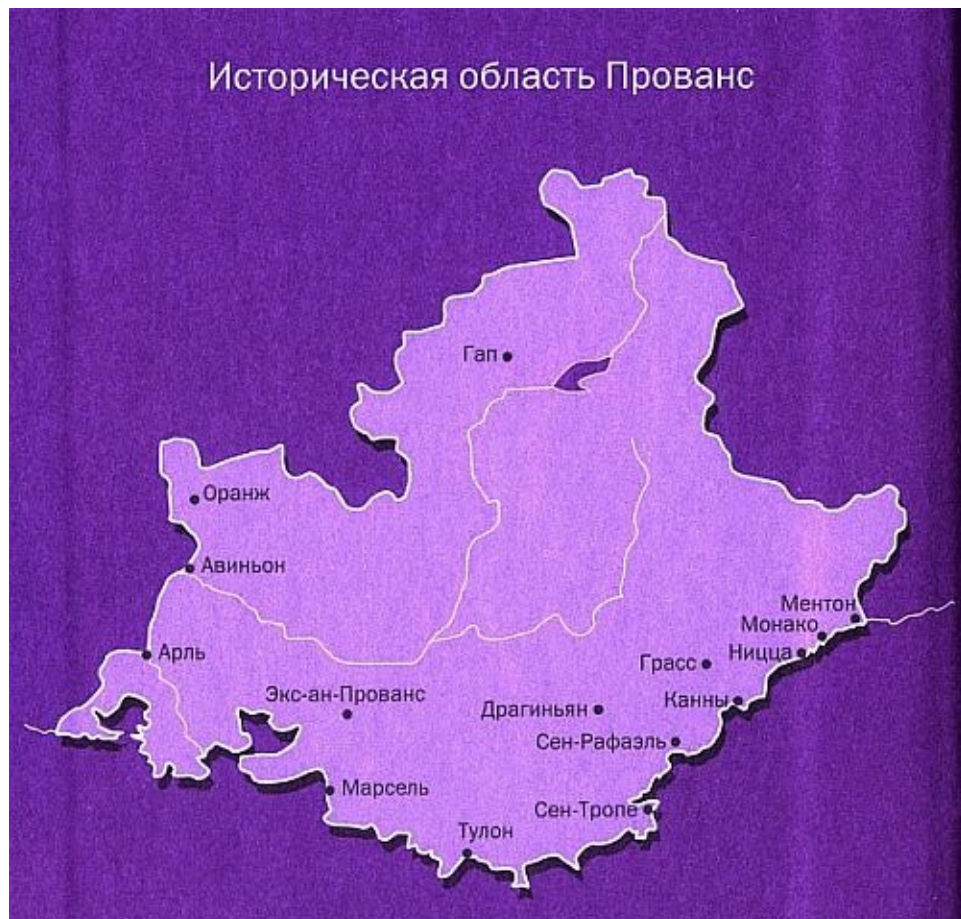
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)

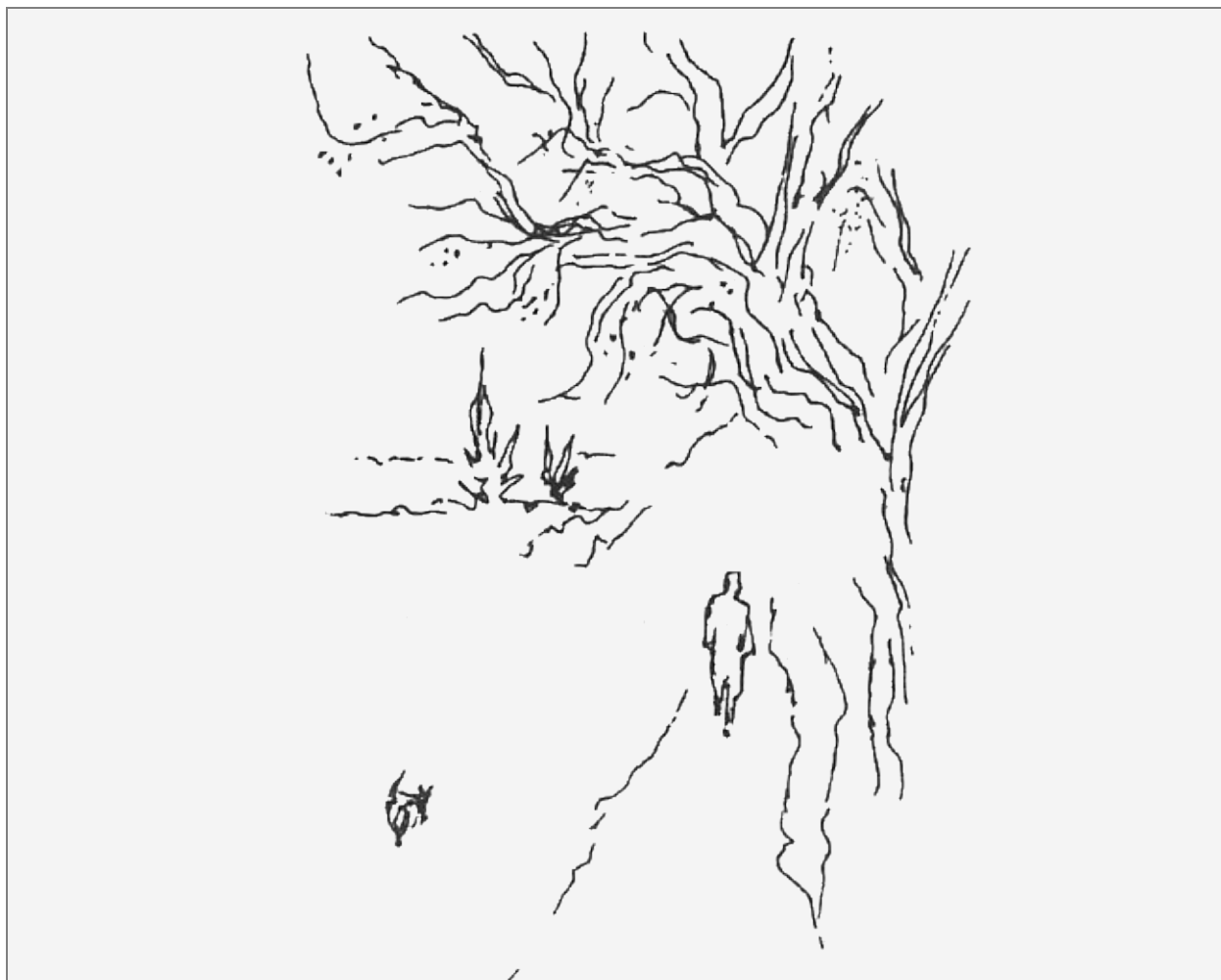
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
-

Питер Мейл

Год в Провансе

*Дженни,
с любовью и благодарностью*

ЯНВАРЬ

Тот новый год начался для нас с ланча. Традиционное празднование с его ночным обжорством, слегка нутужным оптимизмом и обреченными на провал планами всегда казалось нам сомнительным поводом для веселья. Поэтому, услышав, что первого января в соседнем городке Лакост владелец ресторана «Ле-Симьян» предлагает своим постоянным клиенткам праздничный ланч из шести блюд, сопровождаемых розовым шампанским, мы сразу же решили, что такое событие послужит отличным началом для грядущих двенадцати месяцев.

Мы приехали к половине первого, и небольшой ресторанчик со сложенными из камня стенами был уже полон. С первого взгляда делалось ясно, что наполнить некоторые из присутствующих здесь желудков — задача непростая. Многие гости, прибывшие целыми семьями, радовали глаз приятной *embonpoint*^[1] — очевидное следствие той излюбленной французами традиции, что заставляет их ежедневно проводить два или три часа за столом, не отрывая взгляда от тарелки и почти не отвлекаясь на посторонние разговоры. Владелец ресторана, тоже весьма крупный мужчина, тем не менее в совершенстве овладевший искусством порхания вокруг столиков, по случаю праздника надел бархатный смокинг и бабочку. Его напомаженные усы дрожали от энтузиазма, когда он оперным речитативом представлял меню: фуа-гра, мусс из омаров, *bœuf en croûte*,^[2] зеленый салат с оливковым маслом, изысканнейший выбор сыров, десерт неправдоподобной легкости, *digestifs*.^[3] Эту гастрономическую арию ресторатор повторял у каждого столика, а в завершение так смачно целовал сложенные вместе кончики собственных пальцев, что, вполне возможно, в итоге на губах у него образовались мозоли.

Когда смолкло последнее «*bon appétit*», в зале установилась сосредоточенная и почти благоговейная тишина — ничто не смеет отвлекать настоящего провансальца от поглощения пищи. Двигая челюстями, мы с женой вспоминали множество предыдущих встреч нового года. Большинство из них происходило под покрытым непроницаемыми, черно-серыми тучами английским небом. Сейчас, глядя на безупречную лазурь над головой и залитую солнечным светом улицу, мы с трудом верили, что на календаре первое января, но окружающие дружно уверяли нас, что все это — абсолютно нормальное состояние природы. В конце концов, мы живем в Провансе!

До этого мы не раз бывали тут как туристы и все отведенные нам две или три недели жадно впитывали блаженное тепло и щедрое солнце. И, уезжая с облупленными носами и тоской в сердце, мы каждый раз обещали себе, что когда-нибудь обязательно останемся здесь навсегда. Короткими серыми зимними днями и долгими мокрыми летними мы часто вспоминали об этом рае, жадно всматривались в фотографии напоенных жарой виноградников и деревенских улочек и мечтали о том, как по утрам нас станет будить солнце, узкими полосками пробивающееся в спальню через неплотно прикрытые жалюзи. И вот однажды, к нашему собственному удивлению, мечты превратились в реальность. Решение было принято и обратный путь отрезан. Мы купили дом, закончили курсы французского,

распрощались с друзьями и знакомыми, переправили через Ла-Манш двух наших собак и сделали иностранцами.

Все произошло с поразительной скоростью, и причиной этому стал дом, который мы увидели однажды в полдень, а к обеду мысленно уже поселились в нем.

Дом стоял чуть выше узкой дороги, соединяющей два средневековых горных городка: Менерб и Боньё. К нему вела хорошо утоптанная дорожка, бегущая сквозь виноградник, а потом — под сводами старых вишен. Это был настоящий *mas*, жилище фермера, двести лет назад построенное из местного камня, который за прошедшие годы под влиянием солнца и ветра приобрел волшебный оттенок: средний между бледно-медовым и жемчужно-серым. Жизнь дома началась в восемнадцатом веке, и тогда он состоял всего из одной комнаты, но постепенно, как это принято у деревенских жилищ, разбухал, чтобы вмещать все увеличивающееся количество детей, бабушек, коз и фермерского инвентаря, и наконец превратился в довольно просторное трехэтажное строение неправильной формы. Все в нем выглядело до крайности основательным. Даже винтовая лестница, ведущая из винного погреба наверх, была сложена из массивных каменных плит. Стены метровой толщины возводились словно специально для того, чтобы противостоять знаменитому местному мистралу — ветру, который, как здесь говорят, отрывает уши у ослов. Сзади к дому примыкал просторный, наполовину крытый двор, а за ним располагался бассейн из белого камня. Кроме того, при доме имелись три действующих колодца, несколько старых деревьев, дающих густую тень, ряд зеленых стройных кипарисов, пышная изгородь из розмарина и гигантское миндальное дерево. Под ярким полуденным солнцем, с окнами, сонно прикрытыми деревянными ставнями, он был неотразим.

У дома имелось и еще одно немаловажное, с нашей точки зрения, достоинство — и он, и вся прилегающая к нему местность были надежно защищены от циничных покушений со стороны современной сельской архитектуры. Французы питают прискорбную страсть к возведению *jolies villas*^[4] везде, где это возможно (а иногда и невозможно), и особенно в местах, наиболее живописных и до того неиспорченных цивилизацией. Мы с ужасом наблюдали за тем, как отвратительные коробки из розового бетона особого «веселенького» оттенка, не выгорающего ни под каким солнцем, со всех сторон обступали и грозили вот-вот погрести под собой старинный и прелестный городок Апт. Очень немногие местности во Франции защищены законом от подобного надругательства, и в наших глазах ценность дома сильно возрастала, оттого что он находился на

территории государственного заповедника, границы которого не смела пересечь ни одна самая отчаянная бетономешалка.

Прямо за домом к небу на тысячу метров вздымались горы Люберон, а потом, подобно королевской мантии длиной в сорок миль, ниспадали с запада на восток глубокими плавными складками. Их покрытые кедрами, соснами и вечнозелеными дубами склоны давали приют кабанам, кроликам и множеству пернатой дичи. Среди камней росли полевые цветы, тимьян, лаванда и грибы, а с вершины в ясный день открывался вид на Нижние Альпы с одной стороны и Средиземное море — с другой. Большую часть года там можно было проходить весь день, ни разу не увидев ни машины, ни живого человека. Мы привыкли считать горы естественным продолжением собственного сада, специальным раем для наших собак и надежной защитой на случай, если соседям вдруг придет в голову идея напасть на нас с тыла.

В деревне, как мы очень скоро выяснили, соседи имеют гораздо большее влияние на вашу жизнь, чем в городе. Можно годами жить в одной квартире в Нью-Йорке или Лондоне и ни разу не поговорить с людьми, обитающими за тонкой стенкой в каких-нибудь шести дюймах от вас. В деревне же вы становитесь частью жизни своих соседей, а они — частью вашей, даже если их дом находится на расстоянии в несколько сот метров. Если к тому же вы окажетесь иностранцами, то есть существами экзотическими и довольно забавными, пристальное внимание окрестных жителей вам обеспечено. А если вдобавок ко всему в момент приобретения дома вы автоматически становитесь колесиком довольно сложного и освященного временем сельскохозяйственного механизма, вам сразу же дадут понять, что от вашего образа жизни и принимаемых вами решений напрямую зависит благополучие одной или нескольких соседних семей.

Пара, у которой мы купили дом, представила нас будущим соседям за обедом, длившимся пять часов и проходившим в обстановке исключительной доброжелательности, но полного отсутствия взаимопонимания, во всяком случае с нашей стороны. Разговор за столом шел на французском, но совершенно не похожем на тот французский, что мы знали по учебникам и кассетам: это был густой и текучий говор, зарождавшийся где-то в самой глубине горла и вырывающийся наружу только после того, как основательно взболтался в носовых проходах. Из образовавшихся водоворотов и завихрений наш слух с трудом выхватывал некоторые не вполне знакомые слова: «demain»^[5] звучало скорее как «demang», «vin»^[6] как «vang», а «maison»^[7] превращался в «mesong». Это

бы еще полбеда, но слова срывались с губ провансальцев со скоростью автоматных очередей, а на конце к ним, вероятно для красоты, часто прибавлялась дополнительная, непредусмотренная словарем гласная. Таким образом, предложение взять еще хлеба — смотри страницу один любого учебника для начинающих — превращалось в одно длинное и практически неопознаваемое слово: «*Encoredupanga?*»

К счастью, хоть смысл высказываний хозяев и оставался для нас тайной, их приветливость и дружелюбие были очевидны без слов. Анриетта, смуглая, хорошенькая и улыбчивая, произнося каждое предложение, казалось, ставила себе задачу побить мировой рекорд скорости. Ее муж Фосген (или «Фостанг», как мы в течение нескольких недель считали) — крупный и добродушный — напротив, двигался и говорил относительно медленно. Он родился в долине, прожил в долине всю жизнь и собирался умереть в долине. Его отец, папаша Андре, живущий по соседству, уже в возрасте восьмидесяти лет застрелил своего последнего кабана и, отказавшись по причине почтенного возраста от охоты, пристрастился к велосипедным прогулкам. Дважды в неделю он катался в деревню за свежей порцией продуктов и сплетен. Все вместе они представляли собой вполне счастливую семью.

Однако наше вселение в соседний дом вызвало у них явную тревогу, и, не без труда продираясь сквозь пары тагс,^[8] табачный дым и, главное, через густой туман провансальского акцента, мы наконец разобрались, в чем тут дело.

Большая часть из шести прилегавших к нашему дому акров земли отводилась под виноградники, которые вот уже много лет возделывались по традиционной системе *métayage*: владелец земли оплачивал удобрения и новые саженцы, а фермер-арендатор отвечал за борьбу с вредителями, сбор урожая и обрезку лозы. В конце сезона две трети выручки доставались фермеру и одна треть — владельцу земли. Если владелец менялся, договор приходилось заключать заново, и именно это и беспокоило Фосгена. Все чаще дома в Любероне покупали горожане, намеревавшиеся проводить в них только выходные или часть отпуска, и в таких случаях на отличной сельскохозяйственной земле нередко разбивались причудливые декоративные сады или цветники. Иногда — о, ужас! — виноградники вырубались даже для того, чтобы устроить на их месте теннисный корт. Подумайте только — теннисный корт! Фосген одновременно вскинул к небу брови и плечи, не в силах постичь недомыслие горожан, готовых пожертвовать драгоценной лозой ради сомнительного удовольствия гоняться по жаре за маленьким мячиком.

Он беспокоился напрасно. Нам нравился виноградник, нравилась его элегантная упорядоченность на фоне лениво развалившейся горы, нравилось то, как его цвет меняется с ярко-зеленого весной на темно-зеленый летом и желтый — осенью; нравились голубой дым, поднимающийся от костров к небу в сезон обрезки лозы, и одинокие пеньки, торчащие из голой земли зимой — все это, в отличие от теннисных кортов и ландшафтных дизайнов, было специально создано для этой земли (наш бассейн, кстати сказать, тоже казался здесь отчасти чужеродным, но его, по крайней мере, не вырыли на месте виноградника). А ведь, кроме того, было еще и вино. Свою часть прибыли мы могли получить по собственному выбору либо деньгами, либо конечным продуктом — в среднем нам причиталась примерно тысяча литров хорошего ординарного розового и красного в год. Настолько убедительно, насколько это позволял наш далекий от совершенства французский, мы объяснили Фостену, что будем просто счастливы продлить существовавший с предыдущими хозяевами договор. Фосген просиял. Теперь он окончательно убедился, что отношения у нас сложатся. Возможно, когда-нибудь мы сможем даже поговорить друг с другом.

Владелец «Ле-Симьяна» пожелал нам счастья в новом году и на мгновение, порхая, завис в дверном проеме. Мы уже вышли на узкую улочку и щурились от бьющего прямо в глаза ослепительного солнца.

— Недурно, да? — спросил он и широким хозяйским жестом облитой бархатом руки обвел деревню, развалины замка маркиза де Сада, прилепившиеся к склону, горную цепь на горизонте и чистейшее, яркое небо — так, словно все это было частью его личных владений. — Счастливы те, кто живет в Провансе!

Мы охотно с ним согласились. Если это называется у них зимой, нам вряд ли понадобятся те тяжелые пальто, меховые ботинки и толстые свитера, что мы привезли с собой из Англии. По дороге домой, радуясь теплу и вкусной пище, до отказа наполнившей наши желудки, мы рассуждали о том, когда сможем в первый раз в этом году поплавать в бассейне, и снисходительно жалели тех несчастных, чья судьба забросила в страны с более суровым климатом.

А тем временем в тысячах миль к северу от нас уже собирал силы для последнего броска ветер, начавший свое долгое путешествие где-то над просторами Сибири. Разумеется, мы уже слышали страшные истории о мистрале — провансальцы обычно рассказывали их с какой-то мазохистской гордостью. Он якобы сводит с ума людей и животных.

Учитывается судами как смягчающее обстоятельство в преступлениях, связанных с насилием. Дует по пятнадцать дней кряду, с корнем вырывает из земли деревья, переворачивает машины, выбивает окна, швыряет старушек в канавы, опрокидывает телеграфные столбы, воет в трубах, будто ледяное злонравное приведение, приносит с собой *la grippe*, семейные скандалы, прогулы, зубную боль, мигрень — словом, во всех тех неприятностях, которые нельзя было свалить на политиков, провансальцы спешили обвинить свой знаменитый *sâcré vent*.^[9]

Типичная галльская страсть к преувеличениям, думали мы. Доведись им хоть раз пройтись против того ветра, что дует зимой с Канала и швыряет дождь вам в лицо практически горизонтально, они не бахвалились бы так своим мистралем. Мы снисходительно кивали и, чтобы доставить удовольствие рассказчикам, притворялись, будто боимся.

В результате мы оказались совершенно неподготовленными, когда первый в том году мистраль пронесся по долине Роны, резко повернул налево и со всей силы врезался в западную стену нашего дома, скинув часть черепицы с крыши в бассейн и сорвав с петель окно, неосторожно оставленное открытым. За сутки температура упала на двадцать градусов. Термометр сначала показал ноль, а вскоре и минус шесть. В сводках, поступавших из Марселя, сообщалось, что скорость ветра достигает ста восьмидесяти километров в час. Моя жена готовила обед в пальто. Я пытался печатать в перчатках. Мы перестали обсуждать дату открытия купального сезона и с вожделением заговорили о центральном отоплении. А однажды утром со звуком, похожим на треск ломающихся сучьев, у нас лопнули замерзшие за ночь трубы.

Они свисали со стены, разбухшие и безнадежно забитые льдом, и месье Меникуччи, прищурившись, изучал их безрадостным взглядом профессионального водопроводчика.

— *Oh là là*, — сказал он. — *Oh là là*. Видишь, что делается? — Он покачал головой, адресуясь к своему юному помощнику, которого неизменно называл *jeune homme*^[10] или просто *jeune*. — Голые трубы. Никакой изоляции. Отличный водопровод для Лазурного берега. В Ницце или в Каннах такой, может, и сойдет, но здесь...

Месье Меникуччи неодобрительно поцокал языком, строго потряс пальцем под носом у *jeune* и, вероятно, для того чтобы подчеркнуть разницу между мягкой зимой на побережье и здешним арктическим холодом, поглубже натянул на уши шерстяную шапочку. Месье Меникуччи был маленьким и щуплым, специально созданным для профессии

водопроводчика, как он сам утверждал, ибо подобное сложение позволяло ему залезать в самые узкие щели, недоступные для более крупного и неуклюжего мужчины. Пока *jeune* разжигал паяльную лампу, месье Меникуччи побаловал меня первой из серии своих удивительных лекций и избранных *pensées*.^[11] Тогда я еще не знал, что мне предстоит наслаждаться ими весь этот год. В тот раз это был геофизический трактат на тему неуклонно возрастающей суровости провансальского климата.

Вот уже три года подряд здешние зимы поражают всех такими низкими температурами, что подобного не могут припомнить даже старожилы. Известны несколько случаев, когда холода убили древние оливковые деревья. Это явно *pas normale*^[12] (фраза, которую местные жители употребляют всякий раз, когда солнце прячется за тучу). Но в чем тут дело?! Месье Меникуччи вежливо дал мне две секунды на то, чтобы самостоятельно найти ответ на эту загадку, а потом убедительно изложил собственную теорию, периодически тыча мне в грудь пальцем, дабы убедиться, что я внимательно слушаю.

Совершенно очевидно, твердо заявил он, что холодный воздух из России теперь прибывает в Прованс за более короткое время, чем раньше, и, как следствие, не успевает прогреться по дороге. И причина этого в том — тут месье Меникуччи не устоял перед соблазном сделать эффектную паузу, — что произошло изменение в конфигурации земной коры. *Mais oui!*^[13] Где-то между Сибирью и Менербом закругленная поверхность планеты стала более плоской, и в результате путь ветра с севера на юг сделался короче. Это единственное логичное объяснение метеорологического феномена. К моему огромному сожалению, вторая часть лекции («Почему земная кора стала более плоской?») была прервана треском еще одной лопнувшей трубы, и месье Меникуччи пришлось отказаться от попытки просветить меня ради поистине виртуозной работы с паяльной лампой.

На обитателей Прованса погода влияет самым непосредственным и явным образом. По праву рождения они уверены, что каждый день обязан быть солнечным, и, если он таковым не оказывается, у них моментально портится настроение. Дождь они воспринимают как личное оскорбление и в кафе громко выражают друг другу соболезнования, скорбно качают головами, с отвращением обходят лужи и подозрительно поглядывают на небо, словно ожидают, что оттуда на них вот-вот опустится стая саранчи. А если случается что-нибудь похуже дождя — например, минусовая температура, — происходит и вовсе поразительная вещь: все население Прованса вдруг одновременно куда-то исчезает.

В середине января, когда мороз был особенно жгучим, во всех окрестных городках и деревнях установилась непривычная тишина. На рыночных площадях, раз в неделю становящихся оживленными и многолюдными, теперь только несколько самых бесстрашных продавцов, готовых рискнуть обморожением ради дневной выручки, пытались согреться, переступая с ноги на ногу и регулярно прикладываясь к фляжкам. Редкие покупатели быстро подходили, хватали товар, отдавали деньги и убегали, не задерживаясь даже для того, чтобы пересчитать сдачу. Владельцы кафе и баров плотно закрыли двери и окна, предпочитая спертую духоту морозной свежести. Улицы обезлюдели.

Наша долина словно впала в спячку, и мне не хватало привычных звуков, ранее отмерявших мою жизнь точнее любых часов: утреннего хриплого кашля петуха на ферме у Фостена; сумасшедшего дребезжания и лязга — как будто кто-то трясет жестяную коробку с болтами и гайками, — издаваемого «ситроенами» фермеров, в полдень спешащих домой на ланч; редких залпов охотничьего ружья, доносящихся из виноградников на склоне дальнего холма; едва слышных завываний бензопилы в лесу; начинающейся с наступлением сумерек серенады в исполнении деревенских псов. Вместо всего этого в округе надолго установились звенящая тишина и безлюдье. Нас разбирало любопытство: куда они все подевались и чем занимаются?

Фостен, как мы точно знали, разъезжал по соседним фермам и, словно палач-гастролер, перерезал горла и ломал шеи многочисленным кроликам, уткам, свиньям и гусям, которым суждено было превратиться в паштеты, окорока и *confits*.^[14] Мы считали, что это довольно неожиданное занятие для столь мягкосердечного человека, безнадежно избаловавшего собственных собак, но, судя по всему, наш сосед как истинный фермер делал свое дело быстро, умело и без лишних сантиментов. Нам казалось совершенно естественным превратить кролика в домашнего любимца или душевно привязаться к гусаку, но мы были детьми города и супермаркетов, в которых расфасованная и гигиенично упакованная плоть нисколько не напоминает о живых существах, которым она когда-то принадлежала. Запакаянная в пленку стерильная свиная котлета уже не имеет ничего общего с теплым и грязным боком живой свиньи. Но здесь, в деревне, невозможно было игнорировать прямую связь между чьей-то смертью и нашим обедом, и в будущем нам неоднократно случится мысленно благодарить Фостена за его зимние труды.

Но чем же занимаются все остальные? Земля промерзла насквозь, давно обрезанная виноградная лоза дремала и не требовала ухода, а для

охоты было слишком холодно. Может, они все уехали в отпуск? Нет, исключено. Наши соседи явно не принадлежали к числу тех джентльменов-фермеров, что проводят зиму на собственной яхте в Карибах или на снежном альпийском склоне. Они предпочитали отдыхать там же, где и жили, и в августе во время отпуска очень много ели и подолгу спали, набираясь сил перед изнурительным сезоном *vendange*.^[15] Мы продолжали ломать голову над этой загадкой до тех пор, пока не обратили внимания на тот факт, что дни рождения очень многих местных жителей приходятся на сентябрь и октябрь. После этого вывод напрашивался сам собой: очевидно, все они сидят по домам и делают детей. В деревне для каждого занятия имеется свое, строго определенное время, и, очевидно, первые два месяца года отводились на продолжение рода. Правда, уточнить этот вывод у наших соседей мы так и не решились.

Как выяснилось, в Провансе холодная погода может служить источником и иных, менее интимных удовольствий. Помимо тишины и обезлюдившего пейзажа для здешних зим характерен и совершенно особенный запах, который чувствуешь еще острее в сухом, морозном воздухе. Во время моих прогулок по холмам я часто, еще не обнаружив жилья, угадывал, что оно где-то близко по поднимающемуся из пока невидимой трубы аромату горящих поленьев. Этот запах, один из самых древних и примитивных в мире, вероятно, именно поэтому уже давно изгнан из наших городов. Объединив усилия, пожарные инспекторы и дизайнеры либо наглухо замуровали камин, либо превратили их в элегантную, но нефункциональную деталь интерьера. В Провансе каминными продолжают пользоваться: на них готовят пищу, вокруг них сидят, они греют ноги и радуют глаз. Огонь разводят рано утром и весь день подкармливают дубовыми поленьями со склонов Люберона или буковыми, добытыми у подножия Монт-Венту. В сумерках, возвращаясь с собаками домой, я всегда останавливался в таком месте, с которого видна была вся наша долина, и любовался длинными зигзагами дыма, поднимающимися с ферм, что примостились вдоль дороги на Боньё. Это зрелище неизменно вызывало во мне мысли о хорошо протопленной кухне, густом и ароматном рагу, а вместе с тем — зверский голод.

Во всем мире знаменита летняя провансальская кухня: дыни, персики и спаржа, кабачки и баклажаны, помидоры и перцы, *aioli* и *bouillabaisse*,^[16] свежайшие козы сыры и изумительные салаты из маслин, анчоусов, яиц и ломтиков молодого картофеля на разноцветной подкладке из листьев салата, блестящих от оливкового масла — воспоминания обо всем этом

будут мучить нас еще много лет при одном только взгляде на жалкие и бледные продукты, выложенные на прилавках английских магазинов. Но раньше мы никогда не подозревали, что существует и зимняя провансальская кухня — совершенно непохожая на летнюю, но не менее прекрасная.

Зимой в Провансе предпочитают крестьянскую пищу. Она пристаёт к ребрам, согревает, придает силы и наполняет желудок чудесным теплом. Возможно, эти блюда не так красивы, как крошечные, артистично размазанные по тарелке порции в каком-нибудь модном ресторане, но в ледяной вечер, когда мистраль режет щеки, точно бритва, они вне конкуренции. А тот вечер, когда одни из соседей пригласили нас на обед, оказался таким ледяным, что короткая прогулка до их дома превратилась в короткую пробежку.

Мы шагнули через порог, и мои очки немедленно запотели от жара камина, занимавшего всю дальнюю стену комнаты. Когда туман испарился, я увидел большой, покрытый клетчатой клеенкой стол и десять стульев вокруг него — несколько друзей и родственников хозяев собирались взглянуть на нас. В углу комнаты кричал телевизор, из кухни, соперничая с ним, доносились вопли радио, и целая шайка собак и кошек шумно выгонялась из дома каждый раз, когда дверь открывали, чтобы впустить нового гостя, и потихоньку просачивалась внутрь при появлении следующего. Хозяин принес поднос с напитками: *pastis*^[17] для мужчин и охлажденный сладкий мускат для дам, и сразу же, словно по сигналу стартового пистолета, все гости начали громко жаловаться на погоду. Неужели и в Англии так же холодно, хотели знать они. Только летом, сострил я, и на мгновение они, кажется, поверили и пришли в ужас, но потом кто-то спас меня и засмеялся, оценив шутку. Когда гости рассаживались вокруг стола, произошла небольшая свалка, но я так и не понял ее причины: все стремились усесться то ли поближе к нам, то ли как можно дальше.

Мы никогда не забудем этого обеда или, вернее сказать, этих обедов, потому что последовавшая трапеза и по количеству и по качеству превосходила все, что нам случалось есть до этого.

Для начала подали домашнюю пиццу — не одну, а целых трех: с анчоусами, с грибами и с сыром, — и нас заставили взять по ломтику каждой. Затем наши сотрапезники тщательно вытерли тарелки кусочками хлеба, оторванными от полутораметровых батонов, и хозяйка внесла следующее блюдо — паштет из кролика, кабана и дроздов. Потом

ароматный террин из свинины, сдобренный *marc*. Потом *saucissons*^[18] с крупинками черного перца. Потом крошечные сладкие луковички, замаринованные в свежем томатном соке. Потом тарелки вытерли еще раз и в столовую внесли утку. Разумеется, это блюдо не имело ничего общего с тремя тончайшими ломтиками грудки, которые в элегантных ресторанах в виде веера выкладывают на тарелке и пачкают изящным росчерком соуса. Здесь нас угощали целыми грудками и целыми ножками, щедро политыми густой пряной подливкой, с гарниром из лесных грибов.

Не без труда мы доели утку и устало откинулись на спинки стульев, радуясь, что наши непривычные желудки сумели вместить все это изобилие, но тут же с ужасом увидели, что остальные гости в очередной раз вытирают тарелки, а мадам ставит на стол огромную дымящуюся кастрюлю со своим коронным блюдом — густым *civet*^[19] из кролика великолепного, шоколадного цвета. Наши робкие мольбы о порциях поменьше были встречены недоверчивыми улыбками и решительно отклонены. Мы съели *civet*. А еще зеленый салат с чесночными гренками, поджаренными в оливковом масле. И еще круглые, пухлые *crottins* козьего сыра и *gâteau*^[20] из сливок и миндаля, изготовленный дочерью хозяев. В тот вечер мы с женой ели за всю Англию.

К кофе хозяин выставил на стол целую коллекцию кривых бутылок с местными *digestifs*. При виде их у меня, наверное, упало бы сердце, но я был так туго набит пищей, что ему просто некуда было падать. Отказаться, разумеется, не удалось. Я был просто обязан попробовать одно совершенно особенное зелье, созданное в точности по монастырскому рецепту одиннадцатого века. Меня попросили на минутку закрыть глаза, а когда я открыл их, то увидел перед собой стакан, уже наполненный ядовито-желтой жидкостью. Я в отчаянии огляделся, но спасения не было: все общество пристально наблюдало за мной, совершенно лишая возможности отдать напиток собаке или украдкой вылить себе в ботинок. Для устойчивости я взялся рукой за край стола, произнес короткую молитву святому покровителю жертв несварения и одним махом опрокинул стакан.

Странно. Я уже смирился с тем, что заработаю ожог языка в лучшем случае и навсегда лишусь вкусовых пупырышков — в худшем, но в рот не попало ничего, кроме воздуха. Это был фокус: стакан-обманка, и, кажется, впервые в своей взрослой жизни я почувствовал облегчение, оставшись без выпивки. Когда все гости отсмеялись, по стаканам были разлиты уже настоящие напитки, но на этот раз меня выручила кошка. Со своего наблюдательного пункта наверху старинного буфета она заметила моль и,

устремившись за ней, приземлилась прямо на стол посреди кофейных чашек и бутылок. Воспользовавшись минутным замешательством хозяев, мы с женой поспешно распрощались и спаслись бегством. Мы шли по тропинке, с трудом неся перед собой туго набитые животы, не в силах разговаривать и совершенно не чувствуя холода, а дома рухнули в кровать и всю ночь проспали как мертвые.

Даже по местным стандартам этот обед нельзя было назвать рядовым. Люди, работающие на земле, в обычные дни предпочитают побольше есть в полдень и поменьше вечером — привычка, конечно, разумная и очень здоровая, но, к сожалению, совершенно неприемлемая для нас. В Провансе мы с удивлением и некоторым беспокойством обнаружили, что съесть плотный ланч — это лучший способ заработать волчий аппетит к обеду. Возможно, все дело тут было в новизне и в том, что мы еще не привыкли жить среди такого изобилия вкусных вещей, а также среди мужчин и женщин, для которых хорошая еда была почти что культом. Мясники, к примеру, не удовлетворялись тем, что просто продавали вам мясо. Кроме того, они, в подробностях и не обращая внимания на скопившуюся очередь, рассказывали, как его следует приготовить, сервировать и какое вино и гарнир надо подать с ним.

Впервые мы столкнулись с этим, когда отправились в Апт, чтобы купить телятину для особого провансальского рагу под названием *pebronata*. Нам порекомендовали мясную лавку в старой части города, хозяин которой имел репутацию человека знающего и *très sérieux*.^[21] Магази́чик был маленьким, а мясник и его супруга очень большими, поэтому, когда к ним прибавились мы с женой, в лавке стало совсем тесно. Хозяин очень внимательно слушал, пока мы подробно объясняли, что именно хотим приготовить: возможно, он уже знал о таком блюде.

Когда мы закончили, мясник возмущенно фыркнул и так энергично начал затачивать свой огромный нож, что мы из осторожности отступили на шаг. Понимаем ли мы, поинтересовался он, что обратились к эксперту — возможно, самому крупному эксперту по *pebronata* в Воклюзе? Его жена не сводила с супруга восхищенных глаз и кивала, подтверждая его слова. А как же иначе, вопрошал мясник, размахивая у нас перед носом десятидюймовым, остро заточенным лезвием, ведь он написал книгу о *pebronata* — *définitive*^[22] книгу, — содержащую двадцать вариантов только основного рецепта. Супруга опять кивала. Она исполняла роль старшей медсестры, подающей знаменитому хирургу сверкающие инструменты для заточки перед началом операции.

Видимо решив, что мы уже достаточно преисполнились почтением и робостью, хозяин сменил гнев на милость, выложил на прилавок симпатичный кусок телятины, артистично срезал с него все лишние жилки и пленки, разделал на кубики, в отдельный пакетик положил мелко нарубленные травы, сообщил, где можно купить самые лучшие перцы (четыре зеленых и один красный — из эстетических соображений), еще два раза повторил рецепт, дабы убедиться, что мы все правильно запомнили, и посоветовал, какой сорт Кот-дю-Рон следует подавать к рагу. Весь этот спектакль произвел на нас неизгладимое впечатление.

Истинные гурманы произрастают на земле Прованса гуще, чем где бы то ни было, и иногда перлы гастрономической мудрости рождаются из самых неожиданных источников. Мы уже начали привыкать к тому, что французы относятся к кулинарии с той же страстью, какую иные нации испытывают к спорту или политике, и все-таки поразились, когда месье Баньоль, наш приходящий уборщик, произвел вполне профессиональный сравнительный анализ лучших трехзвездочных ресторанов. Он явился из Нима, чтобы отшлифовать наши каменные полы, и с самого начала дал понять, что не привык легкомысленно относиться к своему желудку. Каждый день ровно в полдень месье Баньоль снимал свой рабочий комбинезон, переодевался и на два часа отправлялся в один из местных ресторанов.

По его словам, все они были не так уж неплохи, но, разумеется, не могли сравниться с «Боманьер» в Ле-Бо. «Боманьер» удостоился трех мишленовских звезд и семнадцати очков из двадцати возможных по ресторанному гиду Го-Мийо, и там, уверял месье Баньоль, ему довелось попробовать совершенно исключительного морского окуня *en croûte*. Кстати, и «Труагро» в Роане — тоже очень недурной ресторан, но, к сожалению, расположен прямо напротив вокзала и поэтому вид из окон там не так хорош, как в «Боманьер». У «Труагро» тоже три мишленовские звезды, а рейтинг по Го-Мийо и вовсе девятнадцать с половиной. Приладив толстые наколенники, месье Баньоль начинал скрести песком наш пол, попутно продолжая делиться полезной информацией о ряде самых дорогих ресторанов во Франции.

Как-то ему случилось побывать в Ливерпуле и отведать там в отеле жареной баранины. По уверению месье Баньоля, мясо было серым, безвкусным и волокнистым. Но ведь всем известно, вздохнул он, что англичане убивают барашков дважды: первый раз, когда перерезают им горло, а второй — когда их готовят. Я обиделся на столь бесцеремонный отзыв о кухне моей родины и удалился, предоставив месье Баньолю тереть песком пол и мечтать об очередном визите в «Бокюз».^[23]

Погода оставалась холодной, ночи — удивительно звездными, а восходы — театрально красивыми. Как-то рано утром я вышел с собаками на прогулку. Низкое солнце висело над самым горизонтом, и я шел, попеременно попадая то в густую, почти черную тень, то в ослепительный блеск и сияние. Издалека до меня донесся взволнованный лай: похоже, собаки обнаружили что-то интересное.

Мы были в той части леса, где земля, неожиданно расступившись, образовывала глубокую чашу, на самом дне которой какой-то полоумный фермер построил дом, почти постоянно скрытый в густой тени деревьев. Мы уже неоднократно проходили мимо: ставни всегда были плотно закрыты, и о теплящейся внутри жизни говорила только струйка дыма, поднимавшегося из трубы. Во дворе две здоровые всклокоченные овчарки и одна черная дворняга постоянно металась на цепях и отчаянно лаяли в тщетной надежде порвать на клочки какого-нибудь случайного прохожего. Эти псы были широко известны своим злобным нравом: одному из них однажды удалось-таки сорваться с цепи и располосовать ногу проходившего мимо папаши Андре. Мои собаки, проявлявшие чудеса храбрости при встрече с зазевавшейся кошкой, в этом случае демонстрировали завидное благоразумие и предпочитали, делая круг, обходить опасный двор по склону ближайшего крутого холма. Сейчас они были уже на его вершине и лаяли нервно и удивленно, как лают собаки, когда обнаруживают на хорошо знакомой территории какой-то неизвестный предмет.

Я тоже поднялся на вершину холма и, хотя солнце било прямо в глаза, различил среди деревьев силуэт человека с головой, окруженной дымным нимбом. Мои собаки облаивали его с безопасного расстояния. Я подошел поближе, и он протянул холодную жесткую руку:

— *Bon jour.* — Человек выплюнул прилепившийся в уголке рта окурок и представился: — Массо, Антуан.

Антуан Массо выглядел весьма воинственно: на нем были покрытая старыми пятнами камуфляжная куртка, армейское кепи, патронташ на поясе и помповый дробовик за плечом. Его лицо цветом и фактурой напоминало плохо прожаренный бифштекс, нос острым клином вдавался в лохматые, пожелтевшие от никотина усы, а светло-голубые глазки пронзительно посверкивали из-под спутанных рыжих бровей. Щербатая улыбка месье Массо могла бы нагнать тоску на самого жизнерадостного стоматолога. Вместе с тем он казался вполне дружелюбным, хоть и на свой, немного сумасшедший манер.

Я поинтересовался, удачно ли он поохотился.

— Лиса, — коротко ответил Массо. — Но слишком старая, чтобы есть. — Он философски пожал плечами и закурил очередную толстую сигарету, завернутую в желтую бумагу и дымящую как целый костер. — По крайней мере не будет больше беспокоить моих собак по ночам. — Он кивнул в сторону дома, приютившегося на дне впадины.

Я заметил, что его собаки выглядят довольно свирепыми, и мой новый знакомец усмехнулся. Песики просто игривые, возразил он. Но ведь, кажется, одной из них удалось сорваться с цепи и при этом пострадал пожилой человек? А, это... Месье Массо горестно покачал головой. Проблема в том, объяснил он, что к игривой собаке нельзя поворачиваться спиной, а старик совершил как раз эту ошибку. *Une vraie catastrophe.*^[24] Я подумал было, что он сожалеет о печальной судьбе папаши Андре, которому пришлось ехать в больницу и накладывать швы, потому что собачий клык разорвал ему вену на ноге, но, как выяснилось, ошибся. Больше всего Массо печалило то, что пришлось покупать новую цепь, а эти грабители в Кавайоне содрали с него целых двести пятьдесят франков — урон посерьезнее, чем пустяковый укус.

Чтобы отвлечь его от грустных воспоминаний, я сменил тему и спросил, неужели он и вправду есть лисиц. Массо, казалось, удивился такому глупому вопросу и пару минут молча смотрел на меня, словно пытался понять, не дурачу ли я его.

— А в Англии что, не едят лисиц?

Я на секунду представил себе, как члены какого-нибудь королевского охотничьего клуба из Лестершира, оправившись от сердечного приступа, пишут коллективное письмо в «Таймс» о подобном неспортивном, возмутительном и типично иностранном поведении, и покачал головой:

— Нет, в Англии не едят лисиц. В Англии одеваются в красные фраки, садятся верхом, берут свору собак и гоняются за лисицей, а когда догонят, отрезают у нее хвост.

Массо недоверчиво наклонил голову:

— *Ils sont bizarres, les Anglais.*^[25]

А потом с удовольствием и при помощи ужасающе натуралистичной жестикуляции он рассказал мне, как поступают с лисицей цивилизованные люди.

Найдите молодую лисицу и постарайтесь убить ее аккуратным выстрелом в голову, не представляющую никакого кулинарного интереса. Дробь, застрявшая в съедобных частях животного, может привести к сломанным зубам — Массо продемонстрировал мне две щербины у себя во рту — и несварению.

Освежите ее и отрежьте лишние части. Тут Массо коротким жестом в районе собственного паха показал, какие именно части надо отрезать, а потом не менее выразительно продемонстрировал, как следует потрошить несчастное животное.

На сутки оставьте освежеванную тушку в холодной проточной воде, для того чтобы избавиться от *goût sauvage*.^[27] Потом высушите ее, положите в мешок и на ночь повесьте на улице, желательно на морозе.

На следующее утро поместите лисицу в толстый чугунный котелок и залейте смесью из крови и красного вина. Добавьте травы, лук, несколько головок чеснока и день или два тушите на очень маленьком огне (Массо извинился за то, что не может сказать точнее, но объяснил, что время готовки зависит от возраста животного).

В былые дни лисицу полагалось есть с хлебом и отварным картофелем, но в наше время благодаря прогрессу и изобретению фритюрниц ее можно подавать с *pommes frites*.^[28]

Излагая мне свой заветный рецепт, Массо оживился. Он поведал мне, что живет совершенно один и за зиму отвыкает от человеческого общества. Всю свою жизнь он прожил в горах, но, возможно, сейчас настало время переехать в деревню и обосноваться среди людей. Конечно, ему невыносимо грустно расставаться с этим прекрасным домом, таким спокойным, так хорошо защищенным и от мистраля, и от жара полуденного солнца — домом, в котором он провел столько счастливых лет. Скорее всего это расставание разобьет ему сердце, если только... — Массо пристально посмотрел на меня затуманившимися от эмоций голубыми глазками — ...если только он не решит оказать мне неоценимую услугу, дав какому-нибудь из моих друзей шанс купить это замечательное имение.

Я взглянул вниз на скрытый в глухой тени полуразвалившийся дом, на трех собак, бессмысленно бегающих по двору на ржавых цепях, и подумал, что, пожалуй, в целом Провансе не найти менее привлекательного места

для жизни. Здесь не было ни солнца, ни красивого вида, ни ощущения простора, и я мог поклясться, что и внутри дом такой же запущенный и мрачный, как и снаружи. Я пообещал Массо, что при случае упомяну о его предложении своим друзьям, и он заговорщицки подмигнул мне:

— Всего миллион франков. За такие деньги это просто подарок.

А кроме того, пока он еще не покинул этот райский уголок, я могу совершенно безвозмездно пользоваться его обширнейшими познаниями в области сельской жизни. Он знаком с каждым сантиметром этого леса, может рассказать мне, где растут грибы, куда приходят на водопой дикие кабаны, как правильно выбрать ружье и как натаскать охотничью собаку — и весь этот кладезь премудрости он готов предоставить в мое распоряжение по первой же просьбе. Я искренне поблагодарил его.

— *C'est normale*,^[29] — кивнул Массо и отправился вниз по холму в свою резиденцию, стоимостью в миллион франков.

Когда в деревне я сообщил своему приятелю, что познакомился с Массо, тот ухмыльнулся:

— Он рассказал тебе, как готовить лисицу? — Я кивнул. — А свой дом пытался продать? — Я снова кивнул. — Старый *blagueur*.^[30] У него не все дома.

Может, и так, но меня это не волновало. Массо мне понравился, и я уже предчувствовал, что он станет бесценным источником увлекательной и весьма недостоверной информации. Теперь, когда Массо взялся посвящать меня в тонкости сельской жизни, а месье Меникуччи — в серьезные научные теории, мне оставалось только найти лоцмана, способного провести наш корабль по мутным водам французской бюрократии, кишущим минами, мелями и опасными рифами.

Вообще-то, учитывая все сложности, с которыми мы столкнулись, когда приобретали дом, нам следовало ожидать чего-то подобного. Мы хотели купить, владелец хотел продать, цена всех устраивала — казалось бы, что может быть проще? Но нет! Против собственной воли и желания мы надолго сделались участниками национальной французской забавы — сбора документов. От нас потребовали: свидетельства о рождении, чтобы доказать, что мы существуем на свете; паспорта, чтобы доказать, что мы — подданные Британии; свидетельство о браке, чтобы доказать наше право приобрести дом в совместное владение; свидетельства о разводах, чтобы доказать, что свидетельство о браке имеет законную силу; документ, подтверждающий тот факт, что у нас имеется постоянный адрес в Англии

(наши водительские удостоверения, в которых этот адрес указан черным по белому, были сочтены недостаточным доказательством того, что мы действительно там проживаем. Не найдется ли у нас какого-нибудь более убедительного документа — например, старого счета за электричество?). Бумажки летали между Англией и Францией несколько недель до тех пор, пока в папке у местного нотариуса не сосредоточилась вся информация о нашей жизни за исключением, наверное, только отпечатков пальцев и данных о группе крови. Только после этого сделка наконец состоялась.

Тогда мы наивно решили, что все эти бюрократические препоны нам приходится преодолевать лишь потому, что мы — иностранцы, желающие купить крошечный кусочек Франции, и, следовательно, представляем потенциальную угрозу интересам национальной безопасности. Менее важная операция, несомненно, потребует гораздо меньше сил и времени. И мы отправились покупать машину.

Наш выбор пал на стандартный «*Citroën deux chevaux*»^[31] — модель, которая практически не менялась за последнюю четверть века. Именно поэтому запасные части к ней можно купить в любой деревне. Механически она устроена не сложнее, чем простая швейная машинка, и любой мало-мальски опытный сельский кузнец способен починить ее. Она недорого стоит, а ее верхний предел скорости не покажется опасным даже самому осторожному водителю. Единственным ее недостатком является то, что подвеска изготовлена из чего-то похожего на желе, и поэтому «*Citroën deux chevaux*» может считаться единственной машиной в мире, при езде на которой можно заработать морскую болезнь. Но в целом это очень практичное и симпатичное транспортное средство, и, к нашей радости, оно имелось в продаже в том гараже, куда мы пришли.

Продавец внимательно изучил наши права, действительные во всех странах Общего рынка вплоть до начала следующего века, и с выражением глубокой печали отрицательно покачал головой:

— *Non.*

— *Non?*

— *Non.*

Мы порылись по карманам и достали свое секретное оружие: два паспорта.

— *Non.*

Мы снова полезли в карманы. Чего же он еще хочет? Свидетельство о браке? Старый счет за электричество? Решив, что гадать бессмысленно, мы прямо спросили у него, что еще, кроме денег, требуется для того, чтобы купить машину.

— У вас имеется французский адрес?

Мы сообщили ему свой французский адрес, и он с величайшей тщательностью вписал его в квитанцию, несколько раз проверив, достаточно ли четко отпечатываются буквы на третьем экземпляре.

— А у вас имеется какое-нибудь доказательство, что это действительно ваш адрес? Счет за телефон, например? Или за электричество?

Мы объяснили, что еще не получали никаких счетов, потому что недавно вселились. Он объяснил, что адрес необходим для того, чтобы выписать *carte grise*^[32] — документ, свидетельствующий, что мы являемся владельцами автомобиля. Нет адреса — нет *carte grise*, нет *carte grise* — нет машины.

К счастью, инстинкт дельца оказался сильнее инстинкта бюрократа, и, наклонившись к нам поближе, продавец предложил выход из сложившегося тупика: мы предъявляем ему купчую на дом, и тогда он быстренько оформляет покупку — и мы получаем машину. Купчая на дом хранилась у нотариуса, а его офис находился в пятнадцати милях от гаража. Мы съездили туда, вернулись и триумфально положили на стол владельца купчую на дом и уже выписанный чек. Теперь мы можем забрать свою машину?

— *Malheureusement, non.*^[33]

Оказывается, придется подождать, пока местный банк оплатит чек. Это займет не больше четырех— пяти дней. А не можем ли мы прямо сейчас пойти в банк и разобраться с чеком немедленно? Нет, не можем, потому что в банке сейчас перерыв на ланч. Две силы, составляющие мировую славу Франции — бюрократия и гастрономия, — объединились ради того, чтобы поставить настырных иностранцев на место.

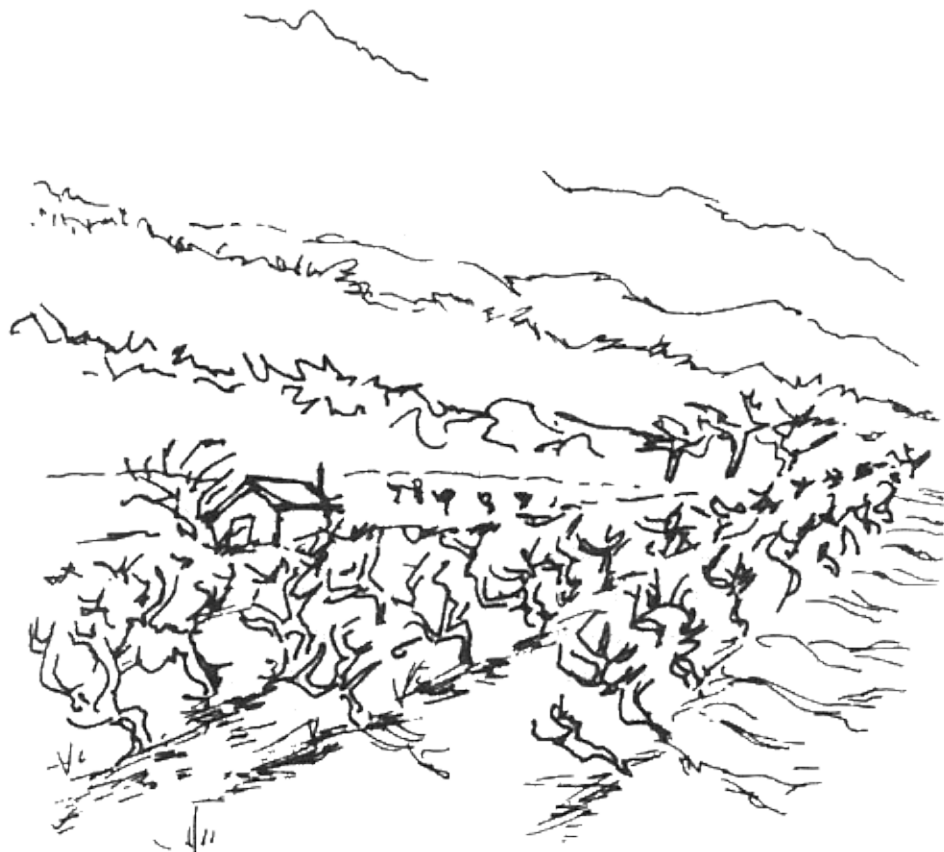
В итоге мы с женой заболели легкой формой паранойи и несколько недель, выходя из дома, брали с собой все содержимое семейного архива. Мы предъявляли свои паспорта и свидетельства о рождении всем, начиная с кассирши в супермаркете, кончая старичком из кооператива, который грузил в нашу машину ящики с вином. Паспорта рассматривали с тем почтением, какое вызывает во Франции любой документ, но потом нас, как правило, спрашивали, зачем мы носим их-с собой. Неужели в Англии это обязательно? Какая странная и тяжелая для жизни страна! В ответ нам оставалось только пожимать плечами. Мы и пожимали.

Холода продержались до последних дней января, а потом стало заметно теплее. Я уже чувствовал в воздухе весну, но хотел услышать

подтверждение этому из уст местного эксперта. На эту роль идеально подходил мой лесной знакомец.

Массо задумчиво подергал себя за ус. Есть... есть некоторые знаки, подтвердил он. Крысы чувствуют приближение тепла скорее всяких спутников, и вот уже несколько дней подряд они проявляют небывалую активность на его чердаке. Прошлой ночью они так расшумелись, что не давали ему уснуть, и, чтобы их утихомирить, пришлось всадить пару зарядов в потолок. *Eh, oui*. А еще скоро на небе появится молодой месяц, а это всегда означает перемену погоды. Основываясь на двух этих знамениях, Массо уверенно предсказал раннюю и теплую весну. Я поспешил домой, чтобы проверить, не появились ли бутоны на миндальном дереве и не пора ли чистить бассейн.

ФЕВРАЛЬ

Как правило, первая страница нашей газеты «*Le Provençal*» посвящена превратностям судьбы местной футбольной команды, самовосхвалениям мелких политиков, драматичным отчетам об ограблении супермаркета в Кавайоне («Чикаго в Провансе!») и, время от времени, сообщениям о том, что в дорожной аварии погиб очередной владелец маленького «рено», пожелавший превзойти рекорд скорости великого Алана Проста.

Но как-то утром в начале февраля вся эта пестрая смесь оказалась забытой ради события, не имевшего никакого отношения ни к спорту, ни к преступности, ни к политике. «ПРОВАНС ПОД СНЕЖНЫМ ОДЕЯЛОМ!» — кричал заголовок, и за этими четырьмя словами легко угадывались надежды главного редактора на неиссякаемый поток замечательных новостей, вызванных столь неразумным поведением природы. Вскоре, несомненно, появятся сенсационные материалы о матерях с грудными детьми, чудом оставшихся в живых после ночи, проведенной в заваленном

снегом автомобиле; о стариках и старушках, едва избежавших смерти от переохлаждения благодаря своевременной помощи бдительных соседей; об альпинистах, спасенных вертолетом прямо со склона Монт-Венту; о героических почтальонах, своевременно доставивших счет за газ, невзирая на непроходимые сугробы; о местных старожилах, вспоминающих природные катаклизмы прошлых лет. Словом, впереди журналистов ждала масса замечательного материала, и я просто видел, как автор первой статьи, поставив очередной восклицательный знак, в предвкушении потирает руки.

Текст иллюстрировали две фотографии: укутанные снегом пальмы вдоль Английской набережной в Ницце, похожие на ряд белых ажурных зонтиков, и человек, будто упрямую собаку, тащащий за шнур электрический радиатор по заснеженной улице Марсея. Фотографий из сельской местности не было, потому что сельская местность осталась вне пределов досягаемости фотокорреспондентов. Ближайший снегоочиститель работал к северу от Лиона, в трех сотнях километров от нас, а даже самые отчаянные журналисты в Провансе знают, то лучший способ избежать опасных заносов на обледеневшей дороге — это остаться дома или пересидеть непогоду в ближайшем баре. В конце концов, это ведь не навсегда. Просто временное отклонение от нормы, каприз природы, повод заказать лишнюю чашечку *café crème*,^[34] а может, и чего-нибудь покрепче, чтобы разогнать сердце, перед тем как выходить на мороз.

Тишина, установившаяся в нашей долине во время январских холодов, стала еще глубже и непроницаемей, как будто снег добавил лишний слой звукоизоляции. Теперь весь Люберон был в нашем распоряжении — миля за милей ослепительного, безупречно белого пространства, лишь изредка помеченного торопливыми строчками беличьих или заячьих следов и неуклюжими отпечатками наших собственных ботинок. Другие люди на горе в эти дни не появлялись. В более теплую погоду мы частенько встречали здесь охотников, оснащенных всем необходимым, для того чтобы бросить вызов дикой природе: хрустящими багетами, салями, пивом, пачками «Галуаз» и огнестрельным оружием, но сейчас и они предпочитали отсиживаться по своим норам. Те звуки, что мы изредка слышали и сначала принимали за выстрелы, оказались просто треском веток, ломающихся под тяжестью снега. Все остальное время стояла такая тишина, что, как позже заметил Массо, слышно было, как пукает мышь.

Дорожка, ведущая к нашему дому, превратилась в миниатюрную горную цепь: ветер надел на ней гряду глубоких сугробов, преодолеть которые можно было только пешком. Покупка хлеба теперь превратилась в двухчасовую, полную опасностей экспедицию в Менерб и обратно. На

дороге я не встретил ни одного автомобиля — все машины фермеров превратились в пышные сугробы и терпеливо, словно овцы, стояли вдоль обочин. Эта похожая на рождественскую открытку погода очень развлекала местных жителей, и они покатывались со смеху, наблюдая, как их соседи и родственники с изяществом пьяных фигуристов пытаются сохранить равновесие на крутых и скользких тротуарах. Два человека, вооруженные метлами, — муниципальные уборщики — расчистили проходы к основным заведениям — мясной лавке, булочной, *épicerie*^[35] и кафе, — и жители городка собирались у них кучками, чтобы погреться на солнышке и похвалиться собственным мужеством перед лицом разбушевавшейся стихии. Со стороны мэрии показался одинокий лыжник и с достойной восхищения точностью столкнулся с другим несовершенным транспортным средством — единственными в городе древними санками. Жаль, что поблизости не оказалось корреспондента из «*Le Provençal*»: на следующий день газета, несомненно, вышла бы с большим заголовком: «НОВЫЕ ЖЕРТВЫ СНЕГОПАДА: ДВА ЧЕЛОВЕКА ПОСТРАДАЛИ ПРИ ЛОБОВОМ СТОЛКНОВЕНИИ», к тому же и наблюдать за всей этой сценой можно было, не выходя из уютного кафе.

Наши собаки валялись в снегу, как молодые медведи, с разгону влетали в пушистые сугробы, выскакивали оттуда с побелевшими усами и огромными прыжками в шлейфе снежной пыли носились по полям. А кроме того, они учились кататься по льду. Пруд, который еще несколько дней назад я собирался почистить и подготовить к купальному сезону, превратился в зелено-голубой кусок льда и стал для них объектом повышенного интереса. Сначала пес ставил на лед обе передние лапы, вслед за ними — очень осторожно — одну из задних, а потом к ним присоединялась и последняя, четвертая. На пару секунд он замирал, вероятно раздумывая над удивительной загадкой жизни — как это получается, что он стоит на том, что еще вчера можно было пить? — а потом, энергично размахивая хвостом, пытался двигаться. Раньше я всегда полагал, что животные устроены примерно так же, как автомобили с полным приводом, и движущая сила у них распределяется одинаково по всем четырем ногам, и только теперь выяснил, что нам достались две заднеприводные собаки. Поэтому, хотя голова и передние лапы и имели намерение двигаться вперед по прямой линии, задняя часть, включая хвост, вдруг начинала бешено мотаться из стороны в сторону и увлекала за собой переднюю, что иногда приводило к опрокидыванию всей собаки.

Все эти пустынные пространства, покрытые девственным снегом, и непривычное чувство отрезанности от всего мира доставляли нам немалое

удовольствие в дневное время. Мы подолгу гуляли, кололи дрова, очень много ели за ланчем и почти не мерзли. Но по ночам, несмотря на огонь в камине, толстые свитера и еще более обильные, чем ланчи, обеды, холод, сочащийся из каменных стен и полов, пробирал нас до костей и пальцев ног. До девяти утра мы не решались вылезти из постели, а за завтраком над столом стоял пар от нашего дыхания. Если теория Меникуччи была верной и наш мир действительно делался все более плоским, значит, и следующие зимы будут похожи на эту. А в таком случае пора прекратить притворяться, будто мы живем в субтропическом климате, и всерьез задуматься о центральном отоплении.

Я позвонил месье Меникуччи, и он с тревогой осведомился, как ведут себя наши трубы. Я поспешил заверить его, что с трубами все в порядке. «Слава богу, — отозвался он, — потому что на улице минус пять, дороги скользкие, а мне уже пятьдесят восемь лет, и я не собираюсь выходить из дома. — Он немного помолчал и добавил: — Я лучше поиграю на кларнете». Выяснилось, что он делает это каждый день, чтобы сохранить гибкость пальцев и на время отвлечься от водопроводно-канализационных тягот. Ознакомившись со взглядами месье Меникуччи на музыку барокко, я не без труда вернул разговор к более низменным сферам, а именно к арктическому холоду в нашем доме. В конце концов мы договорились, что, как только дороги растают, я нанесу ему визит. В доме у месье Меникуччи имеются все виды обогревательных приборов: газовые, масляные, электрические и даже — его последнее приобретение! — вращающаяся солнечная батарея. Он покажет мне их все, а к тому же у меня будет возможность познакомиться с мадам, его женой, обладательницей недурного сопрано. Судя по всему, мне предстояло послушать концерт в окружении труб и радиаторов.

Вдохновленные надеждой, что скоро в доме станет тепло, мы опять начали строить планы на лето. Прежде всего нам хотелось превратить наш большой, вымощенный плиткой, наполовину крытый двор в гостиную на открытом воздухе. Там уже имелись очаг для барбекю и бар в дальнем углу и не хватало только большого и солидного стола. Стоя по колено в снегу, мы представляли себе ленивый обед где-нибудь в середине августа, просторный квадратный стол, за который легко усядутся восемь босых загорелых людей, а в середине еще останется много места для огромных мисок с салатом, для *pâté* и сыров, для холодных, зажаренных в прованском масле перцев, хлеба с оливками и запотевших бутылок с вином. Мы прутиком начертили на снегу контур стола, и мистраль быстро занес его, но решение уже было принято: стол будет квадратным, а столешница из

цельного местного камня.

Как и все приезжающие в Люберон, мы не уставали удивляться разнообразию фактур и оттенков местного камня. Тут были камни на любой вкус: от *pierre froide*^[36] из каменоломни в Тавеле — гладкого, очень плотного и светло-бежевого, до *pierre chaude*,^[37] белоснежного и рыхлого, из Лакоста, и между ними — еще не менее двадцати фактур и оттенков. Имелся особый камень для каминов и бассейнов, камень для лестниц, камень для полов и для стен, для садовых скамеек и кухонных раковин. Он мог быть шершавым или гладким, остроугольным или с закругленными краями, вытесанным ровно или с прихотливыми изгибами. Здесь использовали камень там, где в Америке или Англии строители применили бы дерево, пластик или металл. У этого материала, как мы недавно выяснили, имелся единственный недостаток — зимой он был очень холодным.

Но больше всего поразила нас цена. Если считать на метры, камень оказался дешевле линолеума, и мы, забыв о стоимости доставки и услуг камнереза, обрадовались и решили отправиться на каменоломню немедленно, не дожидаясь весны.

Друзья порекомендовали нам мастера по имени Пьерро, который хорошо работал и недорого брал, но предупредили, что он со странностями, *un original*. Первое свидание было назначено на половину девятого утра — время, когда на каменоломне еще тихо.

Мы отыскиали указатель на шоссе к северу от Лакоста и свернули на узкую дорожку, петляющую между дубов, которая в конце концов вывела нас на открытое пространство, ничуть не похожее на промышленную зону. Мы уже решили, что ошиблись, и собирались развернуться, но тут заметили огромную дыру, словно выгрызенную в теле земли. Ее склоны были усыпаны глыбам необработанного камня и уже готовыми могильными памятниками, мемориальными досками, гигантскими садовыми урнами, ангелами с крыльями и страшными пустыми глазами, миниатюрными триумфальными арками и приземистыми колоннами. В дальнем углу уютилась небольшая халупа с окнами, покрытыми толстым слоем каменной пыли.

Мы постучались, вошли и внутри обнаружили Пьерро — косматого, с всклокоченной черной бородой и кустистыми бровями. Вид у него был очень пиратский. Он приветствовал нас, смахнув верхний слой пыли с двух стульев при помощи старой фетровой шляпы, а потом аккуратно водрузил ее на телефонный аппарат.

— Англичане?

Мы кивнули, и он, похоже, проникся к нам доверием.

— У меня английская машина, винтажный «астон-мартин». *Magnifique.*^[38] — Он поцеловал сложенные вместе кончики пальцев, посыпав при этом бороду белой пылью, и начал рыться в бумагах, лежащих на столе. Облачка белой пыли поднимались в воздух. Видимо, где-то там у него хранилась фотография.

Телефон издал серию скрежещущих звуков. Пьерро выручил его из-под шляпы, с очень серьезным лицом выслушал кого-то и повесил трубку.

— Еще один могильный памятник, — вздохнул он. — Ох уж эта погода. Старики плохо переносят холод.

Он оглянулся в поисках шляпы, потом обнаружил ее у себя на голове и снова прикрыл телефон, словно пытался защититься от дурных новостей.

После этого Пьерро перешел прямо к делу:

— Мне сказали, вам нужен стол.

Я гордо предъявил ему выполненный мною рисунок со всеми размерами, аккуратно переведенными в метры и сантиметры. Для человека, умеющего рисовать на уровне пятилетнего ребенка, это был почти что шедевр. Пьерро мимолетно взглянул на него, прищурился и отрицательно покачал головой:

— *Non.* Для такой площади камень должен быть в два раза толще. Да и основание не выдержит — хрясь! — потому что столешница будет весить... — он накорябал какие-то цифры на моем рисунке, — ... килограммов триста-четырееста. — Пьерро перевернул листок и на чистой стороне быстро начертил что-то. — Вот. Вот что вам надо. — Он протянул нам листок. Его рисунок оказался гораздо лучше моего и изображал изящный крепкий стол благородных пропорций. — Тысяча франков, включая доставку.

Мы пожали друг другу руки и договорились, что на этой неделе я еще раз заеду к нему и завезу чек. Что я и сделал как-то в конце рабочего дня и обнаружил при этом, что Пьерро совершенно сменил масть. С самой макушки своей фетровой шляпы до кончика ботинок он оказался ослепительно белым: каменная пыль покрывала его, как сахарная пудра покрывает изделие кондитера. За один рабочий день Пьерро постарел примерно на четверть века. По словам наших друзей, которым я, правда, не стал бы особенно доверять, жена каждый вечер чистила его пылесосом, перед тем как впустить в прихожую, а вся обстановка в доме — от дивана до биде — была выпиlena из камня.

Но тогда я легко поверил в эту сказку. Зимой в Провансе, покрытом

снегом, все кажется странным и нереальным. Необыкновенная тишина и безлюдье создают ощущение, что мы совершенно отрезаны от всего остального мира и от нормальной жизни. Наверное, мы не слишком удивились бы, если бы встретили в лесу троллей или заметили в лунном свете двуглавого козла. Нам нравился и такой Прованс, совсем непохожий на тот, что мы видели раньше во время своих летних отпусков, но для большинства местных жителей зима означала скуку, депрессию, а иногда и кое-что похуже: нам говорили, что процент самоубийств в Воклюзе выше, чем во всей остальной Франции. Сухие данные статистики обрели для нас реальность, когда мы услышали, что человек, живший всего в двух милях от нас, прошлой ночью повесился.

Когда умирал кто-нибудь из местных, в окнах магазинов и домов вывешивались маленькие печальные объявления, звонили колокола, а по главной улице к кладбищу тянулась длинная процессия одетых в черное людей. Кладбище нередко располагалось на самом высоком месте в деревне. Один деревенский старик объяснил мне, почему это так. «Для мертвых важнее красивый вид, — сказал он. — Они ведь обосновались там надолго». Он так смеялся собственной шутке, что в итоге раскашлялся, и я уже испугался, не пришла ли и его очередь любоваться красивым видом. Когда я рассказал ему о кладбище в Калифорнии, где могила с видом стоит гораздо дороже, чем обычная, старик ничуть не удивился. «Дураков хватает, — пожал он плечами. — И среди живых, и среди мертвых».

Дни проходили, тепла все не прибавлялось, но на дорогах постепенно появилась одна черная полоса, расчищенная тракторами фермеров. С двух сторон ее по-прежнему окружали сугробы. В этой новой дорожной обстановке в поведении французских водителей, обычно ездящих так, словно все они постоянно борются за Гран-при, проявилась новая, совершенно неожиданная черта — бесконечное терпение или, вернее, ослиное упрямство. Несколько раз я наблюдал забавные сценки на дороге, идущей через нашу деревню: по единственной расчищенной полосе осторожно двигается одна машина, а навстречу ей по той же полосе едет другая. Едва не столкнувшись носами, обе останавливаются. Ни одна из них не намерена давать задний ход. Ни одна не собирается рисковать и сворачивать в сугроб. Сверля друг друга глазами через ветровые стекла, водители терпеливо ждут, и каждый из них надеется, что в конце концов сзади к одному из них присоединится вторая машина, и тогда соперник, уступая *force majeure*,^[39] вынужден будет двинуться назад.

В таких вот условиях очень осторожно, едва прикасаясь ногой к педали газа, я и отправился с визитом к месье Меникуччи. Он ждал меня у

дверей сарая: на уши натянута привычная шерстяная шапочка, шея и подбородок замотаны шарфом, на руках перчатки, на ногах теплые сапоги — человек научно подошел к задаче сохранения тепла. Мы обменялись вежливыми вопросами о моих трубах и его кларнете, после чего хозяин пригласил меня в свою сокровищницу и продемонстрировал великолепное собрание труб, клапанов, заслонок и таинственных механизмов. Будто говорящий каталог, Меникуччи сыпал коэффициентами теплоотдачи и прочими абсолютно непонятными терминами, а мне оставалось только бессмысленно кивать и поддакивать.

Наконец хвалебное песнопение во славу нагревательных систем подошло к концу.

— *Et puis voilà*,^[40] — закончил Меникуччи и выжидательно посмотрел на меня, видимо полагая, что теперь я знаю о центральном отоплении все, что надо, и вполне могу сделать разумный, хорошо обоснованный выбор.

Меня хватило только на то, чтобы спросить, каким способом он обогревает свой собственный дом.

— О! — Месье Меникуччи, выражая одобрение, постучал себя по лбу. — Совсем неглупый вопрос. Какое мясо ест сам мясник? — Так и не дав ответа, он вышел из сарая, и мы направились в дом.

Там действительно было очень тепло, почти душно, и месье Меникуччи демонстративно и неторопливо снял с себя несколько слоев одежды и даже завернул края шапочки так, что отрылись уши.

Он подошел к батарее и нежно потрепал ее по спинке:

— Видите? Настоящий чугунок, а не это *merde*,^[41] из которого в наши дни делают радиаторы. И еще котел... Вы обязательно должны увидеть мой котел. Но — *attention!*^[42] — Он сделал паузу и назидательно потряс костлявым пальцем. — Котел не французский. Только немцы и бельгийцы умеют делать настоящие котлы.

Мы прошли в бойлерную, и я вежливо повосхищался старым, пыхтящим в углу комнаты котлом.

— Он держит двадцать один градус во всем доме, даже когда снаружи минус шесть, — похвастался Меникуччи и распахнул дверь на улицу, чтобы напомнить мне, что такое минус шесть.

Он, несомненно, обладал даром истинного просветителя и по возможности старался иллюстрировать свои тезисы наглядной демонстрацией, как будто имел дело с исключительно тупым ребенком (что в моем случае — по крайней мере во всем, что касалось отопления и водопровода — было вполне оправданно).

Познакомившись с котлом, я вернулся в дом и там познакомился с мадам — миниатюрной женщиной со звучным голосом. Я ведь не откажусь от миндального печенья и стаканчика марсалы? На самом деле больше всего мне хотелось увидеть, как месье Меникуччи в своей шапочке играет на кларнете, но это пришлось отложить до следующего визита. А пока мне было над чем подумать. Направляясь к машине, я оглянулся и посмотрел на вращающуюся солнечную батарею на крыше: покрытая довольно толстым слоем льда, она и не думала вращаться. Я с вождением представил себе дом, полный чугунных батарей.

Вернувшись домой, я обнаружил, что за время моего отсутствия у гаража выросло некое подобие Стоунхенджа. Это доставили наш стол — площадью пять квадратных футов, толщиной пять дюймов, с массивным основанием в виде креста. Расстояние между местом, где его выгрузили, и местом, где мы хотели его установить, составляло каких-нибудь пятнадцать метров, но с таким же успехом это могло быть пятнадцать миль. Через узкую калитку во двор не смогла бы проехать никакая машина, а высокая стена и черепичная крыша, закрывающая половину двора, не позволяли использовать подъемный кран. Пьерро предупреждал нас, что стол может весить примерно триста килограммов. С виду он казался гораздо тяжелее.

Пьерро позвонил ближе к вечеру.

— Вам понравился стол?

Да, стол, конечно, чудесный, но есть небольшая проблема.

— Вы его уже установили?

Как раз в этом-то и проблема. Может, Пьерро подскажет выход?

— Несколько пар рук, — посоветовал он. — Вспомните, как строились пирамиды в Египте.

Ну конечно. Значит, нам не хватает всего-то пятнадцати тысяч рабов.

— Если ничего не придумаете, позвоните. Я знаком с командой регбистов из Каркасона.

Он весело посмеялся и повесил трубку.

Мы пошли еще раз взглянуть на это чудовище и попытались подсчитать, сколько пар рук потребуется для того, чтобы сдвинуть его с места. Шесть? Восемь? Придется перевернуть его набок, иначе он не пройдет в калитку. Мы представили себе отдавленные пальцы и вылезшие грыжи и с некоторым опозданием сообразили, почему прежний владелец дома предпочел установить легкий складной стол на том месте, которое мы выбрали для этого монумента. Так ничего и не придумав, мы ушли в дом, чтобы, не торопясь, обмозговать проблему у камина с бокалом вина в руке. Вряд ли за ночь кто-нибудь украдет наш стол.

Как выяснилось немного позднее, судьба в тот момент уже выслала к нам помощь. Едва купив дом, мы решили перестроить кухню и провели немало интереснейших часов с нашим архитектором, рисуя картинки и изучая словарь французских строителей: всякие *rehausses*, *faux-plafonds u vide-ordures*, *plâtrage*, *dallage* и *poutrelles*.^[43] Правда, первоначальное радостное возбуждение постепенно испарилось, края рисунков со временем обтрепались, а кухня все оставалась нетронутой по самым разнообразным причинам: из-за погоды, из-за того, что штукатур уехал кататься на лыжах, из-за того что старший *maçon*^[44] сломал руку, играя в футбол на мотороллере, из-за того, что все местные поставщики строительных материалов впали в зимнюю спячку. Архитектор, наш бывший соотечественник, а ныне парижанин, предупреждал, что строительные работы в Провансе похожи на окопную войну: долгие периоды бездеятельности и скуки перемежаются взрывами бешеной и шумной активности. В нашем случае первая фаза уж чересчур затянулась, и мы с нетерпением ожидали наступления второй.

Штурмовой отряд с ужасающим грохотом прибыл как-то утром, когда еще не вполне рассвело. Сонные, мы выскочили на улицу, чтобы посмотреть, какая часть дома обрушилась, и обнаружили у дверей грузовичок, из кузова которого, будто пики, торчали разобранные строительные леса.

— Месье Мейл? — раздался жизнерадостный вопль из кабины водителя.

Я подтвердил, что я и есть месье Мейл.

— *Ah bon. On va attaquer la cuisine. Allez!*^[45]

Дверь грузовичка распахнулась, и из него выскочил кокер-спаниель, а за ним выбрались трое мужчин. Потянуло свежим запахом лосьона после бритья, и старший *maçon*, едва не раздавив мне руку, представил нам себя и свою бригаду: Дидье, лейтенант Эрик и Малыш — здоровый молодой парень по имени Клод. Такса Пенелопа напрудил целую лужу у самого крыльца и тем самым подала сигнал к началу атаки.

Никогда раньше мы не видели, чтобы строители работали с такой скоростью. Все делалось примерно в два раза быстрее, чем в Англии: леса и дощатый трап, снаружи поднимающийся от земли к окну, собрали еще до того, как окончательно вошло солнце; всего несколько минут спустя кухня лишилась окна и раковины; а в десять часов мы уже стояли на заваленном строительным мусором полу и Дидье вкратце излагал нам план дальнейших разрушений. Он был деловитым и энергичным, с коротко

остриженной круглой головой и бравой армейской выправкой. Легко было представить, как он проводит занятия по строевой подготовке где-нибудь в Иностранном легионе и гоняет молодых бездельников до седьмого пота. Его речь тоже была быстрой, энергичной и изобиловала междометиями — бах! бум! хрясь! — которые французы любят использовать всякий раз, когда рассказывают о какой-нибудь аварии или поломке. Судя по всему, у нас в доме будет немало и того и другого. Потолок снимается, пол сдвигается, и вся кухня выбрасывается наружу — бац! — через дыру в стене, которая когда-то была окном. Пришпиленное к потолку и полу полотнище полиэтилена отделяло зону боевых действий от остального дома, а моя жена с ее кастрюльками и сковородками была изгнана на задний двор к плите для барбекю.

Жутко было смотреть, с какой веселой свирепостью трое строителей крушили все, что находилось в зоне досягаемости кувалды. Они грохотали, свистели, пели и ругались посреди рушащихся балок и падающих камней и только в полдень (как мне показалось, неохотно) сделали короткий перерыв на ланч. Ланч — не обычная пара бутербродов, а целая пластиковая корзинка, наполненная цыплятами, колбасами и *choucroûte*,^[46] салатами и буханками хлеба, а также настоящими приборами и посудой, — они уничтожили с той же скоростью и энтузиазмом, что и стену в нашей кухне. К счастью, вина никто из них не пил. Страшно подумать, что может наделать пьяный строитель, вооруженный сорокафунтовой кувалдой. Мы их и трезвых-то боялись.

После ланча кухня снова превратилась в крошечный ад и оставалась таковой до семи часов вечера без единого перерыва. Я спросил Дидье, всегда ли они работают по десять-одиннадцать часов в день. Только зимой, ответил он. А летом — шесть дней в неделю по двенадцать-тринадцать часов. Его очень позабавил мой рассказ об английских строителях, которые поздно начинают, рано заканчивают, да еще устраивают десяток перерывов на чай. «*Une petite journée*»,^[47] — прокомментировал он и спросил, не знаком ли я с каким-нибудь английским строителем, который ищет работу во Франции: он взял бы его к себе для интереса. Я сомневался, что найдется много желающих.

Работники наконец уехали, а мы оделись как для похода на Северный полюс и в первый раз попытались приготовить обед на нашей временной кухне. Там имелись очаг для барбекю и холодильник, а также газовая плита с двумя конфорками и раковина — словом, все необходимое, кроме стен, а при температуре, которая по-прежнему не превышала нуля, как раз стены и

не помешали бы. Но сухие обрезки виноградной лозы весело горели, воздух скоро наполнился ароматом бараньих котлет и розмарина, красное вино отлично заменяло центральное отопление, и новое приключение даже начинало нам нравиться. Во время обеда за столом царило приподнятое настроение, которое, правда, испарилось, как только пришло время идти на улицу, чтобы мыть посуду.

Первыми и верными приметами приближающейся весны стали не бутоны на миндальном дереве и даже не беспокойное поведение крыс на чердаке у Массо, а телефонные звонки из Англии. Мрачный январь был позади, наши бывшие соотечественники оживились, начали строить планы на лето, и мы не уставали поражаться тому, сколь многие из них собирались посетить в этом году Прованс. Телефон, как правило, звонил в тот самый час, когда мы садились обедать — большинство наших собеседников с барским пренебрежением относились к часовой разнице, существующей между Англией и Францией, — и веселый полузабытый голос какого-нибудь шапочного знакомого спрашивал, открыли ли мы уже купальный сезон. Мы старались отвечать на этот вопрос как можно более неопределенно. Было бы жестоко разрушить чужие иллюзии и признаться, что в данный момент мы сидим в зоне вечной мерзлоты, а ледяной мистраль залетает в дом через дыру в стене и грозит вот-вот сорвать тонкую полиэтиленовую занавеску — нашу единственную защиту от свирепой стихии.

Далее разговор строился в основном по одному и тому же сценарию. Наш собеседник интересовался, будем ли мы дома, например, на Пасху, или в мае, или в любой другой интересующий его период. Убедившись, что мы никуда не денемся, он начинал фразу, которой мы скоро научились бояться: «А мы тут как раз думаем побывать в ваших краях примерно в это...» — и замолкал, видимо считая, что именно в этот момент мы должны прервать его, чтобы сделать гостеприимное предложение.

Эта неожиданная популярность и огромное количество новых друзей, с которыми мы были едва знакомы в Англии, нас несколько не радовали, а главное, мы не знали, как реагировать на подобные звонки. На свете нет существа более толстокожего, чем человек, жаждущий солнца и бесплатного жилья: обычные светские намеки здесь бесполезны. У вас уже будет кто-то гостить в это время? Не волнуйтесь, мы можем приехать и недель позже. Дом полон строителей? Мы не возражаем: все равно большую часть времени мы собираемся проводить у бассейна. Вы поселили в бассейне барракуду, а на подъезде к дому установили медвежьи

капканы? Стали ярыми вегетарианцами? Подозреваете, что у ваших собак бешенство? Мы могли говорить все что угодно, но они твердо решили приехать, и никакие увертки не могли нас спасти.

Мы пожаловались на угрозу летнего нашествия людям, уже давно переехавшим в Прованс, и они сказали, что тоже прошли через все это. Первое лето, уверяли они, будет кошмарным. Зато потом мы научимся говорить «нет». А если не научимся, наш дом на период с Пасхи по конец сентября превратится в небольшой и крайне убыточный отель.

Хороший, но очень грустный совет. Мы со страхом ждали следующего звонка.

Наша жизнь очень изменилась, и изменили ее строители. Теперь нам приходилось вставать в половине седьмого, чтобы позавтракать в тишине. Если мы опаздывали, то разговаривать приходилось, перекрикивая грохот, доносящийся из кухни. Как-то утром, когда все перфораторы и дрели работали на полную мощность, я посмотрел на жену, увидел, как шевелятся ее губы, но не услышал ни слова. В конце концов ей пришлось написать мне записку: «Пей кофе, пока в него не напал мусор».

Но дело двигалось. Закончив разрушать старую кухню, наши строители начали, не менее громко, созидать новую. Все материалы подавались в дом по наклонному трапу через бывшее окно, расположенное в трех метрах над землей. Я поражался запасу сил у этих парней. Дидье — получеловек-полугрузоподъемник, — не выпуская из уголка губ сигарету, толкал перед собой по крутому трапу тачку с бетоном и еще умудрялся что-то насвистывать. До сих пор не понимаю, как им втроем удавалось работать в таком тесном, неудобном и холодном помещении и при этом неизменно сохранять отличное настроение. Постепенно новая кухня обретала форму, и следующая группа мастеров прибыла, чтобы осмотреть место и скоординировать время работы. В нее входили штукатур Рамон, не расстающийся с заляпанными штукатуркой баскетбольными кедами и радиоприемником, маляр Масторино, плиточник Трюфелли, столяр Занши и *chef-plombier*,^[48] сам месье Меникуччи со своим *jeune*, неизменно, будто на поводке, следующим в двух шагах за ним. Иногда их собиралось по шесть или семь человек, и они говорили все одновременно, обсуждая, когда каждый сможет приступить к работе, и в этом случае наш архитектор Кристиан исполнял роль рефери.

Мне пришло в голову, что, если объединить их усилия, у нас окажется достаточно мышечной массы, для того чтобы затащить во двор каменный стол. Я обратился к ним с таким предложением, и все радостно

согласились. А почему бы и нет, сказали они. Почему бы и нет, в самом деле? Все выбрались из кухни и сгрудились у стола, покрытого толстым слоем изморози. Шесть пар рук одновременно взялись за плиту, и шесть пар мышц одновременно напряглись, пытаясь поднять ее. Плита не шелохнулась. Потом каждый обошел вокруг стола и задумчиво поцокал языком, но только Меникуччи сумел заглянуть в суть проблемы. Камень — пористый материал, сказал он. Сначала он пропитался водой, как губка, потом вода замерзла, камень замерз, земля замерзла. *Voilà!* Теперь стол не сдвинуть с места. Надо подождать, пока он оттает. Кто-то легкомысленно заговорил о ломах и паяльной лампе, но Меникуччи решительно заявил, что все это *patati-patata*, что, вероятно, означало то же, что «чушь». Все вернулись на кухню.

Шесть дней в неделю наш дом был полон шума и пыли, и поэтому воскресенья стали еще более желанными, чем обычно. В воскресенье мы могли проспать до половины восьмого — часа, когда собаки требовали, чтобы их вывели на прогулку. В воскресенье нам не надо было выходить на улицу ради того, чтобы поговорить друг с другом. И наконец, в воскресенье мы могли утешать себя тем, что конец всего этого хаоса и разрушения стал еще на неделю ближе. Вот чего мы не могли сделать в воскресенье — так это приготовить праздничный, тщательно продуманный воскресный ланч, как это положено во Франции. Поэтому, используя неудобство нашей временной кухни как предлог, в воскресный полдень мы радостно отправлялись в ресторан.

Перед этим, для того чтобы разжечь аппетит, мы некоторое время читали священные книги гурманов и постепенно привыкли все больше и больше полагаться на справочник Го-Мийо. Спору нет, Мишлен тоже очень хорош и без него ни в коем случае нельзя путешествовать по Франции, но в нем вы найдете только сухую статистику: цены, рейтинги и фирменные блюда. Го-Мийо дает более сочные и колоритные сведения. Из него вы узнаете все о шеф-поваре: молодой он или старый, где учился, успел ли заслужить признание, и если да, то почивает ли на лаврах или продолжает экспериментировать. Справочник расскажет вам и о жене шефа: приветлива она или *glaciale*.^[49] В нем имеются сведения об интерьерах и о наличии красивого вида из окна и открытой террасы, о качестве сервиса и основной клиентуре, о ценах и атмосфере и — часто с мельчайшими подробностями — о меню и винной карте. Конечно, в справочнике попадаются и ошибки и он не свободен от предубеждений, но всегда интересен, забавен, а кроме того, написан живым разговорным языком и поэтому может служить отличным учебным пособием для таких новичков, как мы.

Справочник за 1987 год включал в себя пять с половиной тысяч ресторанов и отелей, и однажды, просматривая его, мы натолкнулись на любопытное заведение, расположенное в городке Ламбеск, в получасе езды от нас. Ресторан размещался в перестроенной мельнице, шеф-поваром в нем была женщина, о которой говорилось, что она «*l'une des plus fameuses cuisinières de Provence*»^[50] и ее стиль был назван «*pleine deforce et de soleil*».^[51] Уже одно это служило вполне достаточной рекомендацией, но больше всего нас заинтриговал возраст шефа: ей исполнилось восемьдесят лет!

В серый и ветреный день мы отправились в Ламбеск. Мы до сих пор чувствовали себя немного виноватыми, если в хорошую погоду сидели в помещении, но сегодня наша совесть могла быть спокойна. Воскресенье выдалось холодным и неприветливым: улицы городка казались неопрятными из-за не стаявших пятен старого снега, и редкие прохожие спешили из булочной домой, нахохлившись и прижимая к груди свежие батоны. Отличная погода для плотного ланча.

Просторный зал со сводчатым потолком был еще совершенно пустым. В нем стояла красивая и старая провансальская мебель: тяжелая, темная, отполированная до блеска. Большие столы располагались на приличном расстоянии друг от друга, что обычно встречается только в самых дорогих столичных ресторанах. Из кухни доносились голоса, бречание посуды и вкусные запахи, но нас явно еще не ждали. На цыпочках мы двинулись к выходу, решив пока выпить что-нибудь в ближайшем кафе.

— Вы кто? — раздался голос у нас за спиной.

Из кухни вышел старик и теперь разглядывал нас, щурясь от яркого света. Мы объяснили, что заказывали столик пару дней назад.

— Тогда садитесь. Вы же не станете есть стоя. — Он широким жестом обвел зал и столы.

Мы послушно сели. Через пару минут старик вернулся с двумя меню и неторопливо присел за наш столик.

— Американцы? Немцы?

Англичане.

— Хорошо, — кивнул он. — В прошлой войне я воевал вместе с англичанами.

Мы почувствовали, что удачно сдали первый экзамен, а если правильно сдадим и второй, старик, возможно, позволит нам почитать меню, которые он до сих пор держал в руке. Я спросил, что он нам посоветует.

— Да что угодно, — ответил он. — Моя жена все готовит отлично.

Он вручил нам меню и ушел встречать новых посетителей, а мы со сладострастной дрожью пытались сделать выбор между барашком, фаршированным травами, *daube*,^[52] телятиной с трюфелями и загадочным блюдом под названием *fantaisie du chef*.

Старик опять подошел к нам, присел, выслушал заказ и кивнул:

— Как всегда. Мужчины обычно выбирают *fantaisie*.

Я попросил подать маленькую бутылку белого вина к первому блюду и такую же красного — ко второму.

— Нет, — решительно возразил старик, — так не пойдет.

Он сообщил нам, что пить надо красное Кот-дю-Рон из Визана. Хорошее вино и хороших женщин делают в Визане, пояснил он, а потом поднялся и принес бутылку, добытую из огромного старинного буфета.

— Вот что вы будете пить.

Позже мы заметили, что и на других столиках стояло именно это вино.

Старик поднялся и неторопливо удалился на кухню. Наверное, это был самый старый метрдотель в мире, а сейчас он передавал наш заказ самому старому работающему шеф-повару. Кажется, из кухни доносился и чей-то третий голос, но другого официанта в зале не было, и мы не могли понять, как два человека, которым на двоих исполнилось сто шестьдесят лет, справлялись с такой непростой работой. А тем не менее народу в ресторане все прибывало, и никаких перебоев в обслуживании не случилось. Неторопливо и с достоинством старик делал свое дело, кругами обходил зал и иногда присаживался за столики, чтобы поболтать с клиентами. Когда очередное блюдо было готово, мадам звонила в колокольчик, а ее муж шевелил бровями, притворяясь, что сердится. Если старик не спешил, колокольчик звонил все более и более настойчиво, и тогда он отправлялся на кухню, ворча себе под нос: «*j'arrive, j'arrive*».^[53]

Еда оправдала все наши ожидания и посулы Го-Мийо, а старик оказался прав насчет вина. Оно нам очень понравилось, и к тому времени, когда на стол поставили тарелку с маленькими кругляшками козьего сыра, замаринованного в травах и оливковом масле, мы уже допили бутылку. Я заказал еще одну, маленькую, и официант взглянул на меня неодобрительно:

— А кто поведет машину?

— Моя жена.

Старик опять направился к буфету.

— У нас нет маленьких бутылок, — сказал он, ставя вино на стол. — Можете выпить вот досюда. — И пальцем провел посреди бутылки

воображаемую линию.

Кухонный колокольчик перестал звонить, и сама мадам, улыбающаяся и раскрасневшаяся от жара плиты, вышла в зал и спросила у нас, хорошо ли мы поели. На вид ей нельзя было дать больше шестидесяти. Они стояли рядышком, и рука мужа лежала у нее на плече, а она рассказывала нам, что та мебель, что стоит сейчас в зале, это ее приданое. Они любили друг друга и любили свою работу, а мы, выходя из ресторана, думали, что, возможно, старость — это не так уж и страшно.

Штукатур Рамон лежал на спине на неустойчивой платформе под самым потолком. Я протянул ему бутылку пива, и он перевернулся на бок, чтобы удобнее было пить. Лично мне казалось, что в такой позе невозможно ни пить, ни работать, но он уверял, что привык.

— Да и все равно, нельзя же стоять на полу и кидать штукатурку на потолок, — объяснил он. — Тот парень, что расписывал Сикстинскую капеллу — ну, знаете, этот итальянец, — он, наверное, пролежал на спине не одну неделю.

Рамон допил пиво (пятую бутылку за день), отдал мне пустую тару, вежливо рыгнул и вернулся к своим трудам. Он работал неторопливо и ритмично: мастерком намазывал штукатурку на потолок, а потом кистью руки выравнивал ее. Он утверждал, что, когда закончит, потолок будет выглядеть так, словно ему по крайней мере сотня лет. Рамон не верил в валики, распылители и вообще в любые инструменты, кроме мастерка, собственных рук и собственного верного глаза. Как-то вечером, когда он ушел, я проверил все оштукатуренные им поверхности при помощи спиртового уровня. Они оказались безупречными, но при первом же взгляде на них делалось ясно, что это не дешевая штамповка, а ручная работа. Рамон был настоящим художником, и я не жалел потраченного на него пива.

Ветер, задувающий в дыру в стене, вдруг показался мне теплым, и в тот же момент я услышал, как снаружи что-то капает. Я вышел на улицу и обнаружил, что там поменялось время года. Из каменного стола сочилась влага. Наступила весна.

МАРТ

Миндальное дерево осторожно зацвело. Дни стали длинными, а закаты — розовыми и изумительно красивыми. Охотничий сезон закончился: собаки и ружья получили шестимесячный отпуск. На виноградниках кипела жизнь: дисциплинированные фермеры наводили в них порядок, а их более ленивые коллеги поспешно заканчивали обрезку, которую полагалось сделать еще в ноябре. Все жители Прованса стали вдруг непривычно суетливыми, как будто им вкололи порцию какого-то стимулятора.

Облик рынков совершенно изменился. На прилавках, где раньше лежали рыболовные снасти, патронташи, резиновые сапоги и металлические метелки для чистки каминных труб, теперь появился фермерский инвентарь довольно зловещего вида: мачете и культиваторы,

косы, мотыги с острыми, изогнутыми зубьями и пульверизаторы, из которых польется смертельный дождь на любой сорняк или насекомое, настолько храброе или глупое, чтобы угрожать виноградникам. А еще везде продавались цветы, рассада и первые весенние овощи, совсем маленькие. Столики и стулья выбрались из кафе на улицу и захватили тротуары. Люди двигались быстро и целеустремленно. Пара оптимистов уже выбирала открытые сандалии в большой корзине, выставленной у входа в обувной магазин.

Словно протестуя против всего этого взрыва активности, работа в нашем доме совершенно замерла. Повинуясь какому-то первобытному весеннему зову, наши строители забрали свои инструменты и ушли, оставив нам вместо себя несколько мешков сухой штукатурки и кучу песка — залог того, что в один прекрасный день они вернутся и закончат то, что и так уже почти закончили. Неожиданное исчезновение строителей — феномен, хорошо известный по всему миру, но в Провансе он имеет свои нюансы и четкий сезонный график.

Три раза в году: на Пасху, в августе и на Рождество — владельцы дач сбегают из своих парижей, цюрихов, дюссельдорфов и лондонов ради того, чтобы несколько дней или недель пожить простой сельской жизнью. И каждый раз, перед тем как приехать, они неизбежно вспоминают, что им не хватает чего-то очень важного: нескольких мраморных биде, прожектора над бассейном, новой плитки на террасе, новой крыши на домике для слуг. Как, скажите на милость, можно наслаждаться простой сельской жизнью безо всех этих важных мелочей? В панике они звонят местным мастерам и строителям. Сделайте все это — непременно сделайте! — до нашего приезда. Само собой разумеется, что такая срочная работа будет хорошо оплачена. Скорость имеет значение, деньги — нет.

Перед таким соблазном устоять невозможно. Ведь все хорошо помнят то время, когда Миттеран впервые пришел к власти, а богатеи впали в финансовый паралич и поглубже закопали свою наличность. Тогда в Провансе все строители сидели без работы, и, кто знает, не вернутся ли плохие времена снова? Поэтому ни одно предложение не отклоняется, а менее настырные клиенты остаются жить в недоделанных комнатах и каждый раз, выходя из дома, перешагивают через забытую у порога бетономешалку.

Существуют два способа реагировать на подобную ситуацию. Ни один из них не даст положительных результатов, но первый сбережет ваши нервы, а второй вконец расстроит их. Мы испробовали оба.

Сначала мы попытались сделаться философами и относиться к дням и

неделям задержки так, как это принято в Провансе — то есть радоваться солнцу и забыть наконец о типично городской спешке. Этот месяц, следующий месяц — какая разница? Выпей *pastis* и расслабься. Пару недель это помогало, но потом жена заметила, что строительные материалы, сложенные на заднем дворе, начали покрываться молодой весенней травкой. Мы решили, что надо сменить тактику и добиться от нашей небольшой и неуловимой бригады хоть какой-нибудь твердой даты. Опыт получился весьма интересным и поучительным.

Мы скоро выяснили, что время в Провансе — категория относительная и очень эластичная, даже когда называются совершенно точные сроки. *Un petit quart d'heure*,^[54] например, означает всего лишь «сегодня». *Demain* значит «как-нибудь на этой неделе». А самый эластичный сегмент *une quinzaine*^[55] может означать что угодно — от трех недель до пары месяцев или лет, но ни в коем случае не четырнадцать дней. Также мы научились понимать язык жестов, сопровождающих любой разговор о сроках. Когда провансалец смотрит вам прямо в глаза и уверяет, что в следующий вторник в восемь ноль-ноль он будет стоять у вас на пороге со всеми инструментами, непременно обратите внимание на его руки. Если они неподвижны или одна из них успокаивающе похлопывает вас по плечу — ждите его во вторник. Если рука поднимается примерно до уровня пояса ладонью вниз и начинает медленно колебаться в горизонтальной плоскости — рассчитывайте увидеть его в среду или четверг. Если же рука мечется быстро, будто собачий хвост, — значит, он имеет в виду следующую неделю, или месяц, или бог знает что — все зависит от обстоятельств, а те не в его власти. Все эти движения являются скорее всего инстинктивными, и поэтому им можно верить больше, чем словам. Зачастую их смысл подчеркивается употреблением магического слова *normalement*.^[56] Одно это слово стоит целой статьи в страховом полисе, при помощи которой страховщики освобождают себя от ответственности — той самой, которая обычно печатается самым мелким шрифтом. *Normalement* может означать: при условии, что не пойдет дождь; при условии, что не сломается машина; при условии, что шурин не унесет ящик с инструментами. Мы вздрагивали каждый раз, когда слышали его.

Но, несмотря на то что наши строители столь пренебрежительно относились к пунктуальности и категорически отказывались пользоваться телефоном, для того чтобы сообщить нам, когда они придут или не придут, мы не могли долго сердиться на них. Они всегда были такими обезоруживающе веселыми, они так здорово и подолгу работали, если

работали вообще, да и результаты их работы были просто великолепны. В конце концов, они стоили того, чтобы их подождать. И мало-помалу мы опять превратились в философов и приняли провансальскую концепцию времени. Отныне, пообещали мы себе, мы заранее будем готовы к тому, что ничто не случается тогда, на когда это запланировано. Достаточно и того, что это случается вообще.

Фостен вел себя странно. Вот уже два или три дня он бороздил виноградник на тракторе, волоча за собой хитроумное приспособление с торчащими металлическими кишочками, из которых прямо под лозы изрыгалось удобрение. Но время от времени он останавливал свой трактор, выбирался из него и пешком шел на дальнее поле, сейчас пустое и заросшее, на котором в прошлом году росли дыни. Он внимательно рассматривал поле с одного конца, потом опять садился в свой трактор, удобрял еще один ряд и шел рассматривать другой конец пустого поля. Он мерил его шагами, он качал головой, он чесал затылок. Когда Фостен отправился домой на ланч, я сам поспешил на бахчу, чтобы проверить, что интересного он там обнаружил. Поле показалось мне совершенно обыкновенным: сорняки, обрывки пластика, оставшиеся от тех сеток, что защищали прошлогодний урожай — бахча как бахча. Может, Фостен подозревает, что здесь зарыт клад? Как-то мы откопали у самого дома пару золотых наполеоновских монет, и он сказал, что, если порыться, можно найти и еще. Но крестьянин не станет зарывать золото посреди возделываемого поля — скорее он спрячет его в колодце или под плитками, которыми вымощен двор. Странно.

В тот же вечер они с Анриеттой явились к нам с визитом и принесли с собой баночку домашнего паштета из кролика. Фостен, вырядившийся в белые ботинки и оранжевую рубаху, был непривычно элегантен и деловит. Еще не допив первого *pastis*, он с таинственным видом наклонился ко мне и заговорил о деле. Известно ли нам, что вино, производимое на наших виноградниках, Кот-де-Люберон скоро получит статус *Appellation Contrôlée*?^[57] Он снова откинулся на спинку кресла, медленно покивал и несколько раз сказал «*eh oui*», давая нам время осознать всю важность услышанной новости. Следовательно, продолжал Фостен, наше вино станет гораздо дороже, а владельцы виноградников получают больше денег. И чем больше вина они произведут, тем больше денег получают.

Это было ясно и без объяснений, поэтому Фостен пригубил второй стаканчик *pastis* — пил он деликатно, но молниеносно и всегда добирался до дна стакана быстрее, чем я ожидал, — и изложил нам свое предложение.

Он считает, что дынное поле можно использовать куда более эффективно. Фостен с интересом понюхал оставшийся в стаканчике *pastis*, а Анриетта тем временем извлекла из сумочки какой-то документ и протянула его нам. Это был *droit d'implantation* — документ, подтверждающий наше право высаживать виноградную лозу, дарованное нам самим правительством. Размахивая стаканом, Фостен произнес речь, не оставившую камня на камне от дурацкой идеи продолжать выращивание дынь: они требуют слишком много времени и воды, а кроме того, в любую минуту их могут съесть дикие кабаны, специально для этого спускающиеся летом с гор. Только в прошлом году родной брат Фостена Жак потерял треть урожая дынь. И все их поели эти свиньи! Столько денег погибло в утробах у хрюшек! Фостен горестно потряс головой и утешил себя третьим стаканчиком *pastis*.

Кстати, он тут случайно произвел подсчеты. Вместо невыгодных дынь на нашей бахче может поместиться тысяча триста новых саженцев. Мы с женой переглянулись. Нам в равной степени нравились и вино, и Фостен, а ему явно очень хотелось расширить производство. Мы легко согласились с тем, что новые саженцы — это неплохо, но как только они с Анриеттой ушли, мы и думать забыли об этом разговоре. Фостен — человек неторопливый и основательный, спешить он не любит, да и в любом случае в Провансе ничего не делается быстро. Возможно, к следующей весне он и созреет.

Но на следующее утро в семь часов трактор уже вспахивал нашу бахчу, а через два дня прибыла и посадочная команда: пять мужчин, две женщины и четыре собаки. Всеми ими командовал *chef des vignes*^[58] месье Бошьер — человек, который вот уже сорок лет сажал виноград в Любероне. Трактор тянул за собой маленький плуг, а за плугом, с трудом выдергивая из рыхлой земли ноги в брезентовых сапогах, шел лично месье Бошьер, строго следящий за тем, чтобы борозда получалась идеально ровной и находилась на достаточном расстоянии от соседней. Потом на противоположных концах каждой борозды воткнули по бамбуковому шесту и натянули между ними бечевку. Теперь наша бахча, расчерченная ровными полосами, была готова превратиться в виноградник.

Пока из фургона выгружали новые саженцы — малютки размером с мой большой палец, с пятнышком красного воска на макушке, — месье Бошьер осматривал инвентарь. До этого я наивно полагал, что процесс посадки новой лозы давно механизирован, но сейчас обнаружил, что из инструментов у бригады имеются только полые металлические трубки и большой равносторонний треугольник, сколоченный из деревянных

жердей. Все столпились вокруг месье Бошьера, он распределил обязанности, и нестройными рядами работники двинулись на поле.

Бошьер шел впереди всех и, будто колесо, катил рядом с собой деревянный треугольник, чьи концы через равные промежутки оставляли на борозде глубокие отметины. За ним шли двое мужчин и втыкали в отметины полые трубки — в земле образовывались отверстия для будущих саженцев. Следом двигался аррьергард, который, собственно, и производил посадку. Две приехавшие женщины вместе с женой и дочерью Фостена оделяли мужчин саженцами и советами, а также ехидно комментировали их разнообразные головные уборы — особенно щеголеватую морскую фуражку Фостена. Собаки развлекались тем, что всем мешали, путались в бечевке и вообще вносили в работу приятное оживление.

Со временем расстояние между работниками все больше увеличивалось — Бошьер уже метров на двести ушел вперед, — но это нисколько не мешало им непрерывно болтать, причем самая оживленная беседа происходила, как правило, между двумя людьми, находящимися дальше всего друг от друга. Остальные члены бригады в это время тоже не молчали, а громко гоняли собак и спорили о том, насколько ровной получается линия саженцев. Вся эта шумная процессия двигалась взад и вперед по полю до самого полудня, а потом Анриетта принесла две большие корзины, и работа временно остановилась.

Все расселись на зеленой травке, покрывающей склон чуть выше виноградника, и с завидным рвением накинута на содержимое корзин. В них оказались четыре литра вина и целая гора поджаренных с сахаром кусочков хлеба под названием *tranches dorées* — хрустящих, золотистых и изумительно вкусных. Отец Фостена пришел посмотреть на проделанную работу, и мы издали наблюдали, как он ходит по полю, с критическим видом тычет в землю свою палку, а потом удовлетворенно кивает. Потом папаша Андре подошел к нам, чтобы выпить стаканчик вина и, будто старая ящерица, погреться на солнышке. Почесывая собаке живот кончиком своей измазанной в земле палки, он спросил Анриетту, что она приготовит сегодня на обед. Папаша Андре хотел пообедать пораньше, чтобы успеть посмотреть «Санта-Барбару», свой любимый сериал.

Когда все вино было выпито, мужчины поднялись на ноги, стряхнули с себя крошки и опять отправились работать. Когда поздно вечером все закончилось, наша когда-то неопрятная бахча совершенно преобразилась: выстроившись безупречно ровными рядами, из земли торчали крошечные саженцы, едва видные в лучах заходящего солнца. Все столпились у нас во дворе, чтобы немного размять спины и выпить на дорожку, а я отозвал

Фостена в сторонку и поинтересовался, во что обойдется проработавший у нас три дня трактор и вся эта рабочая сила. Сколько мы должны этим людям? Фостен замахал руками и даже отставил стакан с *pastis*, чтобы лучше мне все объяснить. Выяснилось, что платить нам придется только за саженцы, а что касается всего остального, в долине существует особая система: соседи сообща и совершенно бесплатно помогают тем, кто производит большую посадку или обновление лозы. В итоге никто не остается в накладе, а кроме того, таким образом можно избежать неприятных объяснений с *les fiscs*^[59] из налоговой. Фостен улыбнулся, с хитрым видом постучал себе пальцем по носу и как бы между прочим спросил, не желаем ли мы, кстати, посадить еще двести пятьдесят саженцев спаржи, раз уж трактор и работники все равно здесь. Это было осуществлено уже на следующий день. Так развалилась наша теория о том, что в Провансе ничего не делается быстро.

Весной Люберон зазвучал по-новому. Птицы, которые всю зиму где-то прятались, теперь, убедившись, что охотники и собаки оставили их в покое, выбрались наружу и запели. Подходя к жилищу Массо, я, кроме их трелей, слышал только один посторонний звук — яростный стук молотка. Возможно, Массо в предвкушении туристического сезона решил прибить на свой дом табличку «Продается».

Я обнаружил его на укромной тропинке за домом. Мой приятель задумчиво рассматривал полутораметровую палку, которую воткнул в землю в узкий просвет между деревьями на опушке поляны. Наверху к палке был прибит ржавый кусок жести, по-видимому вырезанный из консервной банки, с грозной белой надписью: «*PRIVÉ!*»^[60] Еще три куса жести, три палки и несколько валунов лежали на тропинке у ног Массо. Судя по всему, он решил забаррикадировать поляну. Он буркнул себе под нос что-то похожее на приветствие, воткнул в землю вторую Палку и принялся забивать ее в землю с таким ожесточением, как будто она чем-то сильно обидела его.

Я поинтересовался, что это он делает.

— Защищаюсь от немцев, — процедил Массо и начал укладывать булыжники в промежутки между палками.

Поляна находилась довольно далеко от его дома и на обращенной к лесу стороне тропинки. Она никак не могла принадлежать Массо. Я сказал ему, что всегда думал, будто поляна — это территория национального парка.

— Так и есть, — отозвался он. — Но ведь я француз. Значит, она принадлежит мне, а не немцам. — Он подкатил еще один булыжник. — Они приезжают сюда каждое лето, ставят свои палатки и загаживают весь лес своим *merde*.

Массо выпрямился, закурил сигарету, а пустую пачку выбросил в кусты. Я спросил, не может ли случиться так, что один из этих немцев захочет купить его дом.

— Немцы с палатками не покупают ничего, кроме хлеба, — с глубоким отвращением произнес он. — Вы бы видели их машины — доверху забиты немецкими сосисками, немецким пивом и банками с немецкой кислой капустой. Они все привозят с собой. Жмоты! Настоящие *pisse-vinaigres*.^[61]

Окончательно вжившись в новую роль защитника родины и специалиста по вопросам туризма, Массо произнес короткую речь о проблемах провансальских крестьян. Он признавал, что туристы — даже из Германии — привозят в Прованс деньги, а люди, покупающие здесь дома, обеспечивают работой местных строителей. Но что они сделали с ценами на недвижимость?! Это же просто позор! Теперь ни один фермер не в состоянии купить землю. Мы тактично не упомянули о собственных попытках Массо продать недвижимость по завышенной цене и дружно повздыхали над несправедливым устройством мира. Потом Массо повеселел и поведал мне историю с хорошим концом — о покупке одного дома.

Тут неподалеку один фермер много лет мечтал о том, чтобы приобрести дом соседа. Собственно, его интересовал даже не сам дом, почти развалившийся, а земля, которая к нему прилагалась. Несколько раз он заговаривал на эту тему с соседом, но тот в конце концов польстился на более выгодное предложение и продал дом парижанину.

За зиму парижанин тратит миллионы франков на переделку дома и устройство бассейна. Ремонт наконец заканчивается, и парижанин со своими шикарными друзьями приезжает, чтобы провести в доме майские праздники. Все они восхищаются домом и посмеиваются над странным соседом и особенно над его привычкой отправляться спать в восемь вечера.

На следующее утро ровно в четыре часа всех парижан будит соседский петух Шарлемань, здоровый и голосистый, который кукарекает два часа кряду. Парижанин жалуется на петуха хозяину. Тот пожимает плечами. Это деревня. Петухи должны кукарекать. Все естественно.

И на следующее, и на последовавшее за ним утро Шарлемань просыпается ровно в четыре утра. Терпение у гостей кончается, и они

возвращаются в Париж раньше, чем планировали, чтобы отоспаться. Парижанин снова и снова жалуется фермеру на петуха, а фермер снова и снова пожимает плечами. Расстаются они не слишком дружелюбно.

В августе парижанин приезжает снова и опять с кучей гостей. Шарлемань каждое утро аккуратно будит их в четыре часа. Попытки поспать днем тоже не удаются, потому что именно в это время фермер решает поработать перфоратором. Парижанин требует, чтобы сосед заставил своего петуха замолчать. Сосед отказывается.

После нескольких скандалов парижанин обращается в суд с просьбой положить конец бесчинствам Шарлеманя. Суд выносит решение в пользу фермера, и утренние серенады продолжают.

Жизнь в отремонтированном доме становится такой невыносимой, что парижанин выставляет его на продажу. Сосед через посредника покупает всю землю.

В воскресенье после подписания купчей фермер приглашает своих друзей на праздничный ланч, и на стол подается Шарлемань в виде вкуснейшего *coq au vin*.^[62]

Массо очень понравилась собственная история: парижанин посрамлен, фермер побеждает и получает землю, все заканчивается хорошим ланчем — что еще надо? Я спросил, было ли все это на самом деле, а он искоса взглянул на меня, пососал кончик уса и сказал только:

— Лучше не ссориться с крестьянами.

На месте немцев я бы этим летом выбрал для отпуска Испанию.

Погода стояла теплая, все росло и цвело, и особенно это бросалось в глаза при взгляде на наш бассейн, сделавшийся изумрудно-зеленым. Пришло время обращаться к Бернару, *pisciniste*,^[63] иначе водоросли грозили в скором времени переползти через края бассейна и проникнуть в дом.

В Провансе мастер никогда не возьмется делать подобную работу на основании одного только телефонного звонка и устных объяснений. Ему непременно потребуется предварительный визит для осмотра места работы — он неторопливо обсудит с вами поставленную задачу, вдумчиво покивает, выпьет пару стаканчиков и только потом назначит следующее randevu. Это своего рода разминка, и пренебрегают ею только в случаях крайней спешки.

В тот день, когда Бернар явился с таким предварительным визитом, я как раз стоял на четвереньках и пытался отскрести от стенки бассейна

зеленую бороду из водорослей. Несколько минут он молча понаблюдал за моими усилиями, а потом присел рядом со мной на корточки и строго погрозил пальцем. Я уже знал, каким будет его первое слово.

— *Non*, — сказал он. — Их нельзя отскребать. Их надо обрабатывать.

Оставив водоросли, мы пошли в дом, я занялся бутылками, а Бернар объяснил, почему не пришел раньше. Оказывается, у него разболелся зуб, но он не мог обратиться ни к одному из местных дантистов, так как все они уже знали о его странной особенности: он их кусал. Он ничего не мог с этим поделать — это был просто врожденный рефлекс. Как только он чувствовал чужой палец у себя во рту — хрясь! — челюсти смыкались. К этому времени он уже успел покусать единственного дантиста в Бонье и четырех в Кавайоне, поэтому пришлось отправляться в Авиньон, где о Бернаре еще не знали. К счастью, ему попался дантист, догадавшийся применить наркоз. Бернар на время отключился, и вся работа была благополучно сделана. Позже дантист сказал ему, что такие нетронутые зубы, как у него, встречались только в восемнадцатом веке.

Не знаю, как насчет восемнадцатого века, но когда Бернар со смехом рассказывал мне эту историю, на фоне черной бороды его зубы выглядели исключительно белыми и здоровыми. Бернар был мужчиной исключительного обаяния и, хотя родился и вырос в Провансе, нисколько не походил на неотесанного деревенщину. Он с удовольствием пил виски, и чем выдержаннее, тем лучше, и женился на парижанке, которая, похоже, немало внимания уделяла его гардеробу. Бернар не признавал брезентовых сапог, старых синих брюк и выцветших рубаш, так любимых местным населением. Он был щеголем с головы до пят, начиная с мягких кожаных мокасин до дизайнерских черных очков, которых у него было не меньше десятка. Мы с интересом ждали, в какой одежде он явится, для того чтобы обрабатывать хлоркой наш бассейн и отскребать ракушки от его стенок.

В день, назначенный для весенней чистки, Бернар предстал перед нами в черных очках, серых фланелевых брюках и блейзере. В руке он держал зонтик, захваченный на случай обещанного прогнозом дождя. По пятам за ним с трудом поспевал маленький замызганный человечек, по уши увешанный банками с хлором, щетками и ручным насосом. Так нам открылся секрет неизменной элегантности Бернара. Человечка звали Гастон, и именно он и делал всю работу под присмотром своего босса.

Немного позже в тот день я вышел на улицу посмотреть, как идут дела. С неба сыпался мелкий дождик, и промокший насквозь Гастон словно с гидрой боролся с длинным шлангом от насоса, а Бернар, накинув на плечи блейзер, давал ему указания из-под зонтика. Вот человек, который

умеет правильно организовывать работу, восхитился я. Если кто-нибудь и поможет нам сдвинуть с места каменный стол, так это он. Я оторвал Бернара от выполнения его непосредственных обязанностей и повел за калитку, чтобы он мог на месте оценить ситуацию.

Стол, покоящийся теперь на зеленой травке, выглядел еще больше, тяжелее и неподвижнее, чем раньше, но Бернара это нисколько не смутило. «*C'est pas méchant*,^[64] — сказал он. — Я знаю человека, который сделает все за полчаса». Я представил себе потного исполина, побеждающего четверку лошадей в соревнованиях по перетягиванию каната, а потом для разнообразия жонглирующего тяжелыми глыбами, но все оказалось гораздо прозаичнее. Знакомый Бернара только что приобрел машину под названием *un bob* — миниатюрную версию вилочного грузоподъемника, достаточно узкую, для того чтобы протиснуться в наши ворота. *Voilà!* Кажется, это и правда будет нетрудно.

Владелец *le bob* по телефону заверил нас, что будет рад испытать свою новую машинку в деле, и приехал уже через полчаса. Он измерил проем и прикинул вес стола. Все ясно: его *bob* с этим справится. Надо только немного пододвинуть — вот тут и тут, но строители потом легко все починят. Пододвинуть надо было перемычку над проемом — всего на пять минут, — для того чтобы стол прошел по высоте. Я посмотрел на перемычку. Это была еще одна каменная плита шириной больше метра и толщиной как минимум сантиметров двадцать, намертво вмазанная в стену. Даже на мой неискушенный взгляд было ясно, что трогать ее не стоит. Стол остался лежать там же, где и раньше.

Чертова махина стала для нас источником ежедневных терзаний. Жаркая погода, словно созданная для неторопливых трапез на открытом воздухе, о которых мы так мечтали зимой и еще раньше в Англии, вот-вот настанет, а нам некуда поставить даже мисочку с оливками, не говоря уж о ланче из пяти блюд. Мы уже начали серьезно подумывать о том, чтобы позвонить Пьерро и призвать на помощь команду регбистов из Каркасона, но тут судьба сжалилась над нами и прислала спасение в виде грузовичка, из которого выскочил пыльный спаниель.

Дидье объяснил, что работал в доме на другой стороне Сен-Реми и пару дней назад к нему подошел жандарм в форме и спросил, не желает ли он приобрести грузовик камней — отличных, старых, обветренных, покрытых лишайником камней, которые немедленно придадут любому забору подлинный старинный вид. В списке тех работ, что Дидье должен был сделать в нашем доме, значилось и возведение ограды, поэтому он сразу же вспомнил о нас. Служитель закона хотел, чтобы ему заплатили *au*

noir,^[65] то есть наличными, но такие камни непросто найти. Не желаем ли мы купить их?

Мы радостно купили бы полтонны птичьего помета ради того, чтобы опять заплотучить Дидье и его команду к себе в дом. А сейчас, когда так остро стояла проблема стола, его появление было просто подарком. Да, конечно, мы купим камни, а не поможете ли вы нам занести во двор стол? Дидье взглянул на стол и ухмыльнулся. «Семь человек, — сказал он. — Я приеду в субботу и привезу с собой еще двоих и камни, а вы ищите остальных». Сделка состоялась, и жена начала планировать первый в этом году ланч под открытым небом.

В субботу мы обещанием вкусной еды и обильной выпивки затащили к себе трех более-менее крепких молодых людей. Скоро приехал и Дидье с помощниками, и мы всемером столпились вокруг стола, чтобы всласть поплевать на руки и обсудить, как же все-таки перетащить его на эти несчастные пятнадцать метров. В подобных ситуациях каждый француз считает себя экспертом, поэтому было выдвинуто множество предложений: стол надо перекачивать на бревнах; нет, его надо затащить во двор на деревянной платформе; глупости, его надо подтянуть к калитке грузовиком. Дидье дал всем высказаться, а потом приказал нам выстроиться вокруг стола — по два человека с трех сторон, а с четвертой он один — и по его команде поднимать.

С недовольным хлопаньем плита оторвалась от земли, и мы на дрожащих от нечеловеческого напряжения руках пронесли ее первые пять метров. Потом еще пять. Дидье, располагавшийся лицом к движению, давал короткие команды. У калитки нам пришлось остановиться и развернуть плиту вертикально, чтобы она пролезла в проем. Камень был невероятно тяжелым, мы все уже покрылись потом и держались за спины, и по крайней мере один из нас думал, что становится староват для такой работы, но тем не менее плита уже стояла на боку, готовая к переправке во двор.

— Сейчас начнется самое интересное, — пообещал Дидье.

В проеме калитки места хватало только для двух человек с каждой стороны стола — им и придется принять на себя всю тяжесть, а остальные смогут только тянуть и толкать. Под столом пропустили две огромные плетеные стропы, все еще раз поплевали на руки, а моя жена убежала в дом, не желая смотреть, как расплющатся пальцы ног и четыре человека одновременно надорвут себе спины.

— Что бы ни случилось, не бросайте ее, — напутствовал нас Дидье. — *Allez!*

Под аккомпанемент проклятий и стонов, которые сделали бы честь рожающей слонихе, стол пересек границу двора и наконец оказался внутри.

Уняв кровь, льющуюся из содранных костяшек пальцев, мы установили основание — сравнительно легкое сооружение, весящее всего лишь полцентнера, щедро намазали его сверху раствором и, совершив последний, решительный рывок, водрузили на него столешницу. Но Дидье был неудовлетворен: ему померещилось, что мы на полсантиметра сдвинули ее влево. Он потребовал, чтобы его старший помощник Эрик встал под столом на четвереньки и спиной приподнимал столешницу, пока мы выравниваем ее по центру. Я попытался вспомнить, есть ли в оформленном мною страховом полисе пункт о компенсации в случае смерти, причиненной раздавливанием. К счастью, Эрик выбрался из-под стола целый и невредимый. Правда, Дидье жизнерадостно заметил, что внутренние повреждения проявляются не сразу и строители чаще погибают от них, чем от наружных травм. Я решил считать это шуткой.

Все получили по бутылке пива и повосхищались столом. Он был именно таким, какой мы представляли себе в тот февральский день, когда прутиком рисовали его на снегу. Он получился как раз нужного размера и чудесно смотрелся на фоне окружающих двор каменных стен. Пятна крови и пота скоро высохнут, и тогда мы сможем поесть за ним.

Это радостное предвкушение трапез на открытом воздухе слегка омрачалось только одним обстоятельством: на днях подходил к концу сезон уродливых, изумительно вкусных и неприлично дорогих грибов — воклюзских трюфелей.

Мир трюфелей полон тайн, но если посторонний хочет ненадолго заглянуть в него, ему надо отправиться в одну из деревень, расположившихся вокруг Карпентра. В тамошних кафе за утренними стаканчиками *marc* или кальвадоса совершаются торопливые сделки, и приглушенные разговоры моментально смолкают, если в дверь заглядывает незнакомец. На улицах мужчины сбиваются в маленькие тесные группы и сначала разглядывают, потом нюхают и наконец благоговейно взвешивают покрытые землей и бородавками черные комочки. Деньги переходят из рук в руки — толстые грязные пачки 100-, 200-и 500-франковых купюр, которые тут же пересчитывают, облизывая пальцы. Наблюдать за такими сценками со стороны не рекомендуется.

На этих неофициальных рынках начинается путь грибов, закачивающийся на столиках трехзвездочных ресторанов или на прилавках дорогих парижских магазинов деликатесов — таких как «*Fauchon*» или «*Hédiard*». Но даже здесь, в сердце самой глухой провинции, трюфели,

получаемые из рук человека, у которого под ногтями чернеет земля, а дыхание пахнет вчерашним чесночным соусом, который вместо элегантного кейса держит корзину или пластиковый пакет и ездит на старой и ржавой машине, — даже здесь они стоят *très sérieux*,^[66] как любят выражаться французы, денег. Трюфели продаются на вес, обычно партиями не больше килограмма. В восемьдесят седьмом году цена за килограмм на деревенском рынке составляла две тысячи франков, причем плата бралась только наличными. Чеки здесь не принимаются и квитанции не выдаются — сборщики трюфелей не имеют никакого желания поощрять дурацкие затеи правительства под названием «подходный налог».

Итак, первоначальная цена — две тысячи франков. Когда, пройдя через руки нескольких агентов и посредников, грибы попадают на кухню какого-нибудь «Бокюз» или «Труагро», цена, вероятно, удваивается. А в магазине она может достигать и пяти тысяч франков, но там, по крайней мере, принимают чеки.

Существуют две причины, по которым эта абсурдная цена продолжает год от года расти: первая заключается в том, что вкус и запах свежих трюфелей не может сравниться ни с чем, кроме вкуса и запаха свежих трюфелей. Вторая — это то, что все многочисленные и хитроумные попытки французов вырастить эти грибы искусственно до сих пор заканчивались неудачей. Правда, они не оставляют стараний, и в Воклюзе нередко можно натолкнуться на огороженное поле, засаженное особым видом дубов. Но, похоже, разведение трюфелей — это искусство, подвластное лишь Природе, что, несомненно, способствует повышению их цены. Существует лишь один способ наслаждаться уникальным вкусом и не платить за это целое состояние — добывать трюфели самостоятельно.

Нам повезло: наш штукатур Рамон почти профессионально и совершенно бесплатно прочел нам целый курс по технике сбора трюфелей. Он уверял, что испробовал все способы и даже добился некоторых успехов. Рамон не делал секрета из своих знаний и в обмен на пиво очень точно рассказал нам, как надо действовать (правда, он не рассказал, куда надо идти, но этого не сделает ни один сборщик трюфелей).

Все зависит, говорил он, от точного расчета времени, знаний, опыта, а также от наличия у вас свиньи, хорошо обученной собаки или палки. Трюфели растут в нескольких сантиметрах под землей на корнях особого вида дуба или лесного ореха. В сезон сбора, продолжающийся с ноября по март, их можно находить с помощью носа при условии, что этот нос достаточно чуткий. Лучшие ищейки — это свиньи, питающие к трюфелям врожденную страсть. Нюх у них даже лучше, чем у собак, но у этого

способа имеется и существенный недостаток, и заключается он в том, что хрюшка непременно хочет съесть найденный гриб. Не просто хочет, а ужасно хочет. Пытаться договориться со свиньей, находящейся на грани гастрономического экстаза, по словам Рамона, бесполезно. Ее невозможно ни отвлечь, ни придержать одной рукой, пока другой вы спасаете драгоценный гриб. Представьте себе небольшой трактор, твердо решивший добраться до трюфеля раньше, чем вы. Поэтому, объяснил Рамон, в наши дни сборщики все чаще привлекают к поискам трюфелей менее крупных и более сговорчивых собак.

В отличие от свиней, собаки по своей природе совершенно равнодушны к грибам, поэтому их надо специально натаскивать. Сам Рамон отдавал предпочтение методу *saucisson*: вы берете ломтик колбасы, натираете его кусочком трюфеля или окунаете в грибной бульон, и скоро собака начинает связывать запах трюфелей с божественным колбасным вкусом. Постепенно или довольно скоро, если собака умна и прожорлива, она начинает испытывать к трюфелям не меньший интерес, чем вы. Тогда наступает время для испытания в полевых условиях. Если вы хорошо ее обучили, если темперамент вашего пса соответствует поставленной задаче и если вы знаете, куда идти, он скоро приведет вас к спрятанному под землей сокровищу. В этом случае, как только собака постарается откопать гриб, надо отвлечь ее при помощи пахнущей трюфелем колбасы и самостоятельно вырыть драгоценный кусочек черного золота.

Сам же Рамон в конце концов выбрал третий способ: сбор трюфелей при помощи палки. Он даже наглядно продемонстрировал его нам: на цыпочках походил по кухне, махая перед собой воображаемым прутиком. Как и в первых двух случаях, самое главное, разумеется, это знать, где искать. Кроме того, для третьего способа необходимо дожидаться правильных погодных условий. Когда солнечные лучи падают прямо на корни намеченного вами дуба, потихоньку подойдите к нему и палкой осторожно пошевелите траву, растущую вокруг дерева. Если из нее вертикально вылетит испуганная мошка, заметьте это место и копайте там. Вполне вероятно, это насекомое принадлежит к особому семейству мошек, соглашающихся откладывать яйца только в этот изысканный деликатес (что, несомненно, прибавляет к его аромату дополнительное *je ne sais quoi*^[67]). В Воклюзе многие сборщики применяют именно этот способ, потому что человек, бродящий по лесу с палочкой, выглядит гораздо менее подозрительно, чем тот, кто водит на поводке свинью, и таким образом удается соблюдать конспирацию. Охотники за трюфелями не любят раскрывать свои грибные места.

Как ни сложен и непредсказуем процесс сбора трюфелей, он все-таки кажется детской игрой по сравнению с трюками и махинациями, начинающимися в тот момент, когда грибы превращаются в товар. С азартом журналиста криминальной хроники Рамон рассказал нам о самых распространенных способах обмана доверчивых покупателей.

Во Франции в производстве любого съедобного продукта обязательно лидирует какая-нибудь область или город: лучшие оливки выращивают в Ньоне, лучшая горчица производится в Дижоне, лучшие дыни доставляют из Кавайона, а лучшие сливки — из Нормандии. Лучшие трюфели, как всем известно, растут в Перигоре, и, естественно, они стоят дороже остальных. Но откуда вы можете знать, что грибы, купленные в Перигоре, выросли именно там, а не в сотне километров оттуда, в Воклюзе? Если вы не доверяете своему поставщику на сто процентов, то не можете быть в этом уверены. По утверждению Рамона, половина трюфелей, продаваемых в Перигоре, выросла совсем в другом месте и была потом «натурализована».

Кроме того, трюфели таинственным образом прибавляют в весе, после того как их вырывают из земли и перед тем как кладут на весы. Иногда это случается благодаря налипшему на них лишнему слою земли, а иногда — благодаря постороннему металлическому предмету, обнаружить который можно, только разрезав гриб пополам. *Ils sont vilains, ces types!*^[68] Если вы полагаете, что, отказавшись от свежих трюфелей и покупая консервированные, получаете какие-то гарантии их происхождения, то сильно заблуждаетесь. Людям ведь не заткнешь рот. Ходят слухи, что во французских жестяных банках с французскими этикетками скрываются трюфели из Италии и Испании (если так и есть, то это можно считать одним из самых выгодных и наименее освещенных прессой примеров кооперации стран-участниц Общего рынка).

И все-таки, несмотря на частые случаи мошенничества и цены, становящиеся с каждым годом все абсурднее, французы продолжают подчиняться зову своих носов и лезут в кубышку. Именно это сделали и мы с женой, когда узнали, что в одном из наших любимых местных ресторанчиков сегодня подаются последние трюфели сезона.

«Ше Мишель», в сущности, обыкновенный деревенский бар и штаб-квартира местных любителей *boules*,^[69] был слишком скромным и невзрачным, чтобы привлечь внимание экспертов из Мишлена. На передних столиках старики обычно играли в карты, а клиенты обедали в глубине небольшого зала. Сам хозяин управлялся на кухне, мадам

принимала заказы, а остальные члены семьи помогали им. Сюда любили заглядывать, чтобы перекусить, люди, живущие по соседству, а хозяин был явно лишен честолюбивых устремлений и не собирался включаться в гастрономическую гонку, победители которой превращают свои имена в бренды, а свои рестораны — в храмы тщеславия и непомерных цен.

Мадам усадила нас за столик и принесла выпить, а мы спросили у нее про трюфели. В ответ она горестно подняла глаза к небу, и мы на минуту испугались, что грибы уже кончились. К счастью, оказалось, что таким образом мадам просто выражала свою скорбь, навеянную неправильным устройством мира. Она охотно поделилась ей с нами.

Мишель, ее муж, очень любит готовить свежие трюфели. У него есть свои поставщики, и он, как и все, платит им наличными и, разумеется, не получает никаких квитанций. Следовательно, при составлении налогового отчета он не может записать эти весьма солидные суммы в раздел расходов на производство. А кроме того, он категорически отказывается поднимать цены на блюда, содержащие трюфели, до такого уровня, который может отпугнуть его постоянных клиентов (зимой в ресторанчик заглядывают только прижимистые местные жители, а богатая публика появляется здесь не раньше Пасхи).

Вот почему мадам грустила, хоть и старалась это скрыть, когда демонстрировала нам медную сковородку с трюфелями на тысячу неподлежащих вычету из доходов франков. Мы спросили у нее, почему Мишель это делает, и мадам с горечью ответила: «*Pour faire plaisir*»,^[70] сопроводив свои слова классическим жестом: плечи и брови поднимаются к небу, а уголки губ опускаются к земле.

Мы заказали два омлета. Они оказались влажными, толстыми, пышными и ароматными, и в каждом подцепленном на вилку кусочке имелся маленький черный самородок. Мы дочиста вытерли тарелки ломтиками хлеба, попытались прикинуть, сколько такое блюдо может стоить в Лондоне, и пришли к заключению, что очень экономно перекусили. Сравнением с Лондоном можно было оправдать любую роскошь, которую мы позволяли себе в Провансе.

Мишель на минутку показался из кухни и заметил наши сверкающие тарелки. «Понравились трюфели?» — спросил он. Мы заверили его, что очень понравились. Мишель рассказал нам, что посредника, у которого он их купил — одного из самых прожженных в этих местах, — недавно ограбили. Преступник забрал у него коробку, набитую наличными — больше ста тысяч франков, — а пострадавший даже не смог сообщить об этом в полицию, потому что там его непременно спросили бы, откуда

взялась такая сумма. Теперь он жалуется, что совершенно разорен. Значит, в будущем году цены еще вырастут. *C'est la vie.*

Мы вошли в дом и услышали, как звонит телефон. Мы оба очень не любим этот звук и путем хитрых маневров обычно пытаемся переложить друг на друга обязанность снимать трубку. Мы не ждем ничего хорошего от телефонных звонков: они имеют обыкновение раздаваться в самый неподходящий момент, заставить врасплох и втягивать в совершенно ненужный нам диалог. Другое дело письма — их приятно получать хотя бы потому, что вам предоставляется возможность обдумать ответ. Но люди больше не пишут писем. Они слишком заняты и вечно спешат, а кроме того, почему-то не доверяют почте, которая доставляет счета с завидной аккуратностью. А мы, в свою очередь, не доверяем телефону, и я взялся за трубку так, словно это была дохлая рыба.

— Как погода? — спросил незнакомый голос.

Я сообщил, что погода отличная. Вероятно, это обстоятельство имело решающее значение, потому что, услышав мой ответ, звонящий представился: он назвал себя Тони. Это не был наш друг или даже друг наших друзей, а всего лишь знакомый наших знакомых.

— Хочу прикупить там у вас домик, — сообщил он тем отрывистым, деловым тоном, каким средние бизнесмены разговаривают со своими женами по телефону из машины. — Надеюсь, вы мне поможет. Хочу успеть до Пасхи и до того, как лягушатники вздуют цены.

Я предложил ему телефоны нескольких местных агентов по недвижимости.

— У меня тут проблема, — признался он. — Не говорю по-французски. Обед заказать, конечно, смогу, но и только.

Я предложил ему телефон агента, говорящего на двух языках, но его это опять не устроило.

— Не хочу заикливаться на одной фирме. Это глупо. Нужна свобода маневра.

Наша беседа достигла той стадии, когда я должен был либо предложить ему свои услуги, либо в зародыше задушить нашу едва возникшую дружбу. Тони не дал мне возможности сделать ни того, ни другого.

— Должен идти. Нет времени болтать. Успеем наговориться, когда приеду. — И добавил страшную фразу, перечеркнувшую все наши надежды на спасение: — Не беспокойтесь, ваш адрес у меня есть. Я вас найду.

Телефон замолчал.

АПРЕЛЬ

Тем утром небо было удивительно синим, а над самой землей еще висел туман, похожий на мокрые простыни. Собаки возвращались с прогулки совершенно промокшие, и на их усах сверкали капельки влаги. Они первыми обнаружили незнакомца и запрыгали вокруг него, притворяясь, что хотят разорвать.

Он стоял у бассейна, отмахиваясь от них элегантной мужской сумочкой, и, кажется, очень обрадовался, увидев нас.

— С ними все в порядке? Они не бешеные?

По голосу я узнал Тони и, не видя другого выхода, пригласил его позавтракать с нами. Он оказался крупным, приятно закругленным в районе талии и тщательно причесанным. На нем были очки с затемненными стеклами и светлый полуспортивный костюм, какие приезжающие в Прованс англичане носят все время, независимо от погоды. Он уселся за стол, достал из своей сумочки дорогой и толстый ежедневник, ручку с золотым пером, пачку сигарет «Картье» из дьюти-фри и

позолоченную зажигалку. Часы тоже были золотыми. Я не сомневался, что в волосах на его груди прячется золотой медальон. Он сообщил, что занимается рекламой.

Вкратце и с явным удовольствием Тони поведал нам историю своего бизнеса. Он основал собственное рекламное агентство, выстроил его с нуля — «каторжная работа, кровавая конкуренция» — и только что продал контрольный пакет, получив за него «хорошие бабки» и контракт на пять лет. Теперь, заявил он, можно и расслабиться, хотя по его поведению вы никогда бы не подумали, что этот человек находится на отдыхе. Он непрерывно ерзал, часто поглядывал на часы, перекладывал на столе свои игрушки, поправлял очки и много курил, жадно затягиваясь. Вдруг Тони вскочил со стула:

— Не возражаете, если я позвоню? Как набирать Лондон?

Мы с женой уже знали, что это неизбежно. Любой англичанин, приезжающий к нам в гости, сначала входил в дом, потом выпивал чашку кофе или чего-нибудь покрепче, а потом обязательно просил разрешения позвонить домой, чтобы убедиться, что его бизнес не развалился в первые несколько часов его отсутствия. Этот порядок никогда не менялся, и содержание разговора было столь же предсказуемо.

«Привет, это я. Да, из Прованса. Как дела? Кто-нибудь звонил? Никто? А Дэвид не перезванивал? Черт. Послушай, сегодня я не буду сидеть на месте, но меня можно найти по... (Какой у вас тут номер?) Записал? Что? Да, погода хорошая. Позвоню позже».

Тони положил трубку и успокоил нас, сообщив, что с его компанией все в порядке и она хоть и с трудом, но справляется без него. Теперь он готов посвятить всю свою энергию, а заодно и нашу покупке недвижимости.

Покупка недвижимости в Провансе — дело многосложное, и неудивительно, что многие городские бизнесмены, привыкшие быстро принимать решения и быстро претворять их в жизнь, сдаются после нескольких месяцев нескончаемых переговоров, не приведших ни к каким результатам. Первый неприятный сюрприз, ожидающий их, — это то, что за дом приходится платить несколько больше, чем указано в объявлении. В основном это происходит потому, что французское правительство забирает себе восемь процентов с каждой сделки. Кроме того, имеются и юридические расходы, довольно высокие. А иногда в договор купли-продажи включается пункт о том, что покупатель выплачивает комиссионные агенту — от трех до пяти процентов от общей суммы. Таким образом, первоначальная цена вырастает в среднем процентов на

пятнадцать.

Однако имеется освященный временем и вполне респектабельный способ избежать лишних трат, особенно любезный французскому сердцу потому, что с его помощью можно достичь сразу двух целей: сэкономить деньги и надуть государство. Суть этого способа в том, что за дом назначаются две цены — официальная и реальная. Дело происходит примерно так: месье Риварель, бизнесмен из провинции, хочет продать полученный по наследству дом в деревне. Он просит за него миллион франков. Поскольку этот дом не является его основным местожительством, ему придется платить налог с суммы продажи, и мысль об этом причиняет месье Риварелю невыносимые страдания. Поэтому он решает, что в документах будет указана другая цена, *prix déclaré*,^[71] — а именно, шестьсот тысяч франков, и с этой суммы он, стиснув зубы, заплатит налог. Утешением ему будет служить то, что под столом он получит наличными четыреста тысяч, налогом необлагаемых. И это, как он обязательно укажет, будет *affaire intéressante*^[72] не только для него, но и для покупателя, потому что все причитающиеся с него проценты будут высчитываться с гораздо меньшей, официальной суммы. *Voilà!* Все довольны.

Совершение этой сделки требует особого такта и деликатности со стороны нотариуса. Все заинтересованные стороны — покупатель, продавец и агент по недвижимости — собираются у него в кабинете, и нотариус вслух зачитывает договор о купле-продаже. Указанная в договоре цена — шестьсот тысяч. Остальные четыреста тысяч покупатель принес с собой наличными и должен передать продавцу, но делать это в присутствии нотариуса крайне неприлично. К счастью, нотариус вдруг ощущает острую потребность посетить туалет, где и остается некоторое время, за которое покупатель успевает отдать продавцу деньги, а тот пересчитать их. Потом нотариус возвращается, принимает чек на заявленную в договоре сумму и наблюдает за подписанием акта. Его профессиональная совесть таким образом остается незапятнанной. В Провансе довольно зло шутят, что два главных качества, необходимых сельскому нотариусу, — это плохое зрение и слабый мочевого пузырь.

При покупке дома может возникнуть и множество других препятствий, и главное из них — это проблема коллективной собственности. По французскому законодательству собственность наследуется всеми детьми, причем каждый из них получает равную долю. Следовательно, чтобы продать дом, все они должны прийти к согласию, и чем больше в семье детей, тем труднее этого добиться. Характерная история приключилась со

старой фермой, расположенной неподалеку от нас. Она передавалась из поколения в поколение и в конце концов оказалась разделенной между четырнадцатью двоюродными братьями и сестрами, трое из которых родились и жили на Корсике, а значит, по утверждению наших французских друзей, с ними невозможно было договориться. Ферму неоднократно пытались купить, и каждый раз девять из четырнадцати родственников были согласны, двое колебались, а трое корсиканцев решительно говорили «нет». Ферма до сих пор остается непроданной и в свое время неизбежно достанется тридцати восьми детям этих четырнадцати. В итоге у нее окажется сто семьдесят пять владельцев, почти незнакомых и не доверяющих друг другу.

Но даже если дом принадлежит единственному владельцу, такому, например, как Массо, — это еще не гарантия того, что сделка состоится быстро и без осложнений. Крестьянин подсчитает, сколько денег ему надо, для того чтобы до конца жизни не отказывать себе в выпивке и лотерейных билетах, и назначит за дом цену, которая покажется несусветной даже ему самому. Но если найдется покупатель, готовый заплатить эту несусветную цену, крестьянин тут же заподозрит подвох. Что-то слишком уж легко все получается. Возможно, он продешевил. Он на полгода снимет дом с продажи, а потом выставит его снова, но уже по более высокой цене.

Имеются еще и всякие мелкие сюрпризы, вскользь упоминаемые продавцом в самый последний момент: сарай, когда-то проигранный в карты соседу; старинный закон, согласно которому стадо коз формально имеет право два раза в год проходить через вашу кухню; тяжба с соседями насчет колодца — ожесточенная и тянувшаяся с пятьдесят восьмого года; престарелый арендатор, обещавший непременно помереть к весне, — что-нибудь обязательно выясняется, и покупателю требуется немало терпения и чувства юмора, чтобы довести сделку до конца.

По дороге к знакомому агенту я пытался подготовить Тони ко всем этим местным особенностям, но, кажется, зря старался. Он без ложной скромности признался, что имеет огромный опыт и умеет торговаться как никто другой. Он играл в серьезные игры с большими мальчиками с Медисон-авеню, и какому-нибудь французскому бюрократу или крестьянину нечего и надеяться переиграть его. Я начинал сожалеть о том, что согласился представить Тони человеку, не имеющему ни личного бизнес-менеджера, ни телефона в машине.

Агент встретила нас у дверей своего офиса, усадила за стол и вручила два толстых альбома с фотографиями и описаниями домов. Она совершенно не говорила по-английски, а Тони — по-французски, и поэтому

он решил, что может вести себя так, словно ее вообще нет в комнате. Его поведение выглядело еще более неприличным оттого, что он считал возможным беззастенчиво материться. Мне пришлось пережить мучительные полчаса, пока Тони перелистывал страницы альбомов, непрерывно приговаривая: «Твою мать!» или «Они просто сдурели», а я пытался переводить его комментарии и лепетал какую-то чушь о том, что мой друг немного удивлен ценам.

Он явился в офис агента с твердым намерением купить только дом, без земли. У него нет времени, чтобы возиться с садом. Но я видел, как, переворачивая страницу за страницей, Тони уже начинал воображать себя провансальским сквайром, владельцем обширных виноградников и собственной оливковой рощи. К последней странице он был больше всего озабочен вопросом, где разбить теннисный корт. К моему большому огорчению, Тони счел три дома достойными своего внимания.

— Мы сегодня посмотрим их все, — объявил он, записывая что-то в своем ежедневнике, и посмотрел на часы. Я было решил, что сейчас Тони захочет позвонить в Лондон с телефона агента, но оказалось, он просто услышал зов желудка. — Сейчас идем в ресторан, — распорядился он, — и вернемся сюда к двум.

Тони помахал в воздухе двумя пальцами, агент улыбнулась и покивала в ответ, и мы ушли, дав бедной женщине возможность прийти в себя.

За ланчем я сообщил Тони, что не поеду с ним и агентом осматривать дома. Он очень удивился тому, что у меня нашлись другие дела, но заказал вторую бутылку вина и поведал мне, что деньги — это международный язык и он не предвидит никаких сложностей. К сожалению, когда принесли счет, выяснилось, что ни его золотая карточка «Америкэн экспресс», ни дорожные чеки, которые он не успел разменять, не представляют никакого интереса для владельца ресторана. Я заплатил за ланч и отпустил какое-то замечание насчет международного языка. Тони даже не улыбнулся.

Я расстался с ним со смешанным чувством облегчения и вины. Самоуверенные хамы всегда неприятны, но все-таки, если вы за границей и он ваш соотечественник, вы чувствуете за него некоторую ответственность. На следующий день я позвонил агенту, чтобы извиниться. «Ничего, — сказала она. — Парижане бывают и похуже. А тут я хотя бы не понимала, что он говорит».

Свидетельством того, что весна наступила окончательно, стали изменения в гардеробе месье Меникуччи. Он пришел к нам для проведения *études*^[73] перед началом грандиозного летнего проекта — установки в

нашем доме центрального отопления. На этот раз вместо шерстяной шапочки на нем была легкая хлопковая модель со слоганом, рекламирующим сантехническое оборудование, а вместо меховых снегоходов — коричневые брезентовые боты. Его помощник *jeune* нарядился в камуфляжную форму и стал похож на спецназовца. Вдвоем они маршировали по дому и делали замеры, а месье Меникуччи при этом еще и баловал меня своими избранными *pensées*.

Для начала разговор зашел о музыке. Они с женой на днях посетили торжественный ланч и танцы, устроенные ассоциацией водопроводчиков и сантехников. Оказалось, помимо всех своих прочих талантов Меникуччи еще и отличный танцор. «Да, месье Питер, — подтвердил он, — мы протанцевали до шести часов. У меня ноги как у двадцатилетнего». Я вообразил, как он проворно кружит мадам в туре вальса. Интересно, у него имеется и специальная бальная шапочка? Представить месье Меникуччи с голой головой было невозможно. Я улыбнулся. «Знаю, знаю: вы подумали, что вальс — это не очень серьезная музыка, — по-своему истолковал он мою улыбку. — Если хотите серьезной музыки, слушайте великих композиторов».

И месье Меникуччи поделился со мной замечательной теорией, пришедшей ему в голову, когда он играл на кларнете во время одного из регулярных отключений электричества, столь любимых французскими энергетиками. Электричество, сказал он, это суть наука и логика. Классическая музыка — это суть искусство и логика. *Vous voyez?*^[74] У них имеется один общий фактор. И когда вы слушаете стройную и безупречно логичную симфонию Моцарта, вывод напрашивается сам собой: из Моцарта получился бы отличный электрик.

Научную беседу прервал вернувшийся *jeune*: он подсчитывал, сколько радиаторов нам потребуется. Выходило, что двадцать. Меникуччи, услышав эту цифру, поморгал и потряс пальцами, будто обжегся:

— *Oh làlà*. Это влетит вам в копеечку. — Он назвал цену в несколько миллионов франков и, увидев мое ошеломленное лицо, сразу же разделил ее на сто: оказывается, он считал в старых деньгах. Но и в новых сумма производила впечатление. Особенно высока была стоимость чугунных батарей, к которой прибавлялся еще налог с продаж — или TVA — восемнадцать с половиной процентов. Эти последние проценты и дали месье Меникуччи повод произнести обличительный монолог о безобразиях, которые вытворяют правительство вообще и налоговые органы в частности.

— Вы покупаете биде, — начал он, норовя проткнуть меня

пальцем, — и целиком платите весь TVA. То же самое с болтами, гайками и прочим. Но я открою вам один совершенно *scandaleux*^[75] факт. Вы покупаете банку икры — и платите всего шесть процентов TVA, потому что это, видите ли, *nourriture*.^[76] А теперь ответьте мне — кто питается икрой? — Я поспешил заверить его, что не я. — А я вам скажу кто — политики, миллионеры и всякие *grosses légumes*^[77] из Парижа. Только они и питаются икрой. И это ужасное безобразие. — Бормоча себе под нос что-то об икорных оргиях в Елисейском дворце, он удалился, чтобы проверить, правильно ли *jeune* посчитал батареи.

Конечно же, перспектива на пять или шесть недель отдать свой дом в распоряжение месье Меникуччи, который станет дырявить столетние стены дрелью размером почти с него, пылить и непрерывно разговаривать, не особенно нас вдохновляла. Это будет грязная и тяжелая работа, и ни одна комната не останется целой. Но в том-то и преимущество жизни в Провансе, говорили мы себе, что, пока весь этот кошмар будет происходить у нас в доме, мы вполне сможем жить снаружи. Даже в начале апреля дни стояли почти жаркие, и одним воскресным утром, когда в семь часов нас разбудило солнце, заглянувшее в окно спальни, мы решили, что сегодня же начнем привыкать к жизни на свежем воздухе.

В Провансе программа воскресного дня непременно включает в себя поход на рынок, и к восьми часам мы уже приехали в еще не изведенное нами местечко. Площадь за заброшенным вокзалом была забита грузовиками и фургонами, и перед каждым стоял раскладной столик с товаром. На треноге красовалась большая черная доска с написанными мелом сегодняшними ценами на овощи. Продавцы, успевшие загореть на своих огородах, ели еще теплые круассаны и бриоши, которые покупали в булочной на другой стороне улицы. Мы постояли немного, любуясь одним стариком: перочинным ножиком с деревянной ручкой он разрезал вдоль целый багет, щедро намазал его свежим козьим сыром, мягким, как сливки, и налил себе стакан красного вина из литровой бутылки, которая поможет ему переждать время до ланча.

Рынок здесь маленький по сравнению с воскресными рынками в Апте или Кавайоне, еще не успел войти в моду. Покупатели ходят по нему с корзинами, а не с фотоаппаратами, и только в июле или августе здесь можно встретить надменную парижанку в спортивном костюме от Диора с маленькой нервной собачкой на руках. В остальное время сюда приходят только местные жители и крестьяне, привозящие на продажу то, что всего несколько часов назад они вырыли из земли или сорвали у себя на огороде.

Мы неторопливо прошлись вдоль столиков с товарами и полюбовались на французских домохозяек в действии. В отличие от нас они не удовлетворялись тем, что просто смотрели на товар, перед тем как купить его, они вступали с продуктами в физический контакт: щипали баклажаны, подозрительно нюхали помидоры, терли между ладонями тонкие как спички стручки *haricots verts*,^[78] недоверчиво тыкали пальцами в тугую влажную сердцевину латука-салата, пробовали на зуб сыры и оливки и, если что-нибудь их не устраивало, отходили от прилавка с видом оскорбленной добродетели.

У самого входа на рынок стоял грузовичок винодельческого кооператива, и столпившиеся вокруг него мужчины с вдумчивым видом дегустировали молодое *rosé*.^[79] Рядом крестьянка торговала домашними яйцами и живыми кроликами, а за ее спиной начинались ряды прилавков, заваленных горами овощей, ароматными пучками базилика, баночками с лавандовым медом, зелеными бутылками с оливковым маслом первого отжима, подносами с тепличными персиками, горшочками черного *tapenade*,^[80] цветами, травами, вареньями и сырами. В лучах утреннего солнца все это выглядело очень соблазнительно.

Мы купили красные перцы, для того чтобы зажарить их на гриле, и большие коричневые яйца, и козий сыр, и салат, и блестящие розовые луковицы. А когда корзина заполнилась доверху, мы перешли дорогу и купили полуметровый багет — *gros pain*, которым так вкусно собирать со дна тарелки остатки заправки из оливкового масла и виноградного уксуса. В булочной было многолюдно и шумно, пахло теплым тестом и жареным миндалем, добавленным в утренние пирожные. Дожидаясь своей очереди, мы вспомнили, как слышали где-то, что французы тратят на свой желудок столько же, сколько англичане на автомобили и стереосистемы. Находясь здесь, в это было нетрудно поверить.

Каждый покупатель брал провизии словно на целую роту. Одна круглобокая жизнерадостная женщина купила шесть больших буханок — три метра хлеба, — шоколадную бриошь размером с хорошую шляпу и целый яблочный торт: ломтики яблок, уложенные концентрическими кругами и залитые абрикосовым желе. Мы вспомнили, что сегодня не завтракали.

Зато мы отыгрались за ланчем, в меню которого входили холодные жареные перцы, блестящие от оливкового масла; мидии, обернутые в бекон и запеченные на гриле; салат и сыры. Мы выпили вина, солнце грело вовсю, и нас потянуло в сон. В это время зазвонил телефон.

В воскресенье в промежуток между полуднем и тремя часами может звонить только англичанин; француз никогда не придет в голову святотатственная мысль прервать самый приятный и долгожданный ланч на неделе. Уже через секунду я горько пожалел о том, что снял трубку: Тони из рекламного агентства вернулся и, судя по отсутствию помех на линии, находился в опасной близости от нас.

— Просто хотел ввести вас в курс, — сказал он и, кажется, жадно затянулся. Я мысленно пообещал себе завтра же купить автоответчик на случай, если еще кто-нибудь захочет ввести нас в курс чего-нибудь во время воскресного ланча. — Вроде бы я нашел то, что искал. — Он не сделал паузы и поэтому не услышал звука, с которым упало мое сердце. — Правда, довольно далеко от вас. Ближе к побережью. — Я сказал, что очень рад. Чем ближе к побережью окажется Тони, тем лучше. — Там надо все переделывать, и я, разумеется, не собираюсь платить ему столько, сколько он хочет. Думаю привезти своих строителей. Они отремонтировали мне весь офис за шесть недель. Ирландцы, но работать умеют. С домом они разберутся за месяц.

Я испытывал сильное искушение поддержать эту идею, показавшуюся мне готовым сюжетом для комического рассказа: бригада ирландских строителей, заброшенная в гущу провансальских соблазнов: солнце, дешевое вино, бесконечные поводы для проволок и хозяин, находящийся слишком далеко, чтобы приставать и портить удовольствие. Я уже представил себе, как ребята затягивают работу до октября, в августе выписывают из Ирландии свои семьи и вообще всю наслаждаются жизнью. Но, взяв себя в руки, я все-таки посоветовал Тони заручиться помощью архитектора и поручить ему нанять местных рабочих.

— Архитектор ни к чему, — категорически отрезал он. — Я и без него знаю, что мне надо. — Кто бы сомневался. — Почему я должен платить ему кучу бабок за пару рисунков?

Таким людям бесполезно давать советы. Они всегда знают все лучше вас. Я спросил, когда он возвращается в Англию.

— Сегодня вечером, — ответил Тони и любезно зачитал мне несколько страниц из своего ежедневника: встреча с клиентом в понедельник, потом три дня в Нью-Йорке, потом торговая конференция в Милтон Кинз, на юге Англии. Все это сообщалось утомленным голосом загнанного, но совершенно незаменимого топ-менеджера.

— Я буду держать вас в курсе, — пообещал он в конце разговора. — Оформление покупки займет еще пару недель, и я позвоню вам, как только все состоится.

Потом мы с женой сидели у бассейна и размышляли о том, почему нам обоим так трудно дать отпор бесцеремонным и неблагодарным людям. Летом их будет приезжать все больше и больше. Они станут есть, пить и спать в нашем доме, купаться в нашем бассейне и потом требовать, чтобы их отвезли в аэропорт. Мы не считали себя нелюдимыми или замкнутыми, но знакомство с нахрапистым и динамичным Тони нас напугало. Мы торжественно пообещали себе, что следующие несколько месяцев будем проявлять максимум твердости и изобретательности. И немедленно купим автоответчик.

Похоже, Массо тоже готовился к наступающему летнему сезону: несколько дней спустя, гуляя по лесу, я застал его за укреплением рубежа обороны против немецкого нашествия. Под табличками с надписью «PRIVÉ!» он прибавал еще пару коротких, но зловещих объявлений: «Attention! Vipères!»^[81] Это был тонкий ход — таблички наводили ужас и при этом не требовали наглядного подтверждения угрозы, как в случае с обещаниями злых собак, тока, пропущенного через ограду, или вооруженной автоматами охраны. Даже самых храбрых туристов может отпугнуть перспектива найти в своем спальном мешке свернувшуюся кольцом гадюку. Я спросил Массо, правда ли здесь водятся змеи, и он сокрушенно покачал головой, в очередной раз поражаясь невежеству этих иностранцев.

— *Eh oui*, небольшие, — он раздвинул ладони сантиметров на тридцать, — но, если укусит, надо бегом бежать к доктору, а то... — Массо наклонил голову к плечу, высунул язык и сделал ужасную гримасу. — Говорят, что, когда змея кусает мужчину, мужчина умирает, а когда она кусает женщину, — он наклонился ко мне и поиграл бровями, — умирает змея. — Массо утробно захохотал и угостил меня толстой желтой сигаретой. — Так что босиком здесь лучше не гулять.

По утверждению профессора Массо, местные змеи обычно сторонятся людей и нападают, только когда их провоцируют. Но, если уж такое случилось, Массо советовал убегать зигзагами и желательно вверх по склону, потому что пришедшая в ярость змея на коротких дистанциях развивает скорость выше человеческой. Я нервно оглянулся, и Массо засмеялся:

— А можно поступать так, как делают крестьяне: исхитриться, схватить змею за голову и сжать посильнее, чтобы она открыла пасть. А потом плюйте ей туда и — бац! — она сдохла. — Он плюнул для наглядности и попал в голову одной из собак. — Но лучше всего, — продолжал Массо, — брать с собой женщину. Женщины бегают медленнее

мужчин, и змея догонит ее первую. — Он отправился домой завтракать, а я осторожно продолжил прогулку и всю дорогу плевался для практики.

Пришла Пасха, и все наши тридцать вишен зацвели одновременно. С дороги казалось, что дом плывет на бело-розовом облаке, и многие проезжающие мимо останавливались, чтобы сделать фотографии. Все они норовили подойти поближе, и отпугивал их только лай наших собак. Одна компания на машине со швейцарскими номерами подъехала почти к самому дому. Я вышел, чтобы узнать, что им надо.

— У нас тут будет пикник, — объявил водитель.

— Простите, но это частный дом.

— Ничего подобного. — Он помахал картой. — Это Люберон.

— Ничего подобного, — возразил я. — Люберон вон там. — Я показал на горную цепь.

— Но я же не могу забраться туда на машине.

В конце концов он все-таки уехал, кипя праведным швейцарским возмущением и оставив глубокие следы шин на траве, которую мы пытались превратить в газон. Туристический сезон начался.

В пасхальное воскресенье маленькая деревенская парковка была забита машинами приезжих. Они бродили по узким улочкам, с интересом заглядывали в окна и фотографировались на фоне церкви. Юнец, все дни просиживавший на ступеньках рядом с *épicerie*,^[82] выпрашивал у всех проходящих мимо туристов десять франков, чтобы позвонить, и выручку относил в кафе.

«Кафе-дю-Прогресс» прилагало массу усилий к тому, чтобы не показаться кому-нибудь живописным. Это был кошмарный сон дизайнера: шатающиеся, разномастные стулья, мрачная краска на стенах и туалет, который постоянно рычал и чавкал по соседству с облезлой витриной для мороженого. Владелец был грубым, а собаки — на редкость облезлыми. Единственное, чем могло похвастаться кафе, это замечательный вид, открывающийся с застекленной террасы, тоже соседствующей с туалетом. Здесь приятно было пить пиво и наблюдать за игрой света на холмах, что тянулись до самых Нижних Альп. Написанное от руки объявление запрещало выбрасывать в окна окурки, поскольку это вызывало протесты посетителей открытого ресторана, расположенного ниже. Если вы соблюдали это требование, вас никто не беспокоил. Местные жители предпочитали сидеть за стойкой бара, а терраса предназначалась для туристов. В пасхальное воскресенье на ней не оставалось ни одного свободного места.

Здесь были голландцы, любители здорового образа жизни, в тяжелых башмаках и с рюкзаками; немцы с «Лейками», увешанные сверкающей бижутерией; элегантные, презрительные парижане, тщательно изучающие свои стаканы в надежде обнаружить бактерии; один англичанин в полосатой рубашке с открытым воротом, подсчитывавший отпускные расходы на карманном калькуляторе, пока его супруга писала открытку соседям в Сюррей. Собаки бродили между столиками, выпрашивая кусочки сахара, и помешанные на гигиене парижане в ужасе шарахались от них. Звучащая из радиоприемника песня Ива Монтана без всякой надежды на успех пыталась перекричать звуки, доносящиеся из туалета, и грохот пустых стаканов в баре: местные уже допили свои *pastis* и потянулись домой к ланчу.

На дороге перед входом в кафе три машины сошлись в одной точке и теперь угрожающе рычали друг на друга. Если хотя бы одна из них сдала назад метров на десять, все они благополучно разъехались бы, но французский водитель считает своим моральным долгом никогда не уступать дорогу, парковаться так, чтобы его машина причиняла максимальное неудобство окружающим, и идти на обгон на слепых поворотах. Есть мнение, что за рулем опаснее всех итальянцы, но лично я бы поставил на голодного, опаздывающего к обеду француза, летящего по трассе N100.

Я поехал обратно к нам в деревню и по дороге натолкнулся на последствия только что случившейся первой аварии сезона. Старый белый «пежо» задом въехал в деревянный телеграфный столб с такой силой, что тот сломался пополам. Других машин рядом не наблюдалось, дорога была совершенно сухой и прямой как стрела. Догадаться, каким образом столб и машина пришли в соприкосновение, я не мог, как ни старался. Молодой парень, стоящий посреди дороги, задумчиво чесал в затылке.

Я спросил, не пострадал ли он.

— Со мной все в порядке, — ответил парень, — а вот машине, кажется, *foutu*.^[83]

Я взглянул на машину и на телеграфный столб, навалившийся на нее: окончательно упасть ему мешали только натянутые провода. Столбу тоже пришел *foutu*.

— Надо убираться отсюда, — сказал парень, — пока никто не узнал. Подвезете меня до дому? Здесь недалеко. Нужен трактор.

Он залез ко мне в машину, и причина аварии прояснилась: от парня пахло так, словно его мариновали в *pastis*. Он объяснил, что машину надо убрать с места аварии как можно быстрее и незаметнее. Если Почтовое

управление узнает, кто напал на их столб, они заставят оплатить ущерб.

— Никто не должен знать, — несколько раз повторил парень и для убедительности икнул.

Я подвез его и поехал домой. Полчаса спустя мне стало любопытно, и я вышел на дорогу посмотреть, удалось ли парню тайком увезти машину. Она все еще стояла на том же месте. Рядом собрались кучка крестьян, шумно что-то обсуждающих, еще две машины и трактор, перекрывший дорогу. Пока я смотрел, появилась еще одна машина и посигналила трактору. Тракторист показал на пострадавшую машину и пожал плечами. Водитель подъехавшей машины не удовлетворился этим объяснением и начал сигналить не переставая. Эхо отражалось от горных склонов и, наверное, долетало до Менерба.

Весь этот шум продолжался еще полчаса, а потом «пежо» наконец прицепили к трактору и тайком увезли в направлении местного гаража. Столб остался висеть на проводах, зловеще поскрипывая. На следующей неделе люди из Почтового управления явились, чтобы заменить его, и вокруг них опять собралась небольшая толпа. Они спросили у одного из крестьян, как это случилось, и тот невинно пожал плечами:

— Кто знает? Может, жучок?

Наш парижский друг посмотрел на свой опустевший стакан с таким удивлением, будто содержимое испарилось само, воспользовавшись тем, что он на минутку отвернулся. Я подлил ему вина, и он откинулся на спинку стула и подставил лицо солнцу.

— А в Париже еще не отключили центральное отопление, — пожаловался он и глотнул холодного сладкого муската из Бом-де-Вениз. — И дождь не прекращается уже две недели. Я понимаю, почему вам здесь нравится. Хотя сам я так жить, конечно, не смог бы.

На мой взгляд, до сих пор он неплохо справлялся, но спорить не хотелось.

— Да, тебе надоело бы здесь через неделю, — покивал я. — К тому же от солнца бывает рак кожи, а от вина — цирроз печени. И даже если и не заболеешь, как ты сможешь жить без театра? И чем станешь заниматься целый день?

Он бросил на меня ленивый косой взгляд и опустил на глаза черные очки:

— Вот именно.

Мы уже знали программу наизусть:

Разве вы не скучаете по своим друзьям?

Нет. Они приезжают сюда, и мы видимся.

Разве вы не скучаете по английскому телевидению?

Нет.

Но хоть о чем-то английском вы скучаете?

О джеме.

А потом они полушутя-полусерьезно задавали главный вопрос: а чем вы занимаетесь целый день? Наш парижский друг сформулировал его немного иначе:

— А вам здесь не скучно?

Нет, нам не было скучно. У нас просто не оставалось на это времени. Нам было интересно и весело наблюдать за французской деревенской жизнью и каждый день делать маленькие открытия. Нам нравилось постепенно переделывать дом в соответствии со своими вкусами. И нам еще предстояло продумать и посадить сад, устроить площадку для игры в *boules*, освоить чужой язык и исследовать массу новых деревень, виноградников и рынков. Нам не хватало бы времени на все это, даже если бы никто нас не отвлекал, а отвлекали нас постоянно. На прошлой неделе, например, это происходило особенно часто.

Все началось в понедельник с неожиданного визита очень сердитого Марсея Посылки, нашего почтальона. Он желал знать, куда я подевал свой почтовый ящик. Скоро полдень, и у него еще куча работы, и как он успеет доставить письма, если каждый почтовый ящик станет играть с ним в *cache-cache*?^[84] Но я точно знал, что не прятал почтового ящика. Последний раз, когда я его видел, он был надежно прибит к металлическому столбику у поворота на нашу дорожку.

— *Non*, — твердо сказал почтальон, — его там нет.

Мы с ним вместе отправились к концу дорожки и пять минут безрезультатно искали почтовый ящик в кустах. От него не осталось никакого следа, кроме маленького отверстия в земле в том месте, где торчал столбик.

— *Voilà*, — сказал почтальон. — Я же говорил. — Я никак не мог поверить, что кому-то понадобилось красть мой почтовый ящик, но Марсель считал иначе. — Обычное дело, — сказал он. — Здесь кругом полно *malfini*. — Я спросил, кто это такие, и он перевел: — Чокнутых.

Мы вернулись в дом, чтобы выпить по стаканчику для поднятия настроения и обсудить установку нового почтового ящика, который Марсель готов был мне продать. Мы согласились, что ящик следует прикрепить к стенке старого колодца на установленной правилами высоте — семьдесят сантиметров, чтобы почтальон мог бросать в него письма, не

вылезая из фургона. Понятно, что колодец требовалось предварительно осмотреть и сделать соответствующие замеры. А потом наступило время ланча, и до двух часов никакая почта никому уже не доставлялась.

Пару дней спустя я вышел из дома, чтобы проверить, что за автомобиль так отчаянно гудит у крыльца, и обнаружил, что наши собаки взяли в окружение белый «мерседес». Выйти из машины хозяин не решался, но все-таки рискнул немного приоткрыть окно. Я заглянул в него и обнаружил маленькую смуглую пару, нервно улыбающуюся мне. Они похвалили наших псов за свирепость и попросили разрешения выйти. Оба были одеты по-городскому: мужчина — в костюме с сильно приталенным пиджаком, а его жена — в шляпу, плащ и лакированные туфли.

Как удачно, что я оказался дома, порадовались они, и до чего же красивое у нас тут местечко. Я давно здесь живу? Недавно? Ну, значит, мне очень кстати придутся настоящие восточные ковры. Мне удивительно повезло: они как раз возвращаются с выставки ковров в Авиньоне и у них совершенно случайно осталось несколько непроданных экземпляров. Вообще-то они везут их в Париж, где люди со вкусом непременно передерутся из-за них, но по дороге решили прокатиться по Провансу, и, видимо, сама Судьба привела их ко мне. Чтобы отпраздновать эту счастливую случайность, они позволяют мне приобрести что-нибудь из их лучших образцов по «очень интересным» ценам, как они выразились.

Пока маленький щеголь сообщал мне эту радостную весть, его жена проворно вытаскивала ковры из машины и артистично раскладывала их на нашей подъездной дорожке, при этом громко восхищаясь достоинствами каждого изделия: «Ах, какой красавец!», или «Вы только посмотрите, как цвета играют на солнце», или «А этот... О! Мне будет грустно расставаться с ним!». Потом, сверкая лакированными туфлями, она присоединилась к нам, и они с мужем вопросительно посмотрели на меня.

В Провансе продавцы ковров снискали себе довольно дурную репутацию, и если кого-то называют *marchand de tapis*,^[85] то надо понимать, что человек этот в лучшем случае ненадежный, а в худшем способен стянуть корсет у вашей бабушки. Еще меня предупреждали, что продавцы ковров часто подрабатывают наводчиками грабителей. А кроме того, их ковры нередко оказываются либо подделкой, либо крадеными.

Но разложенные на дорожке ковры не показались мне подделкой, а один маленький коврики даже очень понравился. Я имел неосторожность сказать об этом продавцам. Мадам взглянула на своего супруга с хорошо отрепетированным изумлением: «Невероятно! Какой верный глаз у месье! Это ведь и наш самый-самый любимый экземпляр. Но почему бы вам не

купить еще что-нибудь побольше?» Я признался, что в настоящий момент у меня нет на это денег, но эту проблему сочли просто незначительным и временным неудобством. Раз ковер мне так понравился, я вполне могу заплатить и попозже, а если буду рассчитываться наличными, то получу еще и хорошую скидку. Я еще раз взглянул на коврик. Одна из собак уже лежала на нем и негромко рычала. Мадам зашла от восторга: «Вы видите, месье? Ваш *toutou*^[86] уже выбрал его!» Я сдался. После трехминутных торгов, довольно неумелых с моей стороны, цена уменьшилась вдвое, и я пошел в дом за чековой книжкой. Под пристальными взглядами смуглой пары я выписал чек; вместо имени получателя меня попросили оставить пробел. Пообещав непременно вернуться на следующий год, они сели в свой «мерседес» и осторожно объехали наш новый ковер с уснувшей на нем собакой. Мадам улыбалась и с королевской грацией махала мне из своего коврового гнездышка. Их визит занял целое утро.

Последнее происшествие на той неделе оказалось наименее приятным. Я следил за тем, как грузовик, доставивший нам гравий, пятится задом к месту, где водитель решил его выгрузить, и вдруг увидел, как задние колеса машины проваливаются под землю. Раздался неприятный треск, а через минуту до меня донесся резкий и легко узнаваемый запах. Водитель выбрался из кабины, осмотрел место происшествия и произнес именно то слово, которое вернее всего характеризовало ситуацию: «*Merde!*» Его грузовик продавил фекальную цистерну.

— Так что сам видишь, — сказал я парижанину, — скучать нам просто некогда.

Он не ответил. Наклонившись, я снял с него темные очки, и солнце, ударившее в глаза, разбудило нашего друга.

— Что ты сказал?

МАЙ

День Первого мая начался с отличного восхода, как и положено государственному празднику, и мы решили отметить его приобщением к национальному французскому спорту. Наступило время обновить наши велосипеды.

Более серьезные и закаленные велосипедисты тренировались уже несколько недель, спасаясь от коварных весенних ветров шерстными масками и толстыми черными трико, но сейчас воздух прогрелся уже достаточно, для того чтобы изнеженные любители вроде нас могли отправиться на прогулку в шортах и футболках. Мы купили два легких и очень послушных велосипеда у джентльмена из Кавайона по имени Эдуард Кюнти — «*Vélos de Qualité!*»^[87] — и нам давно уже не терпелось присоединиться к ярким, живописным группам местных спортсменов,

грациозно и без всяких видимых усилий проносящихся мимо нашего дома. Мы считали, что после зимних пеших прогулок наши ноги достаточно натренированы для короткой десятимильной поездки до Боньё, а оттуда до Лакоста. Всего лишь легкая часовая разминка, самоуверенно решили мы, для первого раза вполне достаточно.

Сначала прогулка действительно казалась вполне легкой, хотя узкие, жесткие седла причиняли определенные неудобства и мы довольно скоро начали понимать, почему некоторые велосипедисты подкладывают под копчик сырой бифштекс. И все-таки первые две мили мы без труда скользили по дороге и безмятежно любовались пейзажем. Вишни уже зрели, виноградники, зимой напоминавшие шеренги скелетов, покрылись яркой листвой, а склоны гор издалека казались пушистыми и мягкими. Шины приятно шуршали по дороге, и время от времени ноздри улавливали аромат розмарина, лаванды или тимьяна. Это гораздо интереснее, чем прогулки пешком, решили мы, здоровее и приятнее, чем поездки на автомобиле, совсем нетрудно и во всех отношениях чудесно. Почему мы не катались на велосипедах раньше? Почему мы не катаемся на них каждый день?

Эйфория продолжалась до тех пор, пока дорога не стала подниматься вверх. Мой велосипед вдруг стал очень тяжелым. Непривычная к таким нагрузкам спина и мышцы икр ныли все сильнее, а дорога становилась все круче. Я и думать забыл о пейзаже и очень жалел, что не засунул себе в шорты бифштекс. К тому времени, когда мы достигли Боньё, нам обоим было больно дышать.

Хозяйка кафе «Клериси» стояла у входа в свое заведение, подперев руками пышные бока.

— *Mon Dieu!*^[88] — воскликнула она, увидев двух задыхающихся, побагровевших велосипедистов, практически лежащих на рулях своих машин. — Что-то рано начался в этом году Тур-де-Франс.

Она принесла нам пиво, а мы с удовольствием посидели на удобных стульях, хорошо приспособленных для человеческих задов. Лакост стал казаться гораздо дальше, чем был сначала.

Дорога к развалинам замка маркиза де Сада получилась выматывающей, очень крутой и неожиданно длинной. Мы преодолели только половину и совсем обессилили, когда сзади послышался шорох шин. Скоро нас обогнал другой велосипедист — жилистый загорелый мужчина лет шестидесяти пяти. «*Bon jour*, — весело сказал он, — *bon vélo*», — и, легко обогнав нас, скрылся из виду. Мы из последних сил продолжали крутить педали, стараясь не замечать боли в ногах и горько

жалел о выпитом пиве.

Скоро старик спустился нам навстречу, развернулся и поехал рядом. «*Courage*, — подбодрил нас он, даже не запыхавшись, — *c'est pas loin. Allez!*»^[89] Он ехал с нами до самого Лакоста, и его худые, гладко выбритые на случай падений и ссадин ноги двигались легко и ритмично, будто стальные поршни.

В изнеможении мы упали на стулья еще одного кафе, с террасы которого открывался прекрасный вид на долину. Я отказался от мысли вызвать «скорую помощь», только когда вспомнил, что большая часть обратной дороги пойдет под гору. Старик заказал мятное *frappé* и поведал нам, что уже проехал тридцать километров и собирается сделать еще двадцать до ланча. Мы поздравили его с таким отменным здоровьем. «Сейчас-то я не тот, что раньше, — посетовал он. — Когда исполнилось шестьдесят, я перестал подниматься на Монт-Венту. Теперь вот совершаю только такие легкие *promenades*». То легкое самодовольство, которое мы почувствовали, забравшись на холм, моментально испарилось.

Обратная дорога действительно оказалась легче, но все-таки домой мы вернулись потные и еле живые. На негнущихся ногах мы доковыляли до бассейна, по дороге скидывая одежду, нырнули в прохладную воду и ощутили райское блаженство. Чуть позже, лежа на солнышке с бокалом вина, мы решили, что теперь будем ездить на велосипеде регулярно. Однако прошло немало времени, прежде чем я перестал морщиться от боли при одном только взгляде на седло.

По полям, окружающим наш дом, теперь целые дни сновали люди: они пропалывали виноградники, ухаживали за вишнями, копались в песчаной почве. Все это делалось без всякой спешки. В полдень работа прерывалась на два часа, и в наступившей тишине до нас доносились только обрывки разговоров, ведущихся в тени под деревом, куда все собирались, чтобы перекусить.

Фостен большую часть времени проводил на нашей земле, появлялся со своим трактором и собакой сразу после семи и старался заканчивать работу в непосредственной близости от нашего дома — настолько близко, чтобы вовремя услышать звон бутылок и стаканов. Обычно он выпивал один стаканчик, чтобы слегка промочить горло и пообщаться, но, если дело доходило и до второго, мы знали — он задумал какой-нибудь новый шаг в развитие нашего взаимовыгодного сотрудничества. Фостен никогда не приступал к делу прямо, но предпочитал действовать осторожно.

— Вам нравятся кролики?

Я уже достаточно знал соседа, чтобы догадаться, что он имеет в виду

не нежную привязанность к ушастым домашним любимцам. Подтверждая мою догадку, Фостен выразительно похлопал себя по животу и пробормотал что-то одобрителное о паштетах и рагу. Но у кроликов имеется и один серьезный недостаток, сообщил нам Фостен, это их аппетит. У милых грызунов поистине бездонные желудки, и они поглощают пищу килограммами. Я сочувственно покивал, все еще не понимая, где интересы голодных кроликов совпадают с нашими. Фостен поднялся со стула, подошел к двери, выходящей на задний двор, и поманил меня за собой.

— Люцерна, — сказал он, указывая на две небольшие естественные террасы, заросшие травой. — Кролики ее любят. До осени можно будет снять три урожая.

Не успев основательно познакомиться с местной флорой, я всегда считал, что на этих полях произрастает какой-то особенно зловредный прованский сорняк, и уже давно собирался выдрать его. Счастье, что я этого не сделал — соседские кролики никогда не простили бы меня. Видимо опасаясь, что я его не понял, Фостен еще раз махнул стаканом в направлении террас и повторил:

— Кролики любят люцерну. — Для убедительности он даже немного пожевал.

Я заверил его, что он может забрать себе столько травы, сколько его кролики в состоянии съесть, и Фостен сразу же прекратил жевать.

— *Воп.*^[90] Если вы уверены, что она вам не нужна...

Успешно завершив свою миссию, он двинулся к трактору.

Обычно Фостен довольно медлителен, но его благодарность никогда не заставляла себя ждать. Уже на следующий вечер он явился к нам с огромным букетом спаржи, перевязанным красно-бело-синей ленточкой. Анриетта шла следом и несла мотыгу, моток бечевки и таз, наполненный ростками лаванды. Их следовало посадить уже давно, объяснила она нам, но ее кузина только сейчас принесла рассаду с Нижних Альп. Надо пристроить их в землю немедленно.

Нам с женой показалось, что обязанности распределились довольно неравномерно: Фостен натягивал бечевку и прихлебывал *pastis*, а Анриетта, размахивая мотыгой, выкапывала ямки на расстоянии рукоятки одна от другой. Предложенную нами помощь она решительно отвергла.

— Она привыкла, — с гордостью сказал Фостен, любуясь тем, как его жена в быстро сгущающихся сумерках размахивает мотыгой, отмеряет расстояние и сажает ростки.

Анриетта засмеялась:

— Помашешь так восемь часов, зато потом спишь будто младенец.

Через полчаса все было сделано: пятьдесят крошечных ростков безупречно симметричной каймой обрамляли фабрику кроличьего корма; через полгода они превратятся в пушистые кустики размером с ежей, через два года — в бордюр высотой по колено.

Прежнее обеденное меню было забыто — в тот вечер мы ели спаржу. Ее хватило еще на несколько дней: пучок был таким огромным, что я едва мог обхватить его руками, а на патриотичной трехцветной ленточке красовались имя и адрес Фосгена. Он объяснил, что во Франции существует закон, согласно которому производитель должен обозначать себя таким образом, и мы стали с нетерпением ждать того дня, когда подрастет наша собственная спаржа и мы тоже обзаведемся именными ленточками.

Ростки были толстенькими, нежными, с изящным узором на кончиках. Мы ели их теплыми, щедро полив растопленным сливочным маслом. Еще мы ели хлеб, испеченный днем в старой *boulangerie*^[91] в Люмьере. И запивали все легким красным вином из винограда, выращенного в нашей долине. Каждым глотком мы поддерживали местного производителя.

Через открытую дверь доносились кваканье знакомой лягушки и длинная нежная песня соловья. Последний бокал вина мы допивали на улице, любуясь луной и новым лавандовым бордюром. Собаки носились среди люцерны, преследуя мышь. Кролики будут хорошо питаться этим летом, и Фостен обещал, что от этого они станут еще вкуснее зимой. Мы пришли к выводу, что постепенно становимся такими же гурманами, как и французы, и вернулись в дом, чтобы доесть козий сыр, оставшийся на десерт.

Чистильщик бассейнов Бернар принес нам подарок и сам с энтузиазмом собирал его. Это было плавающее кресло, оборудованное подставкой для напитков. Оно прибыло из самого Майами, являвшегося, по мнению Бернара, столицей мировой моды на пляжные аксессуары.

— Во Франции не понимают таких вещей, — с презрением сказал он. — Некоторые компании, конечно, делают надувные матрасы, но на надувном матрасе не выпьешь. — Он затянул последний болт на каркасе и, отойдя в сторону, полюбовался на изготовленное во Флориде чудо из пенопласта, винила и алюминия. — Ну вот. Бокал вставляется в это углубление в ручке. Теперь можете отдыхать с комфортом. *C'est une merveille.*^[92] — Бернар спустил кресло на воду, стараясь, чтобы ни капли

воды не попало на его белые брюки и розовую рубашку. — А на ночь придется его убирать, — предупредил он. — К сбору вишни тут появится полным-полно цыган. Они тащат все, что плохо лежит.

Услышав о цыганах, я вспомнил, что мы уже давно собирались застраховать дом. Правда, при наличии проделанной строителями дыры в стене было мало шансов, что какая-нибудь страховая компания захочет рискнуть. Бернар, узнав, что дом до сих пор не застрахован, в ужасе снял очки. Неужели мы не знаем, что в Воклюзе количество ограблений на тысячу населения больше, чем во всей Франции, кроме Парижа, конечно? Он смотрел на меня как на сумасшедшего:

— Вы должны немедленно позаботиться о страховке. Я сегодня же пришло к вам своего приятеля. А до тех пор будьте *en garde*.^[93]

Я полагал, что Бернар немного преувеличивает, но он, похоже, был искренне убежден, что банды грабителей уже шныряют поблизости и только дожидаются момента, пока мы уйдем в деревню за хлебом, чтобы подъехать к дому в мебельном фургоне и вывезти все до нитки. Только на прошлой неделе, посетовал он, с его машины, стоящей у самого крыльца, сняли все четыре колеса. Эти люди — законченные *salauds*.^[94]

Причина, по которой мы до сих пор не застраховали наш дом и имущество, помимо простой лени, заключалась в том, что мы оба терпеть не могли страховые компании с их уклончивыми формулировками, коварными оговорками, увертливостью, бесконечными придаточными предложениями и привычкой печатать самые важные пункты договора самым мелким и неразборчивым шрифтом. Однако Бернар был прав. Не стоит так долго полагаться на удачу. Мы смирились с необходимостью провести полдня в обществе безликого человека в сером костюме, который станет требовать, чтобы мы повесили замок на холодильник.

Уже начинало темнеть, когда к нашему порогу, взметнув облако пыли, подкатила машина. В первый момент мы решили, что водитель ошибся адресом. Он был молод, покрыт загаром, хорош собою и одет словно саксофонист из семидесятых: пиджак с широченными плечами из портьерной ткани с люрексом, нежно-зеленая рубашка, широкие сверху и обтягивающие икры брюки, темно-синие замшевые туфли на толстой каучуковой подошве и полоска бирюзовых носков.

— Тьерри Фруктус. *Agent d'assurance*,^[95] — представился молодой человек.

Он вошел в дом короткими подпрыгивающими шажками, и я не удивился бы, если бы он пару раз щелкнул пальцами и затанцевал у нас в

гостиной. Еще не справившись с изумлением, я предложил страховому агенту пива, и он уселся в кресло, предоставив мне возможность вволю любоваться его шикарными носками.

— *Une belle mesong.*^[96] — Он говорил с сильным провансальским акцентом, который забавно контрастировал с его внешним видом, но тем не менее внушал доверие.

Месье Фруктус оказался деловым и очень серьезным, спросил меня, живем ли мы в доме постоянно, и объяснил, что высокий процент ограблений в Воклюзе вызван тем, что во многие дома люди приезжают лишь на время отпуска и иногда в выходные.

— Если дом стоит пустым десять месяцев в году, сами понимаете... — Он пожал широкими плечами своего пиджака. — А когда слышишь столько страшных историй, сколько мы на нашей работе, то хочется как-то себя обезопасить.

Но нас-то это, конечно, не очень касается, раз мы живем здесь постоянно. К тому же у нас есть собаки. Это очень хорошо и будет учтено при расчете страховых взносов. Они злые? Если нет, то, возможно, стоит их немного подучить. Он знает одного инструктора, который карликовых пуделей превращает в смертельное оружие.

Агент сделал несколько записей в маленьком аккуратном блокнотике и допил свое пиво. Потом мы прошли по дому. Он одобрил тяжелые деревянные ставни и старые толстые двери, но задумчиво пощелкал языком, остановившись перед маленьким окошком, размером меньше квадратного фута. Современные профессиональные взломщики, объяснил он, работают так же, как трубочисты викторианской эпохи: посылают ребенка, чтобы пролезть в отверстие, недоступное взрослым. Во Франции существует даже официально установленный минимальный размер для малолетних грабителей: двенадцать сантиметров в ширину, поэтому все отверстия уже этого размера не представляют никакой опасности. Месье Фруктус не знал, как была выведена эта цифра, но настойчиво порекомендовал нам закрыть окно решеткой и таким образом защитить свой дом от проникновения анорексичного пятилетнего шалуна.

Уже второй раз за день были упомянуты странствующие сборщики вишни — испанцы или итальянцы, работающие, по словам месье Фруктуса, за гроши, сегодня здесь — завтра там, якобы представляющие серьезную угрозу для безопасности нашего жилища. Пока они здесь, предостерег он нас, необходимо держать ухо востро. Я пообещал проявлять бдительность, как можно скорее забрать окно решеткой и провести с собаками беседу насчет злости. Удовлетворенный месье Фруктус уехал в

сторону заката под вопли Брюса Спрингстина, несущиеся из стереомагнитолы.

Таинственные сборщики вишни очень нас заинтриговали. Нам не терпелось воочию увидеть этих легендарных разбойников с ловкими и нежными пальцами. Они должны были появиться вот-вот, потому что вишни совсем созрели, и мы уже вовсю их ели. Теперь мы завтракали на маленькой террасе, выходящей на восток, в двадцати шагах от согнувшегося под тяжестью плодов дерева. Пока жена варила кофе, я собирал вишни — прохладные, сочные, почти черные, они были нашим первым утренним блюдом.

Мы поняли, что кампания по сбору вишен началась, когда однажды утром слышали звуки радио, доносящиеся из какого-то места между нашим домом и дорогой. Собаки демонстративно вздыбили шерсть на загривках и отправились на разведку, а я пошел вслед за ним, ожидая увидеть банду смуглых незнакомцев с кучей криминально настроенных детей. Густая листва скрывала тела сборщиков от талии и выше. Я видел только несколько пар разнообразных ног, балансирующих на деревянных стремянках. Потом ветки раздвинулись, и ко мне склонилось круглая, как луна, загорелая физиономия, обрамленная широкими полями соломенной шляпы.

Это был Фостен, и он протягивал мне палец с висящей на нем парой ягод. Они с Анриеттой и целой кучей родственников решили собирать вишни самостоятельно, потому что приезжие сборщики, по словам Фосгена, заломили несусветные цены. Некоторые из них обнаглели настолько, что требовали по пять франков за кило. Можете себе такое представить?! Я попытался: тяжелый десятичасовой рабочий день, проведенный в попытках балансировать на неустойчивой стремянке и в борьбе со злыми фруктовыми мухами; ночной отдых в старом амбаре или в кузове грузовика — честно говоря, пять франков за килограмм не показались мне слишком щедрой платой за все эти мучения. Но Фостен негодовал. Это грабеж среди бела дня, утверждал он, *mais enfin*,^[97] чего еще и ждать от сборщиков вишен? Он рассчитывал отправить не меньше двух тонн на фабрику в Апте, занимающуюся изготовлением джемов, и теперь все доходы останутся в семье.

На несколько дней все вишневые сады в округе заполнились сборщиками, и как-то вечером я остановился, чтобы подвезти двух из них в Боньё. Это были студенты из Австралии, докрасна обгоревшие на солнце и покрытые пятнами вишневого сока. Всю дорогу они жаловались на усталость, длинный рабочий день, скуку и скупость французских крестьян.

— Ну, по крайней мере, вы посмотрели Францию.

— Францию?! — возмутился один из них. — Все, что я видел, — это листья, ветки и вишни.

Они возвращались в Австралию, не увозя с собой приятных воспоминаний о времени, проведенном в Провансе. Им нисколько не понравились местные жители. Они с большим подозрением относились к провансальской кухне, а от здешнего пива у них начался понос. Они совсем не восхищались видами, потому что по австралийским меркам тут не хватало простора. Парни никак не могли поверить, что я добровольно согласился здесь поселиться. Я пытался объяснить им, что привлекает нас во Франции, но мы как будто говорили о двух разных странах. Я посадил их у кафе, в котором они, несомненно, проведут вечер в тоске о родине. Это были единственные грустные австралийцы, каких я встречал в своей жизни, и меня немного расстроило, что место, которое мы так любим, вызывает у кого-то столь сильное отвращение.

Развеселил меня Бернар. Я завез в его офис в Боньё перевод письма, полученного им от одного английского клиента, и он смеялся, пока открывал мне дверь.

Его друга, а нашего архитектора Кристиана только что попросили обновить интерьер борделя в Кавайоне. *Naturellement*, при этом был выдвинут ряд весьма специфических требований: особое значение, в частности, придавалось местоположению зеркал. Кроме того, в спальнях требовалось установить некоторые устройства, которых не встретишь в приличных домах. К биде предъявлялись самые высокие требования, потому что им предстояло работать круглосуточно. Я представил себе, как месье Меникуччи и *jeune* закручивают свои болты и гайки, пока торговые агенты из Лилля гоняются по коридорам за полуодетыми дамами. Представил, как наш штукатур Рамон, большой женолюб, судя по блеску в глазах, пытается выравнять стены в окружении всех этих жриц наслаждения. Скорее всего он останется там до конца жизни. Чудесная перспектива.

Но, к сожалению, сказал Бернар, хоть его друг и увлекся поначалу столь интересной архитектурной задачей, в конце концов вынужден был отклонить предложение, поскольку, как выяснилось, Мадам не собиралась прерывать работу своего заведения на время ремонта, и Кристиан не рискнул подвергать своих рабочих подобным соблазнам. Кроме того, хозяйка борделя категорически отказывалась платить TVA, мотивируя это тем, что она-то ведь не берет со своих клиентов налог с продаж, так почему же ее заставляют его платить? Закончится все наверняка тем, что она

наймет пару халтурщиков, которые работают быстро и топорно, что навсегда лишит кавайонский бордель шанса попасть на страницы архитектурного журнала. Мы с Бернаром искренне сожалели об этом.

Постепенно мы начинали понимать, каково это — постоянно принимать в своем доме гостей. Передовой отряд прибыл на Пасху, а дальше все время было расписано вплоть до конца октября. Полузабытые приглашения, неосторожно сделанные где-нибудь в середине января, вдруг всплывали, напоминая о себе телефонным звонком, а вскоре веселая компания уже являлась к нам, чтобы жить, есть, пить и загорать. Девушка, принимавшая белье в прачечной, вероятно, считала, что мы содержим небольшой отель, а нам все чаще вспоминались предостережения опытных людей, обосновавшихся в Провансе гораздо раньше нас.

Уже позже мы поняли, что самые первые визитеры оказались и самыми лучшими: с ними у нас почти не было проблем, точно они окончили специальные курсы поведения в гостях. Они взяли напрокат машину, и нам не пришлось возить их повсюду. Они сами развлекали себя весь день и только обедали вместе с нами. Они уехали именно тогда, когда обещали. Если все остальные будут похожи на них, решили мы, лето получится не таким уж кошмарным.

Главное неудобство, как мы довольно скоро поняли, состояло в том, что все наши гости были на отдыхе, а мы — нет. Мы вставали в семь. Они валялись в постелях до десяти или одиннадцати и иногда заканчивали завтрак как раз в то время, когда следовало садиться за ланч. Они загорали, пока мы работали. Вздремнув перед обедом, они просыпались бодрыми и жаждали светских развлечений, а мы за столом клевали носом, иногда попадая в салат. Моя жена, неисправимо гостеприимная от рождения, жила в постоянном страхе, что кто-нибудь останется голодным, и целые дни проводила у плиты, а мыть посуду мы заканчивали только поздно ночью.

Воскресенья заметно отличались от остальных дней недели. Все наши гости непременно желали посетить один из воскресных рынков, а для этого надо было рано встать. Наши режимы на этот раз совпадали. Немного опухшие и непривычно тихие, они дремали на заднем сиденье все двадцать минут, что мы ехали до кафе в Иль-сюр-ля-Сорг, где решили позавтракать.

Я остановил машину у моста и разбудил наших друзей. Вчера они неохотно прервали веселье и отправились в постель только в два часа ночи, и сейчас при ярком свете утра не на шутку страдали от похмелья. Спрятавшись за темными очками, они как в спасательный круг вцепились в большие кружки *café crème*.^[98] В темном углу бара жандарм тайком

опрокидывал утренний стаканчик *pastis*. Человек, торговавший лотерейными билетами, сулил моментальное обогащение каждому, кто замедлял шаг у его столика. Два шофера с синими, похожими на наждачную бумагу подбородками, оголодавшие после проведенной за рулем ночи, жадно поглощали бифштексы с картошкой фри и громко требовали принести еще вина. Через распахнутую дверь в кафе проникал свежий запах реки, а утки, рассекающие ее поверхность, ждали, пока с террасы кто-нибудь кинет им кусочек булки.

Для того чтобы попасть на главную площадь, нам пришлось пройти сквозь строй смуглых цыганок в обтягивающих черных юбках. Они торговали лимонами и длинными косичками чеснока и шипели друг на друга, состязаясь за клиентов. Прилавки, установленные вдоль улицы, были завалены товаром так, что грозили вот-вот обрушиться. Здесь торговали серебряными украшениями и по соседству с ними — высушенной соленой треской, блестящими от масла оливками в деревянных бочках и сплетенными вручную корзинами, корицей, шафраном и ванилью, похожей на облако гипсофилой, щенками неопределенной породы, барахтающимися в картонной коробке, футболками ядовитых цветов с портретами Джонни Халлидея, нежно-розовыми бюстгальтерами и корсетами героических размеров, деревенским хлебом с шершавой корочкой и горшочками с террином.

Тут и там в толпе мелькали иссиня-черные тощие сенегальцы, обвешанные произведенными в Испании талисманами из «настоящей африканской кожи» и электронными часами. Откуда-то раздалась оглушительная барабанная дробь. Человек в конусообразной шляпе с обрезанной верхушкой, сопровождаемый псом, одетым в красный фрак, покрутил регулятор на микрофоне и прибавил децибел, что было уже совершенно лишним. Еще раз прогрохотали барабаны, а вслед за тем раздался непереносимый для слуха вопль: «*Prix choc!*^[99] Баранина из Систерона! Колбасы! Субпродукты! Спешите в мясную лавку Крассарда на рю Карно. *Prix choc!*» Он еще что-то сделал с громкоговорителем и заглянул в добытый из кармана листок. Обязанностью этого человека было оповещать жителей и гостей города обо всем — от репертуара местных кинотеатров до дней рождения и юбилеев, что он и делал, щедро сопровождая все объявления звуковыми эффектами. Я бы с удовольствием познакомил его с Тони из рекламного агентства: им бы нашлось, о чем поговорить.

Три алжирца с морщинистыми, коричневыми лицами сплетничали о чем-то на солнышке, держа за ноги свой будущий ланч. У свисающих

головой вниз цыплят был обреченный вид, словно они уже знали, что часы их сочтены. Всюду, куда ни падал взгляд, мы видели жующих людей. Торговцы наперебой предлагали бесплатные образцы своего товара: ломтики горячей пиццы, розовые кружочки ветчины, колбаски, посыпанные травами, специями и толченым зеленым перцем, маленькие кубики нуги. Наверное, именно таким представляют себе преисподнюю поклонники диет. Наши друзья начали задавать наводящие вопросы о ланче.

До ланча было еще далеко, и перед ним нам еще предстояло исследовать ту часть рынка, где продавались несъедобные товары. Там хозяйничали *brocanteurs*^[100] со своими коллекциями, которые они, как сороки, собирали по чердакам всего Прованса. Иль-сюр-ля-Сорг уже давно известен как город антикваров и старьевщиков. Рядом с вокзалом там имеется огромный пакгауз с постоянными торговыми местами, где можно отыскать практически все. Но утро выдалось слишком солнечным, для того чтобы проводить его в темном и мрачном сарае, и поэтому мы решили пройти вдоль аллеи платанов, где продавцы *haut bric-à-brac*,^[101] как они сами себя называют, разложили свой товар на столах, стульях, прямо на земле или развесили его на гвоздиках, вбитых в стволы деревьев.

Выцветшие открытки и старые льняные сорочки соседствовали здесь с разрозненными столовыми приборами и потрескавшимися эмалевыми табличками с рекламой слабительного или помады для непокорных усов. Тут же ждали своего покупателя чугунные утюги, фаянсовые ночные вазы, пепельницы с эмблемами уже несуществующих кафе, броши эпохи ар-деко, пожелтевшие сборники стихов и неизбежный стул в стиле Людовика XIV в идеальном состоянии, если не считать отсутствующей ножки. Чем ближе время подходило к полудню, тем ниже делались цены, и вот тут-то и начиналась настоящая торговля. В нее с энтузиазмом вступила и моя жена, достигшая в этом искусстве определенных высот. Она уже полчаса описывал круги вокруг небольшого гипсового бюста Делакура, сделала несколько заходов и уже сбила цену до семидесяти пяти франков, но решилась на еще одну попытку.

— Последний раз спрашиваю: сколько вы все-таки за него хотите?

— Мадам, я уже давно хочу за него сто франков, но, раз уж дело идет к ланчу, отдаю за пятьдесят.

Мы устроили Делакура у заднего стекла, чтобы он мог смотреть на дорогу, и вместе со всей Францией устремились навстречу гастрономическим радостям.

Одно из качеств, неизменно восхищающее нас во французах, — это их готовность поддержать талантливого повара, как бы далеко ни находилась его кухня. Качество блюд для них важнее личных удобств, и ради того, чтобы хорошо поесть, они безропотно едут час и даже больше, исходя по дороге слюной. Таким образом, хороший кулинар имеет шанс преуспеть, даже если судьба забросит его в самое неподходящее место. Ресторан, в который мы сейчас направлялись, находился в такой дыре, что первый раз, чтобы отыскать его, нам потребовалась карта.

Букс настолько мал, что его трудно назвать даже деревней. Там имеются старинное здание мэрии, вполне современная телефонная будка, пятнадцать или двадцать живописно разбросанных домов и ресторан «Оберж-де-ля-Луб», приютившийся на склоне холма, откуда открывается вид на пустынную долину внизу. Зимой мы долго искали его и, забираясь все дальше и дальше в глушь, уже начали сомневаться, не закралась ли в карту ошибка. Тогда мы оказались единственными клиентами, ледяной ветер ломился в окна, и нас усадили прямо перед огромным камином, в котором горело здоровенное полено.

В жаркий майский полдень картина оказалась совершенно иной. Свернув с главной дороги, мы обнаружили, что на маленькой парковке у ресторана почти не осталось свободных мест, причем половина их была занята тремя лошадьми, привязанными к бамперу древнего «ситроена». Хозяйский кот, картинно развалясь на нагретой солнцем черепичной крыше, с интересом наблюдал за несколькими курицами, гуляющими по соседнему полю. Столы и стулья были расставлены вдоль стены старого амбара, и мы ясно слышали доносящийся из кухни перестук кусочков льда, высыпаемых в ведерко.

Шеф-повар Морис вышел нам навстречу с четырьмя бокалами «шампанского с персиками» и пригласил в амбар полюбоваться своим новым приобретением — большим открытым экипажем с деревянными колесами и скрипучими кожаными сиденьями. Морис собирался устраивать на нем экскурсии по Люберону и по дороге, *bien sûr*,^[102] завозить туристов в свой ресторан, чтобы перекусить. Как нам эта идея? А мы сами хотели бы поехать? Ну конечно, хотели бы! Он застенчиво улыбнулся и поспешил обратно к плите.

Морис был поваром-самоучкой, совершенно лишенным честолюбивого желания прославиться на всю Францию. Все, чего он хотел, — это зарабатывать достаточно, для того чтобы жить в долине и содержать нескольких лошадей. Своим успехом его ресторан был обязан простой, недорогой и вкусной пище, а не полетам гастрономической

фантазии, которые сам Морис называл «*cuisine snob*». ^[103]

Морис предлагал своим клиентам только один вариант ланча за сто десять франков. Девчушка, помогавшая в зале по воскресеньям, принесла большой плетеный поднос и поставила его в центр стола. Мы насчитали четырнадцать видов *hors d'oeuvres*, ^[104] артишоки, крошечные сардинки, зажаренные в сливочном масле, ароматный *tabouleh*, ^[105] соленая треска под белым соусом, маринованные грибы, кальмары, *tapenade*, маленькие луковички в свежем томатном соусе, сельдерей и турецкий горох, редис и помидоры-черри, холодные мидии. Поверх всего этого богатства были наложены толстые куски паштета, маринованные корнишоны, блюдечки с оливками, холодные жареные перцы и хлеб с хрустящей коричневой корочкой. В ведерке со льдом охлаждалось белое вино, бутылку красного Шатонеф-дю-Пап открыли и поставили в тень «подышать».

Все остальные клиенты, французы из соседних деревень, оделись ради воскресного дня в чистые «парадные» костюмы, и две приезжие пары в яркой и дорогой одежде казались на их фоне экзотическими чужаками. Три поколения одного семейства, занявшие большой стол в углу, с верхом наполнили свои тарелки и пожелали друг другу *bon appétit*. Шестилетний малыш, демонстрируя несомненные задатки будущего гурмана, заявил, что этот паштет нравится ему гораздо больше, чем тот, что готовят дома, и осведомился у бабушки о вкусе вина. У его стула сидела пришедшая с семейством собака, как и все собаки отлично знающая, что дети роняют на пол больше еды, чем взрослые.

Мы отдали должное закускам, и нам принесли горячее: розовые ломтики баранины, приготовленной с целыми головками чеснока, и гарнир из зеленой фасоли и золотистых картофельных *galette*. ^[106] К мясу по бокалам разлили Шатонеф-дю-Пап — темное и крепкое вино «с плечами», как выразился Морис. Мы без особого сожаления распростились с мечтой об активном отдыхе и начали тянуть спички, чтобы решить, кому достанется плавучее кресло Бернара.

Потом подали сыр из Банона — влажный, обернутый в виноградные листья, и, наконец, десерт, на самом деле объединивший три десерта: лимонное *sorbet*, шоколадный торт и *crème anglaise* ^[107] — все в одной тарелке. Кофе. Стаканчик *mars* из Жигонды. Счастливый, удовлетворенный вздох. Где еще в мире, восхищались наши друзья, можно так вкусно поесть в такой расслабленной и непринужденной обстановке? Может, только в Италии, но более — нигде. Они привыкли к лондонским ресторанам с их дизайнерскими интерьерами, претенциозной пищей и

головокружительными ценами. Тарелка пасты в Мейфэре, жаловались они, стоит больше, чем весь наш ланч. Ну почему в Лондоне невозможно поесть вкусно и дешево? Исполненные послеобеденной мудростью, мы пришли к выводу, что, поскольку англичане ходят по ресторанам гораздо реже, чем французы, они желают, чтобы их не только насытили, но и впечатлили: чтобы вино приносили в плетеной корзиночке, чтобы подавались миски для полоскания пальцев, чтобы меню длиной напоминало небольшой роман, а счетом можно было хвастаться перед знакомыми.

К нам подошел Морис и спросил, как нам понравилось у него в ресторане. Он присел за наш столик и на листке бумаги в столбик сложил несколько цифр. «*La douloureuse*», [\[108\]](#) — вздохнул он, пододвигая бумажку ко мне. С нас причиталось шестьсот пятьдесят франков — во столько в Англии обошелся бы ланч на двоих. Один из наших друзей спросил Мориса, не подумывал ли он о том, чтобы перебраться в какое-нибудь место пооживленнее: в Авиньон или даже в Менерб. Тот покачал головой: «Мне и здесь хорошо». Он добавил, что рассчитывает проработать здесь еще по крайней мере лет двадцать пять, а мы выразили надежду, что и тогда у нас хватит сил доковылять сюда и отведать его замечательных блюд.

На обратном пути мы заметили, что сытная пища и воскресный отдых благотворным образом влияют на темперамент французского водителя. С полным желудком он едет не торопясь, глазет по сторонам и даже не пытается пойти на обгон на слепых поворотах. Он останавливается, чтобы подышать и облегчиться в придорожных кустах, на пару минут сливаясь с природой и приветливо кивая проезжающим мимо. Завтра он снова превратится в камикадзе, но сегодня воскресенье, мы в Провансе, и надо наслаждаться жизнью.

ИЮНЬ

Местный рекламный бизнес переживал самый настоящий бум. Любая машина, припаркованная у рынка больше чем на пять минут, становилась мишенью для рекламных агентов и скоро скрывалась под ворохом маленьких афиш и листовок. Каждый раз, возвращаясь к своему автомобилю, мы узнавали о множестве грядущих развлечений, аттракционов, тотальных распродаж, небывалых скидок и всяких экзотических услуг.

В Кавайоне должен был состояться конкурс аккордеонистов. Супермаркет объявлял *Opération Porc*,^[109] во время которой можно будет приобрести любую часть туши по ценам ниже ваших самых смелых ожиданий! В июне нас ожидали чемпионаты по игре в *boules* и *bals dansants*,^[110] велосипедные гонки и выставки собак, передвижные дискотеки с настоящими диск-жокеями, фейерверки и органные концерты. Некая мадам Флориан, гадалка и ясновидящая, так верила в свои

сверхъестественные способности, что предлагала гарантию после каждого сеанса. Встречалось немало объявлений и от девушек-тружениц: от Евы, уверяющей, что она «прелестное существо, раскованное и чувственное», до мадемуазель Роз, обещавшей удовлетворить ваши самые смелые фантазии по телефону — услуга, как она не без гордости сообщала, запрещенная в Марселе. А как-то раз под щеткой на ветровом стекле мы нашли торопливое, коротенькое сообщение, авторам которого нужны были не наши деньги, а кровь.

Смазанная, отпечатанная на ксероксе листовка рассказывала историю маленького мальчика, который дожидался операции в Америке, а чтобы дожить до нее нуждался в постоянных переливаниях крови. «*Venez nombreux et vite*», [\[111\]](#) — призывала листовка. Добровольцев ждали на следующий день в здании мэрии с восьми утра.

В половине девятого, когда мы приехали, зал был уже полон. Вдоль стены стоял десяток кроватей, и на каждой уже лежал донор. Мы видели только их задранные ноги, но и по ним было понятно, что здесь присутствуют представители почти всех слоев местного населения, легко различимые по обуви: молодые городские дамы явились на высоких каблуках, продавцы — в удобных босоножках и сандалиях, крестьяне — в коротких брезентовых сапогах, а их жены — в ковровых тапочках. Женщины постарше одной рукой крепко прижимали к груди кошелки, а другую энергично сжимали и разжимали, чтобы скорее наполнить пластиковый мешочек, при этом велись громогласные споры о том, чья кровь краснее, гуще и питательнее.

Сначала требовалось сдать анализ крови, и мы встали в очередь за крепко сбитым стариком с красным в прожилках носом, одетым в рабочий комбинезон и потрепанную фуражку. Он с интересом наблюдал за тем, как медсестра безуспешно пытается проколоть загрубевшую кожу на подушечке его большого пальца.

— Может, сбегать за мясником? — веселился старик.

Сестра размахнулась и еще раз попыталась вонзить в него иголку:

— *Merde!*

Наконец на подушечке выступила алая капля. Сестра поймала ее в пробирку, добавила туда какой-то жидкости и энергично потрясла, а потом с возмущением взглянула на донора.

— На чем вы сюда приехали?

Он вынул изо рта проколотый палец:

— На велосипеде, на чем же еще? Из самого Лез-Эмберта.

Сестра потянула носом.

— Странно, что вы с него не свалились. — Она еще раз взглянула на пробирку. — Вы же совершенно пьяны.

— Быть такого не может, — удивился старик. — Ну, я выпил немного красного винца за завтраком, *comme d'habitude*,^[112] но это ж ерунда. А к тому же, — он потряс проколотым пальцем у сестры перед носом, — небольшие дозы алкоголя только улучшают кровь.

Ему так и не удалось убедить сестру. Она прогнала его, велев позавтракать снова, на этот раз с кофе, а не с вином, и возвращаться ближе к полудню. Он удалился, ворча и гордо подняв пострадавший палец кверху, будто боевое знамя.

Нас тоже прокололи, признали трезвыми и уложили на кровати. Вены воткнули прозрачные трубки и опустили их в пластиковые мешочки. Мы старательно разжимали и сжимали кулаки. В зале стоял веселый гул и царило приподнятое настроение. Те, кто до этого был едва знаком друг с другом, разговаривали как старые друзья, что часто случается, когда люди сообща делают доброе дело. Возможно, некоторое оживление в атмосферу вносил и бар, расположенный вдоль дальней стены.

В Англии в награду за сданную кровь вы получаете чашку чая и печеньице. Но в Провансе, освободив от прозрачных трубок, нас подвели к длинному столу, вокруг которого суетились добровольные официанты. Чего желаете? Кофе, шоколад, круассаны, бриоши, бутерброды с ветчиной или чесночной колбасой, стакан розового или красного вина? Ешьте! Пейте! Восполняйте пожертвованные кровяные тельца! Побалуйте свой желудок! Молодой медбрат энергично работал штопором, а доктор в длинном белом халате пожелал нам всем *bon appétit*. Судя по числу скопившихся в углу пустых бутылок, на призыв о помощи откликнулась половина населения окрестных деревень.

Через некоторое время мы получили по почте номер «*Le Globule*»,^[113] официального журнала французских доноров. В нем сообщалось, что в то утро были собраны сотни литров крови, хотя, по-видимому ради сохранения врачебной тайны, ничего не говорилось о том, сколько литров вина было выпито.

Наш приятель, юрист из Лондона, ревнитель пресловутой английской сдержанности, сидя на террасе кафе «Фэн-де-сьекль» в Кавайоне, наблюдал за тем, что сам он называл «лягушачьими ужимками». День был рыночным, и по тротуару тек непрерывный поток хаотично движущихся, останавливающихся и толкающихся людей.

— Посмотри вон туда. — Мой приятель указал на остановившуюся посреди улицы машину, водитель которой вылез ради того, чтобы обнять своего знакомого. — Они постоянно тискают друг друга. Черт знает что! Мужчины целуются! Отвратительная и нездоровая привычка. — Он сердито фыркнул в свое пиво. Столь дикое поведение оскорбляло врожденное чувство приличия, присущее всей чопорной англосаксонской расе.

Мне самому потребовалось несколько месяцев для того, чтобы свыкнуться с любовью провансальцев к разного рода физическим контактам. Как и любой человек, выросший в Англии, я с детства впитал в себя некоторые принятые в обществе правила поведения: держаться от собеседника подальше, ограничиваться кивком вместо рукопожатия, целовать при встрече только состоящих со мной в родстве особ женского пола и не демонстрировать публично свою привязанность ни к кому, за исключением собаки. Провансальская приветливость, выражающаяся, в частности, в том, что тебя ощупывают так же тщательно, как на контроле в аэропорту, сначала пугала меня. Позже я научился получать от нее удовольствие и всерьез увлекся изучением языка жестов, неизменно сопровождающих общение провансальцев.

Когда встречаются два хоть немного знакомых между собой человека, они обязаны по меньшей мере обменяться рукопожатием. Если руки чем-то заняты, вам предложат для пожатия мизинец. Если они мокрые или грязные — локоть или плечо. Нахождение за рулем автомобиля или велосипеда не освобождает вас от обязанности *toucher les cinq sardines*,^[114] и на дорогах то и дело возникают аварийные ситуации, когда, высунувшись из окна машины или перегнувшись через руль, водители трясут чью-нибудь руку. И это только при шапочном или официальном знакомстве! Более близкие отношения требуют и более явных проявлений радости при встрече.

Как правильно заметил наш приятель-юрист, мужчины целуются с мужчинами. Они не только целуются, но и хлопают друг друга по спине, хватают за плечи, бьют по почкам и щиплют за щеки. Чем сильнее ваш знакомый провансалец радуется, увидев вас, тем больше у вас шансов заработать синяки в его объятиях.

При общении с женщинами риск получить травму не так велик, но зато в этом случае вы можете совершить непростительный промах, неправильно рассчитав количество поцелуев.

В те дни, когда я делал первые шаги в постижении всех этих светских премудростей, мне нередко случалось чмокнуть какую-нибудь знакомую даму в одну щеку и, уже выпрямившись, обнаружить, что она подставляет

мне вторую. Только снобы целуются по одному разу, объяснили мне, ну и еще чудаки, замороженные от рождения. Потом мне показалось, что я освоил правильный ритуал — троекратный поцелуй: левая щека — правая — опять левая. Я испробовал его на знакомой парижанке и снова ошибся. Только провинциалы целуются трижды, заявила она, цивилизованным людям вполне достаточно двух раз. На следующий день, повстречав жену соседа, я приложился к ее щекам дважды. «Нет, три раза», — потребовала она.

В конце концов я нашел выход: надо пристально следить за движениями женской головы. Если после двух поцелуев она замирает, я почти уверен, что положенная квота выбрана, но на всякий случай еще некоторое время не выпрямляюсь, чтобы не попасть впросак.

Моей жене приходилось еще труднее, ибо она являлась принимающей поцелуи стороной и сама должна была определять, сколько раз подставлять щеку и подставлять ли ее вообще. Как-то утром, спеша в булочную, она услышала у себя за спиной крик, обернулась и увидела, что к ней несется наш штукатур Рамон. Приблизившись, он остановился и демонстративно вытер руки о штаны. Жена решила, что он желает обменяться рукопожатием, но, даже не взглянув на протянутую руку, Рамон с большим жаром троекратно расцеловал ее. Ну как тут угадаешь?

Когда с поцелуями покончено, можно приступать к беседе. Корзинки и сумки ставятся на землю, собаки привязываются к столикам кафе, велосипеды и орудия труда прислоняются к ближайшей стене. Все это совершенно необходимо, потому что ни один серьезный разговор невозможен без использования обеих рук: с их помощью обозначается конец предложения, ставится ударение, добавляется подтекст, и, наконец, они просто украшают речь, которая без жестов оставалась бы только скучным шевелением губами, что, разумеется, не может удовлетворить ни одного провансальца. Благодаря разнообразным взмахам рук и бесконечно выразительным движениям плеч за беседой двух местных жителей можно следить издали и, не слыша ни слова, легко, понимать, о чем идет речь.

Существует вполне определенный и хорошо разработанный язык тела, с которым нас в свое время познакомили наши строители. Один из самых популярных жестов — колебание руки в вертикальной плоскости — в их исполнении означал что-то вроде пункта об ограничении ответственности, когда речь шла о деньгах или сроках, но на самом деле он имеет еще множество значений. С его помощью можно описать состояние своего здоровья, отношения с тещей, проблемы на работе, выразить мнение о ресторане или дать прогноз относительно будущего урожая дынь. Когда

обсуждаемая тема не особенно волнует говорящего, колебания кисти едва заметны и, как правило, сопровождаются презрительным подъемом бровей, но если речь заходит о чем-нибудь важном — о политике, странном покаянии в печени или о шансах местного гонщика на победу в Тур-де-Франс, — они становятся гораздо более энергичными. Взмахи рукой в этом случае сопровождаются легким колебанием верхней части туловища и выражением хмурой сосредоточенности на лице.

Во время споров и нотаций активнее всего используется указательный палец, установленный в одно из трех основных положений. Неподвижный, жесткий и задранный вертикально кверху прямо под носом у собеседника, он будто говорит: внимание! осторожно! все совсем не так, как вы думаете. Если быстро потрясти этим пальцем из стороны в сторону так, что он становится похожим на взбесившийся метроном, это будет означать, что ваш оппонент совершенно неправ и скорее всего плохо информирован. Для того чтобы высказать правильное мнение, палец следует перевести в горизонтальное положение и несколько раз ткнуть им в грудь заблуждающегося, если это мужчина, или остановить его в нескольких миллиметрах от груди, если вы разговариваете с женщиной.

Для того чтобы сообщить, что вам надо уходить, необходимы обе руки: правая двигается вниз, левая — вверх и на полпути ударяет в ладонь правой. Это более мягкий вариант известного и весьма неприличного жеста, производя который нужно пытаться согнуть левую руку в локте и одновременно препятствовать этому движению, взявшись правой за левый бицепс (прекрасные образцы этого выразительного жеста мы наблюдали во время многочисленных конфликтов, то и дело возникавших в августовских пробках).

Завершает беседу обычно обещание созвониться: три пальца прижимаются к ладони, а большой и мизинец оттопыриваются, и вся эта конструкция, изображающая телефон, подносится к уху. Затем следует прощальное рукопожатие, суета с сумками, собаками и велосипедами, а метров через пятьдесят навстречу попадает очередной знакомый, и вся история начинается сначала. Неудивительно, что аэробика так и не стала популярной в Провансе: местным жителям вполне хватает физической нагрузки, которую они получают во время десятиминутного разговора.

Наблюдая за повседневной жизнью нашей и нескольких соседних деревень, полной таких вот забавных мелочей, мы совершенно утратили вкус к новым открытиям и приключениям. Когда так много интересного происходит прямо у вашего порога, стоит ли отправляться куда-то ради осмотра достопримечательностей? Наши лондонские друзья, любители

телепередач о путешествиях, часто и с некоторой досадой напоминали нам, что от нашего дома совсем недалеко до Нима, Арля и Авиньона, до Камарга с его розовыми фламинго и до Марселя с его *bouillabaisse*. Они явно не верили, когда мы объясняли им, что у нас нет времени на поездки и к тому же мы не испытываем особого желания таскаться по соборам, фотографировать памятники и превращаться в туристов. Однако из этого правила имелось и исключение: была одна экскурсия, которую мы совершали с большим удовольствием. Нам с женой очень нравился Экс.

Сначала дорога, похожая на штопор, поднимается в гору. Она слишком узка для грузовиков и слишком извилиста для тех, кто спешит. Кроме одного-единственного фермерского дома, вокруг которого пасутся нечесанные козы, вдоль дороги нет ничего, на чем мог бы остановиться взгляд: только серые камни, зеленые дубы и удивительно чистый, прозрачный воздух. Потом по южному склону Люберона дорога спускается вниз и у подножия холма вливается в RN7 — знаменитую *Nationale Sept*^[115] — любимое шоссе гонщиков-любителей, на котором ежегодно гибнет множество водителей. Об этом лучше не вспоминать, пока, мигая поворотником, дожидаясь возможности вывернуть на трассу.

Эта дорога и ведет в Экс, в конце превращаясь в самую красивую улицу во всей Франции. Кур-Мирабо прекрасна в любое время года, но эффектнее всего она в период с весны до конца осени, когда ветки платанов, смыкаясь над головой, образуют светло-зеленый туннель длиной пятьсот метров. Мягкий, рассеянный свет, четыре фонтана, расположенные вдоль центральной линии, классические пропорции — ширина улицы согласно рекомендации да Винчи равняется высоте стоящих на ней зданий — все это создает такой цельный и гармоничный образ, что совсем не замечаешь катящихся по дороге автомобилей.

Кур-Мирабо — единственная известная мне улица, где произошло естественное географическое разделение работы и отдыха: в зданиях на ее теневой стороне располагаются банки, страховые компании, агентства юристов и продавцов недвижимости, а на солнечной — множество кафе.

Мне нравились почти все кафе, в которых мне довелось побывать во Франции, даже жалкие деревенские забегаловки, где мух больше, чем клиентов, но самую большую слабость я испытываю к заведениям, тянущимся вдоль Кур-Мирабо, и особенно — к кафе «Дю-гарсон». Несколько поколений его владельцев, видимо, предпочитали складывать деньги в чулок, а не транжирить их на никому не нужное обновление интерьера, которое во Франции обычно выражается в замене дерева на дешевый пластик и установке нелепого освещения. В результате кафе

выглядит точно так же, как выглядело и пятьдесят лет назад.

От дыма миллиона выкуренных здесь сигарет высокий потолок приобрел приятный карамельный оттенок. Бар облицован блестящей медью, столы и стулья отлично отполированы бесчисленным количеством локтей и ягодиц, а официанты носят длинные фартуки и страдают плоскостопием, как и положено настоящим официантам. Внутри сумрачно и прохладно — это отличное место, для того чтобы выпить что-нибудь в тишине и подумать. А кроме того, там имеется терраса, где постоянно происходит самый интересный спектакль.

Экс — университетский город, и, похоже, в программе его учебных заведений есть некие предметы, привлекающие массу хорошеньких студенток. Особенно много их собирается на террасе «Дю-гарсон», куда, по моему глубокому убеждению, они приходят не отдыхать, а учиться. Курс называется «Умение вести себя в кафе» и состоит из четырех основных частей.

Часть первая: *Появление*

Появляться в кафе следует как можно более заметно, желательно на алом «кавасаки 750», сидя за спиной затянутого в черную кожу молодого человека с трехдневной щетиной. Не следует, стоя на тротуаре, смотреть вслед уносящемуся прочь мотоциклу и махать рукой: так поступают только нескладные простушки из Оверни. У искушенной студентки нет времени на подобные сантименты. Она уже готовится к следующей стадии.

Часть вторая: *Вход*

Черные очки не следует снимать до тех пор, пока за одним из столиков вы не обнаружите своих знакомых. При этом ни в коем случае нельзя выглядеть так, будто вы специально ищете здесь знакомых. Напротив, у тех, кто вас видит, должно сложиться впечатление, что вы заскочили в кафе только на минуточку, для того чтобы позвонить итальянскому маркизу, своему давнему поклоннику, и вдруг — *quelle surprise!* — увидели приятелей. Пока вас уговаривают присесть, можно снять очки и отбросить волосы назад.

Часть третья: *Ритуальные поцелуи*

Каждого из сидящих за столом требуется поцеловать как минимум два раза, иногда — три, а в особых случаях — четыре.

Тот, кого в данный момент целуют, не должен подниматься с места, давая вновь прибывшей возможность наклониться над столиком с каждой стороны, несколько раз откинуть за спину волосы, вволю попутаться под ногами у официантов и вообще дать всем почувствовать свое присутствие.

Часть четвертая: *Поведение за столом*

После того как вы уселись за столик, следует опять надеть черные очки, что дает возможность незаметно для окружающих взглянуть на свое отражение в окнах кафе — не из нарциссизма, но ради того, чтобы проверить, насколько безупречно, с точки зрения техники, вы прикуриваете сигарету, пьете через соломинку Перрье *menthe*^[116] и грациозно покусываете кубик сахара. Убедившись, что все в порядке, вы можете опустить очки на самый кончик носа и обратить внимание на тех, кто сидит с вами за столиком.

Это представление продолжалось здесь с позднего утра до раннего вечера, и я всегда следил за ним с неослабевающим интересом. Возможно, иногда студенты и делали перерывы, для того чтобы сходить на лекцию, но я ни разу не видел на столиках ни одного учебника и не слышал даже обрывка разговора о высшей математике или политологии. Все то время, что я за ними наблюдал, студентки были заняты исключительно демонстрацией самих себя, и, надо сказать, Кур-Мирабо от этого только выигрывала.

Я с удовольствием провел бы в кафе целый день, но мы нечасто выбирались в Экс, и до полудня нам надо было многое успеть: купить бутылку *eau-de-vie*^[117] на рю Италии и сыры у месье Поля на рю де Марсей, посмотреть, что нового появилось в витринах модных бутиков, втиснутых, словно в насмешку, между самыми старыми и консервативными юридическими конторами на узкой улочке, параллельной Кур-Мирабо, смешаться с толпой на цветочном рынке, полюбоваться фонтаном и булыжной мостовой на маленькой и прелестной площади Альберта и после всего этого поспешить на рю Фредерик Мистраль, чтобы успеть занять столик в «Ше Гю».

Конечно, в городе имеются более просторные, красивые и знаменитые рестораны, но, с тех пор как в один дождливый день мы случайно заглянули к Гю, нас тянет сюда каждый раз, когда мы приезжаем в Экс. Сам Гю — радушный и шумный человек с невиданной величины и холести

усами, которые, вопреки законам гравитации и всем усилиям хозяина, постоянно стремятся ткнуть его в глаз, — встречает гостей и командует в зале. Его сын принимает заказы, а невидимая женщина с грозным голосом — по-видимому, мадам Гю — занимается кухней. Клиентуру ресторана составляют местные бизнесмены, девушки из соседнего бутика «Аньес Б.», хорошо одетые женщины с хозяйственными сумками и таксами на поводке и, изредка, влюбленные и явно не состоящие в законном браке парочки, которые шушукаются в углу, забыв про свой салат. Вино подается в кувшинах, хороший ланч из трех блюд стоит восемьдесят франков, и уже к половине первого все столики бывают заняты.

Как обычно, похвальное намерение поесть быстро и умеренно испарилось вместе с первым же кувшином вина, и, как обычно, мы оправдали все допущенные излишества тем, что сегодня у нас праздник. Нам не надо возвращаться на работу, и у нас нет толстых ежедневников с напоминаниями о массе неотложных дел. Удовольствие от ланча удваивалось при одной только злорадной мысли о том, что все остальные клиенты сейчас поспешат обратно в свои офисы, а мы закажем вторую чашку кофе и станем неторопливо решать, чем бы нам заняться дальше. Конечно, в Эксе можно еще многое посмотреть, но от сытной еды интерес к достопримечательностям заметно падает, а к тому же, если мы полдня протаскаем по жаре купленные у Поля сыры, на обратном пути они отомстят нам и провоняют всю машину. Зато в окрестностях Экса есть виноградник, который мне давно хотелось посмотреть. А по дороге сюда мы заметили что-то похожее на средневековую свалку, усыпанную массивными каменными реликтами и обломками садовой скульптуры. Наверняка мы найдем там каменную садовую скамейку, о которой давно мечтаем. Возможно, они даже приплатят нам за то, что мы ее заберем.

Магазин-склад «*Matériaux d'Antan*», [\[118\]](#) расположившийся вдоль RN7, занимал территорию, по размеру сравнимую с большим городским кладбищем. Как это ни странно, в стране, настолько озабоченной защитой от грабителей, что в ней даже собачьи будки запирают на всякие замки, площадка была совершенно открыта со всех сторон: мы не увидели ни заборов, ни угрожающих надписей, ни лохматых овчарок на цепях и ни одного человека в зоне видимости. Какие доверчивые люди, подумали мы, вылезая из машины, а через минуту поняли и причину этой доверчивости: самый миниатюрный из выставленных товаров весил не меньше пяти тонн. Чтобы украсть его, потребовались бы десять человек, подъемный кран и большой грузовик.

Если бы мы планировали построить копию Версаля в натуральную

величину, мы могли бы сегодня же закупить здесь все необходимое. Огромная ванна, вырубленная из цельного куска мрамора? Пожалуйста, вон там за углом, вместе с ежевикой, проросшей через спускное отверстие. Лестницу для парадного вестибюля? Имеются целых три разной длины, грациозно изогнутые, со стертыми каменными ступенями шириной с обеденный стол. Рядом с лестницами в траве валялись похожие на змей ажурные перила, украшенные чугунными ананасами, местами, правда, утраченными. Здесь были целые балконы с фантастическими животными, исполняющими роль водостоков, страдающие свинкой мраморные херувимы размером со взрослого мужчину, двухметровые глиняные амфоры, валяющиеся на боку, будто пьяные, мельничные колеса, колонны, наличники и цоколи. Здесь было все, что можно изготовить из камня, кроме простой садовой скамейки.

— *Bon jour.* — Из-за сильно увеличенной копии крылатой Ники Самофракийской показался молодой человек и спросил, чем он может нам помочь. Скамейка? Он задумчиво потер указательным пальцем переносицу, а потом виновато покачал головой. Скамейки — это не их специальность. Однако он может предложить нам изысканную башенку восемнадцатого века из кованого чугуна или, если у нас достаточно вместительный сад, великолепную триумфальную арку в античном стиле — десять метров высотой и достаточно широкую, чтобы под ней разъехались две колесницы. Такие экземпляры попадаются нечасто, заверил нас он. Мы на минуту представили себе, как Фостен в надетом поверх соломенной шляпы оливковом венке, направляясь на виноградник, проезжает на своем тракторе под триумфальной аркой, и чуть было не поддались соблазну, но жена вовремя вспомнила об опасностях, которые таятся в необдуманных покупках весом двести пятьдесят тонн. На прощанье мы пообещали молодому человеку, что, когда купим *château*,^[119] обязательно обратимся к нему.

Дома нас встретил мигающий огонек на телефоне: три человека хотели поговорить с нами и оставили три сообщения.

Незнакомый нам француз пытался вступить в диалог с автоответчиком, не желая признавать, что говорит с машиной. Записанный на пленку голос, попросивший оставить свой номер, чтобы мы могли перезвонить ему, совершенно сбил его с толку. Почему я должен оставлять свой номер, если я уже говорю с вами? Он немного помолчал, громко дыша в трубку. Эй, кто там? Почему вы молчите? Еще несколько вдохов. Алло? Алло? *Merde.* Алло? Время, отведенное на запись сообщения, вышло, и автомат отсоединил его. Он так и не перезвонил.

Энергичный и деловитый голос Дидье сообщил, что они с бригадой готовы возобновить работу и возьмутся сразу за две комнаты на первом этаже. *Normalement*, они начнут уже завтра, в крайнем случае послезавтра. И еще: сколько щенков мы возьмем? Пенелопа забеременела от лохматого незнакомца из Гуля.

Третий звонок был от соотечественника, с которым мы, кажется, как-то встречались в Лондоне. Тогда он показался нам довольно приятным, но все-таки мы его почти не знали. Похоже, скоро это можно будет исправить, потому что они с женой обещали заглянуть к нам. Правда, он не сказал когда и не оставил своего номера. Возможно, по обычаю всех бродячих англичан, в один прекрасный день они возникнут ниоткуда как раз перед ланчем. Но июнь у нас выдался довольно спокойным, гостей было немного, а строителей и вовсе не было, поэтому мы не возражали против того, чтобы кто-нибудь составил нам компанию.

Они приехали, когда начинало темнеть, а мы садились обедать. Их звали Тед и Сюзанна, и они сразу же рассыпались в извинениях и громких восторгах по поводу Прованса, куда они приехали впервые, нашего дома, наших собак, нас самих и вообще всего. В первую же минуту они несколько раз сообщили, что все здесь — просто супер. Столь искреннее восхищение обезоруживало. Они говорили одновременно, монолог не прерывался ни на секунду, и с нашей стороны не требовалось совершенно никакого участия.

«Мы, наверное, выбрали неудачное время? С нами вечно так получается».

«Вот именно, вечно. А вам, должно быть, смертельно надоело, что люди вот так сваливаются вам на голову? Да, стакан вина с удовольствием».

«Ой, ты только посмотри на этот бассейн! Какая прелесть!»

«А вы знаете, что на почте в Менербе есть маленькая карта, на которой указано, как к вам проехать? Они называли вас *Les Anglais* и вытащили ее из-под прилавка».

«Мы бы приехали раньше, если бы не наткнулись на этого славного старика в деревне...»

«...Ну, в смысле на его машину...»

«Да, на его машину, но он так мило себя повел, правда? Да и вмятины настоящей не было, просто царапина».

«Мы пригласили его в кафе и немного с ним выпили...»

«По-моему, не так уж и немного».

«А потом с нами выпили его друзья, такие забавные».

«Ну, слава богу, мы до вас добрались, и я хочу сказать: тут просто очаровательно».

«И так мило, что вы не сердитесь на нас за это вторжение».

Они ненадолго замолчали, чтобы глотнуть вина и перевести дыхание. Моя жена, чутко реагирующая на любые симптомы недоедания, заметила, что Тед пожирает глазами наш обед, к которому мы еще не притронулись. Она пригласила их к столу.

«Но только если это нисколько вас не затруднит — просто корочку хлеба и кусочек сыра и, если можно, еще *один* стаканчик вина».

Продолжая трещать, Тед и Сюзанна сели за стол, а мы поставили на него колбасу, сыры, салат и *crespaoui* — холодный омлет с овощами и теплым соусом из помидоров. Все это было встречено таким взрывом благодарности, что я заинтересовался, когда они ели в последний раз и когда планировали поесть в следующий.

— А где вы собираетесь остановиться?

Тед подлил себе вина. Вообще-то, они ничего не бронировали заранее. «С нами вечно так, вечно!» Но, наверное, в какой-нибудь небольшой сельской гостинице, простой и чистой, и не слишком далеко отсюда, потому что им ужасно хочется — ужасно! — взглянуть на наш дом при дневном свете, если, конечно, мы согласимся потерпеть их еще раз. Здесь ведь, наверное, много маленьких гостиниц? Какую мы посоветуем?

Гостиницы здесь, конечно, были, но в одиннадцатом часу в Провансе уже ложатся спать, и в это время не стоит колотить в закрытые ставни и беспокоить сторожевых собак. Будет разумнее, если Тед и Сюзанна переночуют у нас, а утром найдут себе что-нибудь. Они переглянулись и завели благодарственный дуэт, продолжавшийся до тех пор, пока их вещи не отнесли наверх. Потом, уже в окно, они пропели пожелание спокойной ночи, и, укладываясь в постель, мы еще слышали их чириканье. Они были похожи на двух переполненных впечатлениями детей, и мы с женой решили, что будет даже забавно, если Тед и Сюзанна поживут у нас несколько дней.

Часа в три ночи нас разбудил лай собак. Они были заинтригованы шумом, доносящимся из комнаты для гостей: сначала звук, издаваемый человеком, которого выворачивает наизнанку, потом громкие стоны и наконец — журчание льющейся воды.

Я всегда теряюсь и не знаю, как реагировать, когда кому-нибудь бывает нехорошо. С одной стороны, лично я предпочитаю оставаться один, когда меня тошнит. Как много лет назад говорил мне мой дядя: «Блевать надо в одиночку, малыш. Никому, кроме тебя, не интересно знать, что ты

сегодня ел». С другой стороны, есть такие страдальцы, которые нуждаются в сочувствии и внимании.

Шум наверху не прекращался, и я, осторожно постучавшись в их дверь, спросил, не могу ли чем-нибудь помочь. Из-за двери высунулось встревоженное лицо Теда. Сюзанна что-то съела. У бедняжки такой нежный желудок. И столько волнений сегодня. Ничего тут не поделаешь, организм сам справится. За дверью организм снова громко заявил о себе. Я вернулся в постель.

Проснулись мы в семь утра от грохота рухнувшей каменной кладки. Дидье приехал, как и обещал, и сейчас разминался с кувалдой и железным костылем, а его помощники в это время швыряли на землю мешки с цементом и реанимировали бетономешалку. Наша больная спустилась по лестнице, страдальчески зажимая уши и щурясь от яркого утреннего солнца, и сообщила нам, что уже достаточно хорошо себя чувствует, чтобы позавтракать. Она ошибалась и вынуждена была поспешно покинуть стол и вернуться в туалет. Все утро — чудесное, синее и безветренное — мы занимались тем, что искали врача, который согласился бы прийти на дом, и ездили в аптеку за свечами.

За следующие пять дней мы успели подружиться с аптекарем. Несчастливая Сюзанна и ее желудок вели друг с другом непрекращающуюся войну. От чеснока у нее разливалась желчь. От местного молока, действительно обладавшего довольно странными свойствами, бунтовал кишечник. Масло, растительное и сливочное, вода и вино надолго выводили ее из строя, а за двадцать минут, проведенных на солнце, она умудрялась получить ожоги третьей степени. Сюзанна страдала аллергией на юг.

Это не такое уж редкое явление. Полнокровный и темпераментный Прованс может стать настоящим шоком для анемичного северянина. Здесь ничего не делается наполовину: температура скачет от минус десяти в феврале до сорока градусов в июле. Редкие дожди обрушиваются на землю с такой силой, что смывают грунтовые дороги и останавливают движение на автострадах. Мистраль промораживает вас до костей зимой и опалает сухим жаром летом. В еде столько вкуса и аромата, что желудки, привыкшие к более щадящей диете, с ней не справляются. Местное молодое вино коварно: оно легко пьется, но иногда оказывается гораздо крепче, чем старые вина, к которым принято относиться с осторожностью. Требуется время, чтобы привыкнуть к объединенному напору пищи и климата, столь непохожего на английский. Прованс не отличается милосердием и может раздавить человека, как раздавил бедную Сюзанну.

Они с Тедом покинули нас и отправились залечивать раны в более умеренной обстановке.

Только после их визита мы поняли, до чего же нам повезло: природа одарила нас желудками, неприхотливыми как у коз, и кожей, не боящейся солнца. Наш распорядок дня еще раз поменялся: теперь мы постоянно жили на улице. Утром одевание занимало не более тридцати секунд. Потом мы завтракали свежим инжиром и дынями и старались переделать все дела по дому до наступления жары. К полудню каменные плиты раскалялись так, что на них невозможно было ступить, а вода еще оставалась холодной, и, нырнув первый раз, мы выскакивали из нее как ошпаренные. Только теперь мы до конца оценили мудрый средиземноморский обычай устраивать днем сиесту.

Я не помнил, когда последний раз надевал носки. Мои часы уже давно лежали в ящике стола, а время я более-менее точно определял по положению теней у нас во дворе. Я постоянно забывал, какое сегодня число и день недели — это уже не казалось мне важным. Постепенно я превращался в очень счастливый овощ, а связь с реальной жизнью осуществлял посредством нерегулярных телефонных разговоров с людьми, гробящими свою жизнь в далеких офисах. Они неизменно с тоской спрашивали, какая у нас погода, и расстраивались, услышав ответ. Все, что им оставалось, — это предупреждать меня, что от солнца тухнут мозги и бывает рак кожи. Я не спорил — возможно, они и были правы. Одно я знал точно: невзирая на протухшие мозги, новые морщины и опасность заработать рак, я никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

Строители работали голыми по пояс и радовались хорошей погоде не меньше, чем мы. Единственной уступкой, которую они сделали жару, стал немного увеличившийся перерыв на ланч. Наши собаки принимали в этой трапезе самое активное участие. Едва заслышав звук открываемых корзин и стук приборов, они сломя голову неслись через двор и усаживались рядом со столом, чего никогда не делали, если обедали мы. Терпеливо и не мигая они с тоской провожали глазами каждый исчезающий во рту строителей кусок. В конце концов эта тактика неизбежно приносила плоды. После ланча они трусили обратно к своим лежбищам под зеленой розмариновой изгородью, виновато опустив к земле носы, испачканные камамбером или кускусом. Дидье потом уверял, что все это просто нечаянно упало со стола.

Работа шла в согласии с расписанием — то есть на переделку каждой комнаты требовалось по три месяца, считая с того дня, когда в нее вселились строители, и до того, когда могли вселяться мы. А в августе нас

ожидал еще Меникуччи с его радиаторами. В любом другом месте и при другой погоде такая перспектива приводила бы нас в отчаяние, но только не в Провансе. Солнце здесь служит отличным транквилизатором, и ничто не могло помешать нам наслаждаться жизнью и длинными, жаркими, ленивыми днями. Нам обещали, что такая погода простоят до конца октября. А еще нам говорили, что в июле и августе умные люди уезжают из Прованса в какое-нибудь тихое и безлюдное место вроде Парижа. Но мы не хотели никуда ехать.

ИЮЛЬ

Мой друг снял дом в Раматюэле, в нескольких километрах от Сен-Тропе. Несмотря на страх перед летними пробками и озверевшими от жары французскими водителями, нам очень хотелось повидаться. Мы кинули жребий, и ехать выпало мне. Я пообещал, что доберусь до него к ланчу.

Отъехав от дома всего на пару десятков километров, я вдруг оказался в совершенно другой стране, населенной главным образом домиками на колесах. Сливаясь в грязно-серые потоки, они текли к морю. Их окна украшали оранжевые и коричневые занавесочки и наклейки,

напоминающие о прошлых путешествиях. Некоторые группы отвлекались от главного потока и скапливались на плавающих от жары специальных стоянках, устроенных вдоль шоссе. Их владельцы, пренебрегая окружающими их просторами, раскладывают столики для пикников в непосредственной близости от автострады — так, чтобы ничто не мешало им любоваться проносящимися мимо грузовиками и вдыхать выхлопные газы. Свернув с трассы на дорогу, ведущую в Сен-Максим, я обнаружил перед собой еще один длинный и плотный хвост автофургонов и отказался от надежды успеть к ланчу. Последние пять километров пути заняли полтора часа. Добро пожаловать на Лазурный берег.

Когда-то он был очень красив, да и сейчас здесь еще остались редкие и непомерно дорогие кусочки почти нетронутого побережья. Но по сравнению с мирным и относительно безлюдным Любероном это был натуральный сумасшедший дом, безнадежно изуродованный чудовищной концентрацией домов, людей и коммерции. Продажа участков, строительство вилл, *steak pomme frites*,^[120] непотопляемые резиновые лодки, настоящие провансальские сувениры из оливкового дерева, пицца, катание на водных лыжах, ночные клубы, трассы для картинга — рекламные плакаты взывали к вам с каждой стены и столба.

В распоряжении у тех, кто зарабатывает себе на жизнь, торгуя Лазурным берегом, всего несколько месяцев, и их неприкрытое желание вытянуть из вас как можно больше франков до тех пор, пока не упал спрос на резиновые лодки, способно испортить все удовольствие от отдыха. Официанты нетерпеливо требуют чаевые, продавцы ходят за покупателем по пятам, вынуждая его поскорее выбрать товар и убраться из магазина, а потом еще отказываются принимать двухсотфранковые банкноты, потому что они иногда оказываются поддельными. Все здесь пропитано алчностью и раздражением не меньше, чем ароматами чеснока и масла для загара. Любого незнакомца автоматически причисляют к осточертевшему разряду туристов и смотрят на него враждебно и в то же время оценивающе. Если верить карте, все это — тоже Прованс. Но это совсем не тот Прованс, который я знал.

Дом моего друга скрывался в сосновой рощице на окраине Раматюэля, в самом конце длинной частной дороги. Здесь не было и намека на то безумие, что творилось на побережье в трех километрах отсюда. Однако он совсем не удивился, когда я пожаловался, что вместо двух часов потратил на дорогу четыре. Друг поведал мне, что, если хочешь вечером пообедать в Сен-Тропе, надо отправляться туда к половине восьмого утра, иначе ни за что не найдешь место для парковки; что поход на пляж способен довести

человека до глубокой депрессии, а для того чтобы вовремя прибыть в аэропорт Ниццы, нужно добираться туда на вертолете.

Вечером я возвращался домой и, глядя на встречный поток автофургонов, пытался понять, почему каждое лето все эти толпы так стремятся на Лазурный берег, где от Марселя до Монте-Карло все дороги забиты машинами, а пляжи похожи на живой ковер из копошащихся, блестящих от масла человеческих тел. И как настоящий эгоист я, разумеется, не мог не радоваться тому, что все эти глупцы хотят проводить свой отпуск здесь, а не на зеленых просторах Люберона, среди гораздо более приветливых местных жителей.

Хотя среди местных жителей попадались и менее приветливые, и одного из таких я встретил на следующее утро, когда гулял с собаками. Массо *en colère*^[121] злобно пинал кусты на опушке своей поляны и в ярости жевал ус.

— Вы видите? — негодовал он. — Эти мерзавцы! Они, как воры, появляются ночью и испаряются утром. Все загажено! — Он возмущенно продемонстрировал мне пустую бутылку и две жестяные банки из-под сардин, которые со всей неопровержимостью доказывали, что лютые враги Массо, немецкие туристы, опять осмелились нарушить границы охраняемого им участка государственного заповедника. Мало того, они с явным презрением отнеслись к его тщательно разработанной системе обороны: проделали брешь в сложенной из булыжников баррикаде и даже — *sales voleurs!*^[122] — украли все объявления, предупреждавшие о присутствии змей.

Массо сдернул с головы кепи и энергично потер лысину на затылке, поражаясь такому цинизму преступников. Потом он оглянулся на свой дом, встал на цыпочки, перешел на другую сторону тропинки и опять встал на цыпочки, бормоча что-то себе под нос. «Может, и сработает, — разобрал я, — но придется спилить деревья».

Если вырубить маленькую рощицу, выросшую между его домом и поляной, объяснил мне Массо, он сможет вовремя заметить фары машины, поднимающейся по дороге, и произвести из окна несколько предупредительных выстрелов. Но, с другой стороны, эти деревья, несомненно, увеличивают стоимость дома, который он собирается продать. Нет, покупатель на дом еще не найден, но, конечно, уже скоро появится человек, способный оценить это сокровище. Поэтому деревья придется оставить. Массо опять задумался, и его лицо вдруг просветлело. Кажется, выход найден — *pièges à jeu*.^[123] Да, это отличная идея!

Я слышал о *pièges à feu* — миниатюрных устройствах, которые прячутся в земле или траве и взрываются, если на них кто-то наступит, будто миниатюрные противопехотные мины. Я представил себе, как в воздух взлетает разорванный на части немецкий турист, и пришел в ужас. Массо, напротив, эта идея казалась очень забавной. Он мерил шагами поляну и через каждые пять метров радостно кричал: «Буум!»

Он ведь, конечно, шутит, осторожно осведомился я, да и в любом случае *pièges à feu* запрещены законом. Массо ненадолго прервал взрывы и с хитрым видом потер нос.

— Может, и так, — ухмыльнулся он, — но ведь вешать объявления закон не запрещает? — Он вскинул руки над головой и еще раз крикнул: — Буум!

Где ты был двадцать лет назад, когда еще можно было спасти Лазурный берег, грустно подумал я.

Возможно, человеконенавистнические настроения Массо были отчасти вызваны жарой. Еще утром температура нередко поднималась до тридцати градусов, а днем небо из синего делалась раскаленно-белым. Ничего специально не планируя, мы инстинктивно приспособились к зною и теперь вставали пораньше, чтобы успеть переделать все дела на утренней прохладе. Между полуднем и началом сумерек ни о каких физических усилиях не хотелось даже думать. По примеру наших собак, мы теперь старались найти себе местечко в тени, а не на солнце. Земля покрылась трещинами, а трава отказывалась расти. В течение нескольких дневных часов единственными доносящимися до нас звуками был треск цикад, жужжание пчел в лаванде и всплески тел, падающих в бассейн.

Теперь мы с собаками ходили на прогулку между шестью и семью часами утра, и скоро они открыли для себя новое развлечение, гораздо более благодарное, чем преследование кроликов и белок. Это началось в тот день, когда они случайно наткнулись на неведомое животное из ярко-синего нейлона. Собаки скакали вокруг него на безопасном расстоянии и лаяли до тех пор, пока оно не проснулось. Из отверстия на конце животного высунулась всклокоченная голова туриста, а чуть позже — рука с печеньем. С этого момента наши псы твердо усвоили: найденный в траве спальный мешок означает угощение. Наверное, туристы немного пугались, когда, проснувшись, видели в нескольких сантиметрах от себя две лохматые морды, но, оправившись от шока, все они вели себя довольно мило.

Как ни странно, Массо оказался наполовину прав: в основном это были немцы, но мы ни разу не встретили тех вредителей, на которых он

жаловался. После наших немцев в лесу не оставалось никаких следов: все отходы аккуратно собирались в большие рюкзаки, рюкзаки взваливались на спину, и цепочка похожих на двуногих улиток людей продолжала свой путь, невзирая на зной. По моему скромному мнению, основным источником мусора в лесу были сами французы, но ни один француз никогда не признает этого. Все они твердо знали, что во все времена года, а особенно летом виновники любых проблем и неприятностей — это иностранцы всех мастей.

Бельгийцы, например, несли ответственность за большинство аварий на дорогах из-за их привычки ездить посреди шоссе и вынуждать известных своей осторожностью и благоразумием французских водителей нырять в канавы, дабы не оказаться *écrasé*.^[124] Швейцарцы и немцы (не те, которые ночевали в спальнях мешках) обвинялись в том, что они монополизировали все отели и рестораны и безбожно вздули цены на недвижимость. А англичане... Ох уж эти англичане! У них вечные проблемы с желудком, и они интересуются только канализацией и уборными. «У них просто талант к расстройству желудка, — поделился со мной приятель-француз. — Если у англичанина его пока нет, то он не успокоится, пока не заработает».

В каждом из этих обвинений имелась и крошечная толика правды, и как-то в одном из самых популярных в Кавайоне кафе я стал свидетелем сценки, подтвердившей мнение французов о слабостях моих соотечественников.

Родители уже пили кофе, когда маленький сын сообщил им, что ему требуется посетить туалет. Его отец оторвал взгляд от позавчерашнего номера «Дейли телеграф».

— Ты лучше сначала сходи и проверь, что там творится, — сказал он матери мальчика. — Помнишь, что случилось в Кале?

Мать вздохнула и покорно направилась к небольшой дверце в глубине кафе. Через секунду она выскочила из нее с таким лицом, будто только что съела лимон.

— Это кошмар! Я не пущу туда Роджера.

Роджер тотчас же выразил сильное желание увидеть запретное место.

— Мне надо, — твердо сказал он и выложил козырную карту: — Это номер два. Мне надо.

— Там даже нет сиденья! Это просто дыра!

— Все равно. Мне надо.

— Поведешь его сам, — заявила мать. — Я туда ни за что не вернусь.

Отец сложил газету и встал. Юный Роджер настойчиво тянул его за

руку.

— Газету возьми с собой, — посоветовала мать.

— Дочитаю, когда вернусь.

— Там нет бумаги, — прошипела его жена.

— А-а. Ясно. Постараюсь спасти кроссворд.

Прошло несколько минут, и я уже почти набрался смелости, чтобы спросить у матери Роджера, что именно приключилось в Кале, но тут из глубины кафе раздался радостный крик:

— Стошнил?

Это появился Роджер, сопровождаемый своим бледным как смерть отцом, отчаянно стискивающим остатки газеты. Все разговоры в кафе на время смолкли, и многочисленные клиенты с интересом выслушали громкий и красочный отчет Роджера о только что закончившейся экспедиции. *Patron* с женой переглянулись и одновременно пожали плечами. Только англичане способны устроить из простого посещения *wa-wa* целый спектакль.

Устройство, так поразившее Роджера и его родителей, называется *toilette à la Turquie* и представляет собой неглубокий фаянсовый поддон с дыркой посредине и двумя упорами для ног по бокам дырки. Изобретено оно турецким инженером, как принято считать, специально для того, чтобы доставить максимум неудобств тем, кто решит им воспользоваться, а французы, преследуя ту же цель, еще немного его усовершенствовали: добавили спускное устройство, извергающее воду с такой силой, что неподготовленный человек немедленно оказывается мокрым от ботинок до коленей. Избежать этого можно только двумя способами: первый — это отойти подальше к двери и уже с безопасного места дотянуться до спускового клапана, для чего требуются длинные руки и навыки акробата, а второй — это не спускать воду вообще. К сожалению, большинство посетителей выбирают именно этот способ. Чтобы еще больше усложнить задачу, в некоторых заведениях устанавливают энергосберегающие приспособления, очень любимые французами. В выключатель, почему-то всегда расположенный с наружной стороны двери, встраивается автоматический таймер, который через тридцать восемь секунд выключает в туалете свет и оставляет несчастного посетителя в полной темноте.

Как ни странно, туалеты *à la Turquie* все еще производятся, и даже в самых современных кафе можно встретить подобную комнату ужасов. Но, когда я пожаловался на это месье Меникуччи, он тут же встал на защиту французского саноборудования и горячо заверил меня, что оно представлено унитазами такой красоты и эргономического совершенства,

что даже американцы только разводят руками. Нам надо встретиться, предложил он, чтобы обсудить переоборудование двух туалетов в нашем доме. Богатством выбора он нас поразит, пообещал месье Меникуччи.

Он явился к нам с сумкой, набитой каталогами, и красиво разложил их все на каменном столе, отпуская при этом загадочные замечания о вертикальных и горизонтальных сливах. Выбор действительно оказался богатым, но все представленные образцы были агрессивно современными как по форме, так и по цвету: квадратные или круглые конструкции бордовых, оранжевых или изумрудных оттенков. А нам хотелось чего-нибудь простого и белого.

— *C'est pas facile*,^[125] — вздохнул месье Меникуччи. В наши дни покупатели требуют новые цвета и формы, и это составная часть французской сантехнической революции. Дизайнеры отвергают традиционный белый. Недавно он, правда, видел одну модель, которая нам наверняка подойдет. Месье Меникуччи порылся в своих каталогах и отыскал то, что нам нужно.

— *Voilà! La WC haute couture!* — Он продемонстрировал нам страницу, на которой, освещенный, будто этрусская ваза, был сфотографирован унитаз от Пьера Кардена.

— Видите? — радовался месье Меникуччи. — На нем есть даже автограф Кардена.

Автограф действительно был, на самом верху — там, где ему ничто не грозило. Если не считать автографа, унитаз был идеален: красивой формы и при этом похожий на обычный туалет, а не на аквариум для золотой рыбки. Мы заказали два.

Неделей позже нам позвонил грустный Меникуччи и сообщил, что Дом Кардена снял наши унитазы с производства. *Une catastrophe*, но он продолжит поиски.

Еще через десять дней он появился у нас как триумфатор и, еще поднимаясь на крыльцо, потряс над головой каталогом.

— Опять *haute couture!* — кричал он. — Опять *haute couture!*

Карден отказался от производства оборудования для ванных комнат, но его место занял Курреж, который спроектировал очень похожий унитаз и был настолько скромн, что даже не оставил на нем автографа. Мы поздравили Меникуччи, и он на радостях позволил себе бокал кока-колы.

— Сегодня туалет, а завтра — центральное отопление, — произнес он, поднимая бокал, и, пока мы плавилась от жары на солнцепеке, рассказал нам о том, как тепло будет в нашем доме зимой, а потом вкратце описал ход предстоящей кампании. Стены придется ломать, пыль будет везде, и шум

пневматической дрели разгонит всех пчел и цикад. Но у всего этого имеется и одна положительная сторона, утешил нас Меникуччи: на несколько недель мы будем избавлены от гостей. *Eh, oui.*

До наступления обещанного периода уединения и одиночества нам предстояло принять еще одного гостя — человека настолько рассеянного и неловкого, настолько притягательного для разнообразных больших и малых несчастий, аварий и происшествий, что мы специально пригласили его накануне ремонта, надеясь, что грядущие августовские разрушения погребут под собой все последствия этого визита. Его звали Беннет, мы дружили с ним уже пятнадцать лет, и он сам со смехом признавался, что заслуживает звание самого ужасного гостя в мире. Мы любили его, но немного боялись.

Он позвонил по телефону через несколько часов после того срока, когда должен был появиться у нас в доме. Не могу ли я подъехать в аэропорт и забрать его? Там возникла небольшая проблема с компанией, что дает напрокат машины, и он остался без средства передвижения.

Я нашел его в баре на втором этаже, где он удобно устроился с бутылкой шампанского и французским изданием «Плейбоя». Беннету исполнилось сорок семь лет, он был строен, очень красив и одет в белоснежный льняной костюм с сильно обгоревшими брюками.

— Извини, что вытащил тебя из дома, — покаянно сказал он, — но у них кончились машины. Хлебни шампанского.

Он рассказал мне о том, что случилось, и, как всегда у Беннета, история была настолько невероятной, что не могла не оказаться правдой. Его самолет приземлился вовремя, а заказанный заранее кабриолет уже ждал моего друга. Погода была чудесной, машина стояла с откинутым верхом, и, придя в отличное расположение духа, Беннет, перед тем как тронуться с места, закурил сигару. На встречном ветру она быстро догорела, и через двадцать минут он, не глядя, выкинул окурочек. Довольно скоро Беннет заметил, что из всех проезжающих мимо машин ему машут руками; какими приветливыми стали французы, удивился он и начал махать в ответ. И, только проехав по автостраде еще несколько миль, он понял, что его автомобиль горит. Его поджег окурочек сигары, застрявший в чехле на заднем сиденье. Проявив, по его собственному утверждению, невероятное хладнокровие и находчивость, Беннет съехал на обочину, затормозил, встал на переднее сиденье и помочился на очаг пожара. Именно в этот момент его и заметили проезжавшие мимо полицейские.

— Они вели себя очень вежливо, — признал Беннет, — но сказали, что машину лучше вернуть обратно в аэропорт, а здесь эти люди из проката

устроили скандал и отказались выдать мне другую.

Беннет допил шампанское и передал мне счет: среди всего этого волнения он не успел обналичить свои дорожные чеки. Я был рад его видеть и рад тому, что он все такой же: обаятельный, неуклюжий, элегантный и, как всегда, без цента в кармане. Когда-то давно мы все были так бедны, что однажды во время обеда, который он давал в своем доме, нам с женой пришлось изображать его лакея и горничную, а потом побратски разделить с ним все полученные чаевые. Зато с Беннетом всегда было весело, и в тот день мы засиделись за обеденным столом до рассвета.

Неделя пролетела быстро и без особых происшествий, что было довольно странно, учитывая, что у нас гостил человек, который регулярно выливал на себя бокал вина, когда смотрел на часы, и чьи безупречные белые брюки обычно оставались безупречными только до первого блюда. Но все, на что мы могли бы в итоге пожаловаться, — это одна или две небольшие поломки, несколько разбитых чашек, утопленное в бассейне полотенце, короткая паника, когда Беннет сообразил, что отправил свой паспорт в химчистку, и несколько тревожных минут в тот раз, когда ему показалось, будто он проглотил осу. Нам было грустно, когда он уезжал, и мы надеемся, что когда-нибудь наш друг вернется снова хотя бы для того, чтобы допить те четыре стаканчика с кальвадосом, которые мы нашли у него под кроватью, и забрать свои трусы, оставшиеся одиноко висеть на вешалке для пальто.

О кафе на старом вокзале в Бонье мы узнали от Бернара. Заведение солидное и серьезное, сказал он, один из тех семейных ресторанов, которых во Франции было множество до тех пор, пока еда не стала модой, а в *bistrots* не начали подавать прозрачные ломтики утиной груди вместо *daube* и рубца. Поспешите, добавил Бернар, потому что *la patronne* уже поговаривает о пенсии, и постарайтесь нагулять побольше аппетита. Она любит, чтобы тарелки после еды блестели.

Вокзал в Бонье не работал уже почти сорок лет, и дорога, ведущая к нему, была заброшена и покрыта выбоинами. С шоссе не было видно никаких признаков ресторана: ни вывески, ни выставленного меню. Мы проезжали мимо множество раз, считали здание совершенно необитаемым и даже не подозревали, что за деревьями скрывается забитая машинами стоянка.

С трудом найдя свободный промежуток между пикапом местной «скорой помощи» и чумазым фургоном строителей, мы вылезли из машины и пару минут постояли, прислушиваясь к гулу разговоров и клацанью

приборов, доносящемуся из распахнутых окон. Здание ресторана, квадратное и лишенное всяких излишеств, находилось метрах в пятидесяти от станции. Полустертые корявые буквы над входом сообщали: «Кафе „На вокзале“».

На стоянку заехал небольшой грузовичок «рено», и из него вылезли двое мужчин в комбинезонах. Они вымыли руки над старой раковиной, прибитой к наружной стене, и, открыв дверь локтем, вошли в ресторан. Мужчины явно были завсегдатаями, потому что сразу же направились в дальний конец бара к полотенцу, висящему там на крючке. Когда они вытерли руки, их уже ждал поднос с двумя стаканчиками *pastis* и кувшином воды.

Зал был большим и просторным, темным у входа и солнечным в глубине — там, где окна выходили на зеленые поля, виноградники и подернутые знойной дымкой склоны Люберона. За столиками сидело человек сорок, одни мужчины, и все они уже ели. После полудня успело пройти всего несколько минут, но у каждого провансальца в желудке имеются часы, и ланч — это единственное событие, на которое он никогда не опаздывает. *On mange à midi*^[126] и ни секундой позже.

На каждом столике, покрытом белой бумажной скатертью, стояли две бутылки вина: красного и розового, без этикеток. Оно доставлялось сюда из местного кооператива, расположенного на другой стороне дороги, метрах в двухстах от ресторана. Никакого меню на столиках не было. Мадам готовила ланч пять раз в неделю, с понедельника по пятницу, и сама решала, что будут есть ее клиенты. Дочь хозяйки принесла плетеную тарелку с вкуснейшим хлебом и спросила, нужна ли нам вода. Нет? Тогда надо позвать ее, если мы захотим еще вина.

Похоже, большинство клиентов были знакомы друг с другом и через головы соседей обменивались с другими столиками веселыми оскорблениями и ехидными замечаниями. Одного не помещавшегося на стуле толстяка обвинили в том, что он якобы начал худеть. Тот на секунду оторвался от тарелки, сердито что-то прорычал и опять энергично заработал вилкой. За столиком в углу мы увидели нашего электрика и Бруно, укладывавшего у нас каменный пол, и еще несколько знакомых лиц, которых не видели с тех пор, как остановилась работа в нашем доме. Все наши строители отлично загорели и выглядели так, будто только что вернулись из отпуска. Один из них окликнул нас:

— *C'est tranquille chez vous?* Без нас спокойнее?

Мы ответили, что надеемся увидеть их всех в августе, когда возобновится работа.

— *Normalement, oui*, — покивал он и произвел рукой несколько горизонтальных колебаний. Мы уже понимали, что это означает.

Дочь хозяйки принесла нам первое блюдо и предупредила, что из-за жары ланч сегодня будет легким. Она поставила на стол овальную тарелку с кусочками *saucisson* и вяленой свинины, крошечными корнионами, черными оливками и тертой морковью в остром маринаде. Сверху на *saucisson* лежал и таял толстый кусок белого масла.

Последний свободный столик заняли двое мужчин в пиджаках и с собакой на поводке. Ходят слухи, шепнула нам дочка хозяйки, что тот, что постарше, был послом Франции то ли в Иране, то ли в Ираке. *Un homme distingué.*^[127] Бывший посол с явным удовольствием ел то же, что строители, водители грузовиков и сантехники, и скармливал своей собаке маленькие кусочки колбасы.

В стеклянных мисках нам принесли зеленый, залитый оливковой заправкой салат и с ним — еще одно овальное блюдо: лапша в томатном соусе и сочные ломти жареной свинины с коричневой луковой подливкой. Интересно, что же хозяйка готовит зимой, когда не старается делать блюда легкими? Оставалось только надеяться, что она изменит свое решение насчет пенсии. Мадам уже вышла из кухни и заняла место за стойкой бара. Это была невысокая, полная, но складная женщина с густыми и все еще черными волосами. Судя по виду, она могла бы проработать еще лет пятьдесят.

Ее дочь убрала с нашего стола пустые тарелки, разлила по бокалам остатки красного вина и, не дожидаясь напоминания, вместе с сыром принесла нам еще одну бутылку. Самые ранние клиенты уже начали уходить, вытирая по дороге усы и не забывая спросить у мадам, что она предложит им завтра. Что-нибудь вкусное, обещала она.

После сыра я вынужден был остановиться. Жена, которая не любила сдаваться, съела еще кусок *tarte au citron*.^[128] В зале запахло кофе и сигаретами, а над головами трех мужчин, сидящих за похожими на наперсток рюмочками *marc*, повисло синее облако дыма, красиво подсвеченное солнечными лучами. Мы заказали кофе и попросили счет, но выяснилось, что счетов здесь не выписывают. Клиенты просто рассчитывались у бара по дороге на улицу.

Мадам сообщила, что мы должны ей по пятьдесят франков каждый за еду и еще по четыре за кофе. Вино входило в стоимость ланча. Неудивительно, что в ресторане не было ни одного свободного столика.

Неужели она в самом деле собирается на пенсию?

Хозяйка перестала протирать стойку бара.

— Когда я была маленькой девочкой, — сказала она, — мне пришлось выбирать между полем и кухней. Уже тогда я не любила возиться в земле. Это тяжелая и грязная работа. — Она взглянула на свои руки, ухоженные и совсем молодые. — Поэтому я выбрала кухню, а потом вышла замуж, и мы переехали сюда. Я готовлю здесь уже тридцать восемь лет. По-моему, вполне достаточно.

Мы сказали, что нам очень жаль, и она пожала плечами:

— Человек ведь может устать.

Она рассказала нам, что будет жить в Оранже, в квартире с балконом, и целыми днями сидеть на солнышке.

Было уже два часа, и за столиками никого не осталось; только один старик с белой щетиной на морщинистых щеках макал кусочек сахара в свой кальвадос. Мы поблагодарили мадам за отличный ланч.

— *C'est normale*, — кивнула она.

На улице жара накрыла на нас, как раскаленное одеяло. Дорога домой походила на мираж: она мерцала, плавилась и дрожала в знойном мареве. На виноградниках устало поникли листья, и вся окрестность превратилась в самую настоящую пустыню: не слышно было даже собачьего лая. Этот редкий день, когда нас не тревожили ни гости, ни рабочие, казалось, был создан специально для гамака, бассейна, какой-нибудь легкой книжки и лени.

Только к вечеру, когда кожу уже начало пощипывать от солнца, мы оправились от ланча настолько, чтобы принять участие в главном спортивном событии недели. Нас вызвали на состязание друзья, как и мы, пристрастившиеся к *boules* — одной из наиболее приятных игр, изобретенных человечеством. Сегодня нам предстояло защищать честь Менерба.

Уже давно, во время одного из первых визитов в Прованс, мы пару часов наблюдали в Руссильоне за тем, как местные старики препираются, отчаянно жестикулируют и вообще отлично проводят время на площадке для *boules*, после чего сразу же отправились покупать набор шаров. Мы увезли их в Англию, но эта игра не любит сырости, и шары долго пылились у нас в чулане. Переехав в Прованс, мы распаковали их в первую очередь. Гладкие и тяжелые, они издавали приятный «чпок», когда стучались друг о друга.

Мы долго изучали игру профессионалов, собиравшихся каждый день в Бонье на поле рядом с церковью, — эти мастера могли на расстоянии шести метров попасть шаром по большому пальцу вашей ноги, — а потом

шли домой и там отрабатывали подсмотренные приемы. Истинные асы, заметили мы, при броске сгибают колени и низко наклоняются к земле, а *boule* обхватывают всеми пальцами сверху, чтобы подкручивать его. Кроме того, существовали и более мелкие секреты мастерства: поощрительные возгласы, которые надо издавать, пока *boule* катится, и ругательства, которыми следует осыпать его, когда он останавливается не там, где надо. Скоро мы освоили все эти тонкости. Единственное, чего нам не хватало, — это меткости бросков.

Существуют два варианта броска: один — длинный и низкий, когда шар, крутясь, летит над самой землей, а второй — высокий: шар взлетает в воздух, а потом вертикально падает, стремясь выбить с поля шар противника. Меткость некоторых игроков поражала воображение, и мы понимали, что, как бы правильно мы ни приседали и ни ругались, нас еще очень нескоро пригласят поиграть на серьезной площадке — такой, как поле в Бонье.

Игра в *boules* очень проста, и любой новичок может получать от нее удовольствие с самого первого дня. Сначала на поле выбрасывается небольшой деревянный шар, *cochonnet*. У каждого игрока имеется по три стальных шара с особым травленным узором, чтобы не путать их, и в конце раунда выигрывает тот, чей *boule* окажется ближе всего к *cochonnet*. Существуют разные способы подсчета очков и местные варианты правил, из чего принимающая команда обычно извлекает немало пользы.

В тот вечер игра велась на нашей площадке и потому подчинялась люберонским правилам:

Любой игрок, не имеющий в руке стакана с выпивкой, автоматически дисквалифицируется.

Все запрещенные приемы разрешены.

Споры относительно расстояния до *cochonnet* обязательны. Ничье решение не считается окончательным.

Игра останавливается с наступлением темноты, но только в том случае, если победитель уже выявлен. Если такового не имеется, соревнование продолжается вслепую до тех пор, пока при помощи фонарика не определится победитель или пока *cochonnet* не признается безнадежно потерянным.

Приложив немало усилий, мы оборудовали площадку с хитрыми буграми и впадинами, незаметными для соперников, и основательно взрыхлили грунт, чтобы свести на нет преимущество игроков с хорошей

техникой. Поэтому мы чувствовали себя довольно уверенно, а кроме того, я отвечал за снабжение участников *pastis*, и это давало нам дополнительную фору: заметив, что команда гостей демонстрирует излишнюю меткость, я всегда мог увеличить порции, а по личному опыту я хорошо знал, как алкоголь влияет на точность броска.

Среди наших противников была шестнадцатилетняя барышня, которая играла впервые, но трое остальных членов команды тренировались по меньшей мере два месяца, и их не следовало недооценивать. Еще не начав играть, они успели в пух и прах раскритиковать нашу якобы неровную площадку, пожаловаться, что заходящее солнце светит им прямо в глаза, и официально потребовать, чтобы собакам был запрещен выход на поле до окончания матча. Чтобы доставить им удовольствие, я несколько раз прошелся по площадке со старым садовым катком. Потом все участники облизали пальцы, подняли их к небу, чтобы определить направление ветра, и игра наконец началась.

У нее существует свой медленный, но вполне различимый ритм. Совершается бросок, потом игра замирает, потому что следующий участник неторопливо подходит к *cochonnet* и оценивает расположение всех остальных *boules*, прикидывая, что перспективнее: обрушиться на них сверху или послать свой шар низко и медленно. Потом на удачу выпивается стаканчик *pastis*, колени сгибаются, мяч летит в воздух, приземляется с приятным стуком и катится к месту своего упокоения. Никто никуда не спешит, а получить спортивную травму практически невозможно (единственным исключением стал Беннет, которому во время его первой и последней игры удалось разбить две черепицы на нашей крыше и едва не сломать собственный палец).

Недостаток атлетизма компенсируется туго закрученной интригой и коварством участников, а в тот вечер все игроки, как по заказу, вели себя из рук вон плохо. Они тайком пододвигали шары ногой, а игроков, изготовившихся к броску, отвлекали всеми известными способами: язвительными замечаниями об их телосложении, предложениями выпить стаканчик *pastis*, надуманными обвинениями в том, что они заступили за начерченную на земле линию, ложными сообщениями о собаках, якобы пересекших линию поля, и змеях, замеченных в траве, и, наконец, массой вредных и противоречивых советов. К середине матча победитель еще не был выявлен, но мы ненадолго прервались, чтобы полюбоваться закатом.

На западе солнце театрально и неторопливо опускалась на дно совершенно симметричной буквы V, образованной двумя горными пиками. Через пять минут все было кончено, и мы продолжили играть в *crépuscule*

— французское слово, обозначающее сумерки, но больше похожее на название какого-то кожного заболевания. Определять расстояния до *sochonet* становилось все труднее, споры грозили перейти в драки, и мы уже собирались предложить ничью, когда игравшая впервые барышня положила три шара подряд в девятидюймовую зону. Так юность и фруктовый сок победили грязную игру и алкоголь.

Потом мы обедали на заднем дворе, и каменные плиты под нашими босыми ногами еще хранили солнечное тепло, а свечи бросали загадочные отблески на бокалы с вином и загорелые лица. Наши друзья на весь август сдали свой дом паре англичан, а на полученные деньги собирались месяц прожить в Париже. По их утверждению, все парижане переберутся на это время в Прованс, а вместе с ними бессчетные тысячи англичан, немцев, швейцарцев и бельгийцев. Дороги будут забиты, а рынки и рестораны переполнены. Тихие деревни станут шумными. И все без исключения будут в отвратительном настроении. И чтобы мы потом не говорили, что нас не предупреждали.

Мы уже слышали все это и раньше. Но июль получился совсем не таким страшным, как мы ожидали, и нам хотелось надеяться, что и август будет не хуже. Мы отключим телефон и будем лежать у бассейна, слушая концерт для пневматической дрели с паяльной лампой под управлением маэстро Меникуччи.

АВГУСТ

— Ходят слухи, — поведал мне Меникуччи, — что Брижит Бардо уехала из Сен-Тропе и купила дом в Руссильоне. — Он положил разводной ключ на пол и подошел поближе, чтобы *jeune* случайно не подслушал информацию о личных планах звезды. — И я ее понимаю. — Палец Меникуччи прицелился мне в грудь. — Известно ли вам, что в августе в любой произвольно взятый момент дня по меньшей мере пять тысяч человек одновременно делают *pipi* в море? — Он отказался от попыток продырявить меня и сокрушенно покачал головой, представив себе эту антисанитарную картину. — И кто после этого захочет быть рыбой?

Пока, стоя на солнцепеке, мы сочувствовали несчастным морским обитателям Лазурного берега, по ступенькам, забросив на плечи чугунный радиатор с торчащими из него медными трубами, поднимался *jeune* в промокшей от пота футболке Йельского университета. Надо сказать, и сам

Меникуччи сделал серьезную уступку жаре и вместо обычных брюк из толстого вельвета явился сегодня в коричневых шортах, гармонирующих по цвету с его брезентовыми сапогами.

Это был первый день *les grands travaux*,^[129] и лужайка перед нашим домом напоминала промышленную свалку. В центре стоял древний и замасленный верстак, а вокруг него громоздились детали будущего центрального отопления: коробки с бронзовыми шарнирами, краны и клапаны, паяльники, канистры с топливом, ножовки, радиаторы, сверла, винты и гайки и банки с чем-то похожим на черную патоку. И это только первая партия: водяной и топливный баки, котел и горелку должны были доставить позже.

Меникуччи устроил мне экскурсию по лужайке и дал краткое описание каждого экспоната, напирая в основном на их качество: «*C'est pas de la merde, ça*».^[130] Потом он повел меня в дом, чтобы показать, какие стенки надо будет пробуровать, и очень скоро я начал жалеть о том, что мы не уехали на август в Сен-Тропе, пополнив число полумиллиона страдающих там отпускников.

Все они, а также еще несколько миллионов прибыли на Лазурный берег в течение одного кошмарного уик-энда. В новостях сообщали, что на ведущей на юг магистрали скопилась непробиваемая пробка длиной в двадцать миль, а те, кто проехал лионский тоннель меньше чем за час, могли считать себя везунчиками. Машины и мозги перегревались. Владельцы эвакуаторов не верили своему счастью. Результатом скопившейся усталости и раздражения становились аварии, иногда со смертельным исходом. Согласно традиции, начало августа было ужасным, и весь этот кошмар повторится снова, когда через четыре недели все двинутся в обратный путь.

Большинство оккупантов проезжали мимо нас и устремлялись на побережье, но тысячи их оседали и в Любероне, совершенно меняя привычный облик рынков и деревень и давая местным жителям лишний повод пофилософствовать за стаканчиком *pastis*. Постоянные клиенты кафе, обнаружив, что их законные места захвачены чужестранцами, скапливались у бара и там скорбно перечисляли те неудобства, что принес с собой сезон отпусков, — хлеб, закончившийся в булочной уже к полудню, чью-то машину, припаркованную прямо у входной двери, и странную привычку городских гостей ложиться спать под утро. Конечно, вздыхая, признавали они, туристы привозят в Прованс деньги. И все-таки все они какие-то ненормальные, эти дети августа.

Не заметить их было невозможно. Они отличались от обычных людей нездорово-белой кожей и начищенной до блеска обувью, новенькими, яркими корзинками для продуктов и безупречно вымытыми машинами. В туристическом трансее они целыми днями слонялись по улицам Лакоста, Менерба и Боньё и разглядывали местных жителей так, словно те тоже были памятниками. На старой городской стене в Менербе они каждый вечер собирались, чтобы громко восторгаться красотами природы. Мне особенно запомнился диалог одной пожилой английской пары.

— Какой изумительный закат! — воскликнула она.

— Да, — согласился он, — совсем недурной для такой небольшой деревни.

Даже Фосгена захватило общее отпускное настроение. Работы на винограднике временно остановились, и теперь ему оставалось только ждать, пока созреют гроздья, и пересказывать нам старые анекдоты про англичан.

— Угадайте, что это такое, — спрашивал он нас, — сначала — какдохлая мышь, а через два часа — какдохлый рак? — Его плечи заранее тряслись от предвкушения невероятно смешного ответа. — *Les Anglais en vacances!* — сообщал он, не дождавшись наших версий. — *Vous comprenez?* [131] — Опасаясь, что я все-таки не оценил юмора, Фостен подробно объяснял, что у англичан, как всем известно, очень нежная кожа, которая уже после нескольких минут на солнце делается ярко-красной. — *Même sous un rayon de lune,* — весело разводил он руками. — Они обгорают даже при лунном свете.

Как-то вечером с не меньшим удовольствием он пересказал нам и одну страшную историю, приключившуюся накануне на Лазурном берегу. Неподалеку от Грасса начался лесной пожар, и для борьбы с ним были вызваны самолеты «Канад Эйр». Они действуют по принципу пеликана: летят в море, набирают там воду, а потом выливают ее на очаг пожара. По утверждению Фосгена, один из самолетов вместе с водой захватил и заплывшего за буйки пловца, а потом сбросил его прямо в огонь, где тот, естественно, превратился в головешку.

Как ни странно, «*Le Provençal*» ни словом не упомянула об этой трагедии, и мы навели справки у нашего приятеля.

Тот покачал головой:

— Это старая августовская страшилка. Каждый раз, когда где-то начинаются пожары, начинают ходить и такие слухи. В прошлом году самолет засосал девушку на водных лыжах, а в будущем это, возможно, будет швейцар из «Негреско» в Ницце. Фостен вас просто дурачил.

Разобраться, чему верить, а чему нет, было непросто. В августе происходили странные вещи, и мы нисколько не удивились, когда друзья, остановившиеся в отеле неподалеку, рассказали нам, что в полночь видели в своем номере орла. Ну может, и не самого орла, но уж точно его огромную тень. Они вызвали ночного портье, и тот явился для проведения расследования.

А орел случайно вылетел не из того большого шкафа в углу? Да, подтвердили наши друзья, именно оттуда. *Ah bon*,^[132] тогда все ясно. Это не орел. Это летучая мышка. Ее и раньше здесь видели, и она всегда вылетает именно из этого шкафа. Она совершенно безвредна. Может, и безвредна, согласились наши друзья, но они все-таки предпочли бы переселиться в другой номер. *Non*, сказал портье. Все номера заняты. Еще некоторое время они втроем стояли посреди комнаты и обсуждали способы отлова летучей мыши. Потом в голову портье пришла блестящая идея. Оставайтесь здесь, сказал он. Я сейчас вернусь. Выход найден. Через пару минут он действительно вернулся, вручил им баллон со средством против насекомых и пожелал спокойной ночи.

Нас пригласили на обед и вечеринку, которую хозяйка виллы в Горде устраивала для своих друзей. Мы ожидали этого события со смешанными чувствами: с одной стороны, приглашение нам льстило, но с другой — мы опасались, что еще не настолько освоились с провансальским акцентом, чтобы участвовать в беглом разговоре за обеденным столом. Насколько нам было известно, других англоговорящих гостей там не ожидалось, и мы надеялись только, что за столом нас посадят не слишком далеко друг от друга. Обед, как это принято в светских домах, был назначен на девять часов, и всю дорогу до Горда наши желудки, не привыкшие так долго ждать, громко выражали свое неудовольствие. На парковке за домом уже не оставалось ни одного свободного места, и метров пятьдесят дороги перед ним тоже были заняты автомобилями, причем на каждом втором красовался парижский номер «75». Только тут мы сообразили, что на обед приглашен не десяток приятелей из соседних деревень. Наверное, нам стоило более тщательно продумать свои туалеты.

Мы вошли в ворота, и в первую минуту нам показалось, что мы шагнули прямо в картинку из журнала «Дом и сад», а возможно, даже из «Вог». На газоне и террасе были расставлены освещенные свечами столы. Полсотни нарядных, одетых в белое людей томно держали бокалы с шампанским в сверкающих бриллиантами пальцах. Из распахнутой двери залитого светом бывшего амбара доносилась музыка Вивальди. Жена

немедленно захотела вернуться домой и переодеться, а я вспомнил о своих пыльных ботинках. Мы угодили на *soirée*.

Хозяйка заметила нас прежде, чем мы успели сбежать. К счастью, на ней были привычные брюки и рубашка.

— Нашли место для машины? — спросила она. — Из-за этой канавы на дороге невозможно запарковаться.

Мы пожаловались ей, что все это совсем не похоже на Прованс, и хозяйка пожала плечами:

— Август.

Она вручила нам по бокалу и ушла, а мы принялись разглядывать красивых людей.

Подобная компания вполне могла бы собраться где-нибудь в Париже. Мы не заметили ни одного загорелого, обветренного лица. Женщины были изысканно-бледными, а мужчины холеными и лоснящимися. Никто не пил *pastis*. Разговоры по провансальским меркам велись почти шепотом. Только теперь нам стало понятно, как сильно мы изменились за последнее время. Когда-то подобная обстановка показалась бы нам вполне нормальной. Сейчас среди этих рафинированных, негромко беседующих людей мы чувствовали себя неуклюжими чужаками. Сомнений нет: мы превратились в настоящих деревенщин.

Не без труда мы отыскиали в толпе наименее шикарную пару, стоящую в стороне от всех со своей собакой. Мы подошли, и все трое нам явно обрадовались. Мы вместе сели за один из столиков на террасе. Муж, невысокий, с острым норманнским лицом, рассказал нам, как двадцать лет назад купил дом в деревне за три тысячи франков. С тех пор он приезжал в эти края каждое лето и каждые пять-шесть лет менял дом. Недавно он услышал, что его первый дом опять выставлен на продажу: отремонтированный и подновленный, он теперь стоил миллион франков.

— Это безумие, — проворчал он, — но им непременно нужен *le tout Paris*.^[133] — Он кивком головы указал на толпу гостей. — Они желают и в августе не расставаться со своими друзьями. Сначала поселяется один, а за ним тащатся все остальные. И платят парижские цены.

Гости начали рассаживаться за столики, захватив со стойки бутылки вина и тарелки с едой. Высокие каблуки женщин утопали в песке, тем не менее они издавали негромкие, благовоспитанные крики восторга — *un vrai dîner sauvage!*^[134] — хотя природа здесь была ничуть не более дикой, чем в Беверли-Хиллз или в Кенсингтонском саду.

Мистраль задул, как всегда, неожиданно и в самый неподходящий

момент, когда на столах еще стоял коктейль из креветок. Листья салата и куски хлеба поднялись в воздух и полетели, норовя угодить в глубокие декольте или на белоснежные шелковые брюки. Скатерти надулись, захлопали, как паруса, и скинули на землю зажженные свечи и бокалы с вином. Тщательно причесанные волосы поднялись дыбом, и светское самообладание на минуту изменило гостям. Это было уж чересчур *sauvage*. Все в панике бросились в дом, и скоро обед возобновился уже под крышей.

После обеда гостей еще прибавилось. Вместо музыки Вивальди из амбара слышалось электронное шипение, а вслед за ним — вопли человека, которому без наркоза делают операцию на сердце. Литл Ричард приглашал нас немного размяться и расслабиться.

Нам было любопытно посмотреть, как музыка подействует на эту элегантную публику. Я мог бы представить себе что-нибудь вроде покачивания головой в такт ненавязчивой мелодии или пары, медленно топчущейся на месте под песню Шарля Азнавура. Но это?! Отчаянный вопль потного дикаря, заблудившегося в джунглях: АУОЛОПУПАМБУМПАУЛОПУПАМБУМОПАМБУУУМ! Мы поспешили в амбар, чтобы посмотреть, что там происходит.

Разноцветные лучи стробоскопа как полоумные метались по залу и отражались от зеркальных стен, трясущихся от грохота ударных. Молодой человек с сигаретой во рту, прикрыв от восторга глаза, обеими руками вертел ручки на музыкальной установке, стараясь выжать из нее еще больше громкости и басов.

«ГУД ГОЛЛИ МИСС МОЛЛИ!» — вопил Литл Ричард, и молодой человек в пароксизме наслаждения добавил децибел. «Ю ШУЭ ЛАВ ТУ БОЛЛ!»

Амбар вибрировал, и *le tout Paris* вибрировал вместе с ним. Руки, ноги, бюсты и задницы тряслись, раскачивались, крутились и взлетали, глаза и зубы сверкали, кулаки молотили воздух, драгоценности били по лицу соседей, пуговицы не выдерживали напора, а безупречный фасад отправился к чертям — все *расслаблялись*.

Большинство танцующих не испытывали нужды в партнерах. Они танцевали с собственным отражением и даже на пике экстаза не забывали одним глазом посматривать в зеркало. В воздухе пахло разгоряченными, надушенными телами, и весь амбар бился, как единый обезумевший пульс. Мы не рискнули пересечь зал, понимая, что неизбежно получим локтем по ребрам или ожерельем по глазам.

Неужто это те самые люди, что были так утонченно сдержаны в начале вечера? Казалось, самый страшный разгул, на который они способны

отважиться, — лишний бокал шампанского в конце вечера. А сейчас эти аристократы скачут, будто накачанные амфетамином подростки, и, похоже, собираются продолжать в том же духе всю ночь. Боком по стеночке мы выбрались из амбара и, оказавшись на свободе, бросились к машине. Завтра нам надо рано встать. Завтра нас ждут козлиные бега.

Неделю назад в окне табачной лавки мы впервые увидели афишу о *Grande Course de Chèvres*^[135] по улицам Боньё, старт у кафе «Цезарь». Все десять участниц и их погонщики были перечислены поименно. Победителей ожидают многочисленные призы, будет работать тотализатор, а праздничное настроение обеспечит большой оркестр, обещала афиша. Становилось ясно, что нас ожидает спортивное событие незаурядного масштаба — ответ Боньё на Челтнемский золотой кубок или Кентуккское дерби. Мы приехали пораньше, чтобы занять хорошие места.

В девять утра стояла такая жара, что хотелось снять даже часы, а на террасе кафе «Цезарь» многочисленные утренние клиенты завтракали *tartines* и холодным пивом. Напротив длинной лестницы, ведущей вниз, на рю Вольтер, крупная дама установила раскладной столик и зонтик с рекламой *Véritable Jus de Fruit*.^[136] Улыбнувшись нам, она зазывно помахала бланками билетов и потрясла коробкой с мелочью. Дама была официальным букмекером, хотя имелся и еще один, организовавший подпольный тотализатор в глубине кафе.

— Взгляните на участников, прежде чем делать ставки, — посоветовала дама. — Они вон там, за стеной.

Мы и так чувствовали, что участники где-то недалеко: в воздухе явственно пахло отходами их жизнедеятельности, подсыхающими на солнце. Мы заглянули за стену, и все козы подняли морды с длинными жидкими бородками и уставились на нас своими бледными немигающими глазами. Они походили бы на компанию важных китайских мандаринов, если бы их не нарядили в сине-белые жокейские шапочки и жилеты с написанными на них номерами. Сверяясь с программкой, мы нашли Бишу, и Тизан, и всех остальных, но этого было еще недостаточно, для того чтобы угадать фаворита. Лучше всего было бы иметь своего информатора в конюшне, но на худой конец годился и простой совет специалиста, разбирающегося в скорости и выносливости коз. Мы обратились за помощью к старику, подпирающему стену рядом с нами, ни минуты не сомневаясь, что он, как и любой француз, окажется экспертом.

— Тут все дело в их *crottins*,^[137] — авторитетно заявил он. — Та коза, которая перед гонкой наложит больше всех, наверняка и победит. Пустая

коза проворнее, чем полная коза. *C'est logique.*^[138]

Несколько минут мы молча наблюдали за участницами, и коза номер шесть, Тотош, щедро вознаградила наше терпение.

— *Voilà*, — сказал старик. — А теперь взгляните на погонщиков и выберите самого сильного.

Большинство погонщиков разминались перед гонкой здесь же, в кафе. На них тоже были жокейские шапочки и жилеты с номерами, и мы легко нашли погонщика козы Номер шесть — мускулистого крепыща, активно заправляющегося пивом. Он и недавно опроставшаяся Тотош показались нам перспективной командой, и мы пошли делать ставки.

— *Non*, — покачала головой мадам букмекер и объяснила нам, что для того, чтобы выиграть, надо угадать не одного, а трех лидеров. Мы снова растерялись. Откуда нам было знать, какие кучи наложили участницы, пока мы изучали погонщиков? Без особой уверенности мы все-таки предположили, что победителем станет Шестой номер, второй придет коза единственной женщины-погонщицы, а третье место займет участница Наннет, чьи аккуратно подстриженные ножки показались нам признаком резвости. Большой оркестр, обещанный афишей, оказался грузовиком с музыкальной установкой в кузове. В настоящий момент оттуда неслась песня Сони и Шер «Ай'в гот ю, беби», и тощая, стильная парижанка, которую мы видели накануне в гостях, уже начала ритмично притоптывать длинной, затянутой в белое ногой. Небритый пузан со стаканчиком *pastis* в руке тотчас же среагировал и, призывно покрутив внушительным тазом, пригласил ее на танец. Парижанка кинула на него взгляд, от которого прокисли бы самые свежие сливки, и немедленно заинтересовалась содержимым своей сумочки от Вюиттона. Дети играли в «классики» между подсохшими кучками козых катышков, а из грузовика вместо Сони и Шер теперь звучал голос Ареты Франклин. *Place*^[139] была набита битком. Мы с трудом втиснулись между немцем с видеокамерой и небритым пузаном, чтобы посмотреть, как готовится финишная линия.

Поперек *place* на высоте двух с половиной метров устроители натянули веревку, а к ней через регулярные промежутки привязали десять больших воздушных шариков, пронумерованных и наполненных водой. Пузан объяснил нам правила: каждому погонщику выдадут заостренную палку, которой он сможет, во-первых, погонять свою козу, если та не захочет бежать, а во-вторых, проткнуть в конце гонки свой шарик — только после этого пара будет признана финишировавшей. *Evidemment*,^[140] что при этом погонщика с ног до головы окатит водой, что очень забавно.

Погонщики уже вышли из кафе и, расталкивая толпу, отправились за своими козами. Наш фаворит, Шестой номер, достал перочинный ножик и дополнительно заострил свою палку с двух концов. Другой погонщик немедленно заявил организаторам протест, но спор был прерван неожиданным прибытием автомобиля, каким-то чудом прорвавшегося сюда по узкой улочке. Из автомобиля вылезла молодая дама с картой в руках. Изумленно оглядевшись, она спросила, как проехать на трассу.

К несчастью, путь на трассу ей преграждали десять коз и погонщиков, несколько сотен зрителей и грузовик с музыкой. Ничего не знаю, заявила дама, мне все равно надо на трассу. Она вернулась в машину и медленно тронулась с места.

Мгновенная паника и крики возмущения. Организаторы и некоторые из погонщиков окружили машину и начали колотить по крыше, другие хватали коз и детей, спасая от верной смерти под едва крутящимися колесами. Зрители придвинулись поближе, и машина, окруженная людским морем, остановилась. Дама сидела, поджав губы, и ненавидящим взглядом смотрела прямо перед собой.

— *Reculez!*^[141] — вопили организаторы, указывая то направление, откуда она появилась.

Наконец дама дала задний ход, двигатель злобно заскрежетал, и машина под бурные аплодисменты медленно тронулась в обратный путь.

Участников вызвали на старт, и погонщики озабоченно проверили, насколько прочно завязаны веревки вокруг шей спортсменов. Сами козы, похоже, нисколько не волновались. Шестой номер пыталась съесть жилет Седьмого номера, а Девятый номер, наш кандидат на третье место, Наннет, все время норовила повернуться к старту задом. Погонщик, взявшись за рога, развернул ее в правильном направлении и на всякий случай зажал между коленями. В процессе борьбы жокейская шапочка Наннет съехала на один глаз, придав ей залихватский и умственно неполноценный вид. Мы начали сомневаться в мудрости своего выбора: вряд ли одноглазая и страдающая топографическим кретинизмом коза способна прийти третьей.

Участницы выстроились на стартовой линии. Недели, а может, месяцы они тренировались ради этого момента и сейчас рог к рогу, жилет к жилету застыли в ожидании сигнала. Один из погонщиков громко икнул, и гонка началась.

Уже через пятьдесят метров стало ясно, что козы либо не родились спортсменами, либо не совсем правильно понимают цель гонки. Две из них уже через несколько секунд ударили по тормозам, и дальше погонщикам пришлось тащить их на веревке. Еще одна, не вовремя услышав зов

природы, остановилась и сделала то, чего мы ждали от нее полчаса назад. Наннет, наполовину ослепленная съехавшей шапочкой, не заметила поворота и врезалась вместе со своим погонщиком прямо в толпу зрителей. Остальные участницы, подгоняемые острыми палками и уговорами, худо-бедно взбирались по склону холма.

— Коли ее в жопу! — орал наш приятель пузан. Парижанка, которую толпой прибило вплотную к нам, вздрогнула. Пузан решил доконать ее. — А вам известно, что ту, что придет последней, сегодня же съедят? Зажарят на вертеле. *C'est vrai.* ^[142]

Парижанка прикрыла глаза черными очками. Она выглядела не слишком хорошо.

Маршрут гонки широким кругом огибал самую высокую часть деревни и спускался на площадь к старому фонтану, превращенному на один день в водное препятствие. С двух сторон он был огорожен пластиковыми барьерами и мешками с сеном. Участницам предстояло перейти его вброд или переплыть и только после этого выйти на короткую финишную прямую, ведущую к веревке с шарами.

Теперь мы могли следить за ходом гонки только по крикам зрителей, занявших места вдоль трассы, и, судя по ним, вперед вырвались Первый и Шестой номера. Соревнование продолжали только девять участниц; десятая загадочно *disparu.* ^[143]

— Может, ей как раз сейчас и перерезают горло, — высказал предположение пузан, и парижанка, с трудом расталкивая толпу, отправилась искать себе место поближе к финишной линии и подальше от нас.

Вскоре послышался громкий всплеск воды в фонтане и потом — женский голос, отчитывающий кого-то. Первой жертвой водного препятствия пала маленькая девочка, неправильно рассчитавшая глубину фонтана. Теперь она стояла по пояс в грязной воде и громко ревела от удивления.

— *Ils viennent, les chèvres!* ^[144]

Мать девочки, представив себе малышку под копытами участниц, в отчаянии задрала юбку и полезла в фонтан.

— Какие бедра! — восхитился пузан и поцеловал кончики сложенных вместе пальцев.

Две первые козы уже приблизились к фонтану и, не испытывая никакого желания купаться, устремились к мешкам с сеном. С проклятиями и руганью погонщики оттащили их от мешков и практически вручную

перенесли через водное препятствие. Первый и Шестой номера, Титин и Тоттош, сохранили лидерство и неслись уже по финишной прямой. Погонщики в чавкающих, промокших сандалиях, с острыми палками наперевес, едва поспевали за ними.

У самого финиша погонщик Номер один совершил решительный бросок и первым проткнул свой шарик, при этом щедро окатив водой парижанку; бедняжка шарахнулась назад и угодила прямо в кучу, оставленную одной из участниц. Шестому номеру финишная прямая далась с трудом, и погонщик проколол свой шар уже под носом у следующего участника, выиграв у него буквально секунды. По одному или группами все остальные участницы заканчивали дистанцию, и наконец на веревке остался висеть одинокий шар номер девять. Наннет так и не объявилась.

— Она уже у мясника, — прокомментировал пузан.

Мы увидели Наннет, когда возвращались к машине. Она лакомилась геранью в крошечном садике на склоне холма; на роге у нее висела жокейская шапочка, а на шее — обрывок веревки.

— *Bonjour, maçon.*

— *Bonjour, plombier.*

Перед началом очередного шумного и жаркого дня наши рабочие обменивались рукопожатиями и приветствовали друг друга так официально, словно дело происходило на дипломатическом приеме. Почему-то они всегда обращались друг к другу по *métier*.^[145] Архитектор Кристиан, проработавший с ними уже много лет, никогда не звал их по именам, а вместо этого использовал сложные титулы, составленные из фамилии и профессии. Франсиса, Дидье и Бруно он величал Меникуччи-*Plombier*, Андриэ-*Maçon* и Трюффели-*Carreleur*.^[146] Иногда подобное обращение походило на старинный дворянский титул: Жан-Пьер, укладывавший у нас ковровое покрытие, официально именовался *Гайар-Poser de Moquette*.

Сейчас они все столпились у одной из множества дыр, которые Меникуччи проделал в наших стенах для своих труб, и обсуждали график работ с серьезным видом людей, никогда в жизни никуда не опаздывавших. Существовала строгая очередность операций: сначала Меникуччи заканчивает укладку труб; потом строители уничтожают следы разрушений; потом в работу вступают электрик, штукатур, плиточник, плотник и, наконец, маляр. Поскольку все они были добрыми

провансальцами, шансы того, что кто-нибудь станет придерживаться графика, равнялись нулю, но такую возможность для продолжительной дискуссии грех было не использовать.

Больше всего удовольствия от нее получал Меникуччи, от успехов которого зависело расписание всех остальных.

— Вы же сами понимаете, что не дырять стены невозможно, — объяснял он. — Но сколько вам потребуется, чтобы это заделать, *maçon*? Полдня?

— Может, и целый день, — возразил Дидье. — Но когда?

— И не пытайтесь торопить меня! — отрезал Меникуччи. — Я занимаюсь этим уже сорок лет и успел понять, что с центральным отоплением нельзя торопиться. Это *très, très délicat*^[147] работа.

— На Рождество? — предположил Дидье.

Меникуччи строго взглянул на него и покачал головой:

— Вот вы шутите, а вспомните-ка о зиме. — Он наглядно продемонстрировал зиму, закутавшись в воображаемое пальто. — Снаружи минус десять. — Меникуччи задрожал и натянул шапочку на уши. — А трубы вдруг начинают течь! А почему? Потому что тот, кто их прокладывал, куда-то торопился. — Он торжествующе оглядел аудиторию. — Кто тогда будет шутить? А? Кто будет смеяться над водопроводчиком?

Уж я-то точно не буду. Установка центрального отопления обернулась настоящим кошмаром, и единственное, что спасало нас от помешательства, — это возможность весь день проводить на улице. Предыдущие строительные работы велись по крайней мере в одном помещении, а Меникуччи со своими медными щупальцами был везде. Он словно ненасытный термит пробивался из комнаты в комнату, оставляя за собой след из каменных обломков, пыли и искореженных огрызков труб. Тяжелее всего было то, что мы нигде не могли остаться одни. Заходя в ванную, мы обнаруживали там *jeune* с паяльной лампой, а в спальне из дыры в стене торчала нижняя часть Меникуччи. Единственным убежищем оставался бассейн, но и в него лучше было погружаться с головой, чтобы не слышать непрерывного завывания дрели. Иногда мы жалели, что не послушались совета друзей и не убрались куда-нибудь на весь август.

Только вечерами мы могли немного отдохнуть от дневного грохота и поэтому предпочитали оставаться дома, из-за чего пропустили множество интересных событий, которыми в августе Люберон развлекал своих гостей. Мы посетили только два из них: концерт в эффектно освещенных развалинах на окраине Опеда и вечер грегорианских хоралов в аббатстве

Сенанк, во время которого в течение трех часов успешно умертвляли свою плоть на придуманных специально для этого каменных монастырских скамьях. Все остальные вечера мы предпочитали проводить на своем заднем дворе, наслаждаясь редкой тишиной.

Однажды голод все-таки выгнал нас из дома. Это случилось после того, как мы обнаружили, что все продукты, предназначенные для обеда, покрыты толстым слоем каменной пыли. Мы решили поесть в простом ресторанчике в Гуле, маленькой, почти безлюдной деревне, не представляющей никакого интереса для туристов. Это почти то же самое, что пообедать дома, только чище, решили мы и отправились в путь, поручив собакам охранять дыры в стенах.

День был безветренным и знойным, и вечером деревенская улица пахла нагретым асфальтом и камнем, сухим розмарином и жарой. И людьми. В тот вечер Гуль справлял свой ежегодный праздник.

Вообще-то в этом не было ничего удивительного, поскольку в августе каждый городок и деревня устраивают какой-нибудь праздник: турнир по игре в *boules*, или гонки на осликах, или барбекю, или ярмарку. Деревья украшаются разноцветными гирляндами, на площади сколачивается деревянный помост для танцев, вокруг него скапливаются цыгане, аккордеонисты и продавцы сувениров, а рок-группы приглашаются из самого Авиньона. На таком празднике можно отлично провести время, но только не в том случае, если вы весь день прожили посреди строительной площадки и к вечеру заработали легкую контузию. Как бы то ни было, всю дорогу до Гуля мы мысленно заказывали себе обед и теперь желали непременно съесть его. Что значат несколько лишних человек на площади по сравнению с салатом из теплых мидий и бекона, цыпленком с имбирем и знаменитым шоколадным тортом местного шефа?

Если в любой другой день года вы увидите на улице Гуля дюжину человек разом, это будет означать, что происходит событие какой-то небывалой важности: похороны или одновременное снижение цен в двух соперничающих мясных лавках. Но этот вечер был исключением: на один день Гуль стал столицей мира и пригласил к себе кучу гостей, по всей видимости не менее голодных, чем мы. Зал ресторана был переполнен. Открытая терраса тоже. У входа толпились голодные пары, ожидая, пока освободится столик. У официантов был загнанный вид. Владелец ресторана Патрик встретил нас усталой, но довольной улыбкой.

— Надо было позвонить заранее, — покачал головой он. — Возвращайтесь часов в десять, что-нибудь придумаем.

Даже в кафе, достаточно просторном, чтобы вместить все население

Гуля, свободными оставались только несколько стоячих мест у бара. Мы взяли стаканы и вышли с ними на улицу. Через дорогу находилась квадратная площадь с памятником жителям деревни, погибшим за Францию в разных войнах. Как и все подобные памятники, он содержался в отличном состоянии, и украшающий его триколор был чистым и выглаженным. В этот вечер монумент окружали ряды временных прилавков. За ними располагались ремесленники со своей керамикой и сувенирами из дерева, продавцы вина и меда, несколько антикваров и художников.

Окна домов вокруг площади были распахнуты, и их обитатели, забыв про телевизоры, с интересом наблюдали за неторопливой процессией,двигающейся вниз. Каменные стены еще отдавали дневное тепло, а люди, уставшие от жары, ступали медленно и лениво, даже не делая попыток втянуть животы или расправить плечи.

На некоторых из прилавков лежали записки, сообщавшие потенциальным покупателям, что продавца при желании можно найти в кафе. Одно самое большое торговое место представляло собой даже не прилавок, а целую комнату на открытом воздухе со столами, стульями, креслами и двумя пальмами в горшках для красоты. За столом с бутылкой вина и раскрытым журналом заказов сидел смуглый черноволосый человек в сандалиях и шортах. Это был месье Од, художник-*feronnier* из Сен-Панталеона, в свое время тоже принимавший некоторое участие в нашем ремонте. Он поздоровался и пригласил нас присесть.

Ferronnier — это мастер, работающий с железом, и в сельской местности он занимается в основном изготовлением решеток на окна и двери, ставней и металлических оград, призванных защитить хозяев от грабителей и разбойников, скрывающихся за каждым кустом.

Но месье Од давно уже перерос это примитивное ремесло и вовремя обнаружил, что существует немалый спрос на копии металлической мебели восемнадцатого и девятнадцатого веков. Он носил с собой целый альбом с фотографиями и рисунками, и если вы хотели кружевную садовую скамейку, или красивую решетку для плиты, или складную кровать, точно такую, как у Наполеона, месье Од готов был изготовить их для вас, а потом и состарить до нужной степени антикварности. Он работал вместе со своим шурином и маленькой коротконогой гончей и был известен тем, что всегда обещал доставить заказ ровно через две недели и доставлял его ровно через три месяца. Мы поинтересовались, как идут дела.

Од гордо постучал по толстому журналу с заказами:

— Я запросто мог бы открыть фабрику. Немцы, парижане, бельгийцы

и все прочие как с цепи сорвались. В этом году все хотят большие круглые столы и такие вот садовые стулья. — Он наклонил стоящий рядом стул, чтобы продемонстрировать нам изящный изгиб ножек. — Беда только, что они желают получить все через два дня, а вы же понимаете... — Он хлебнул вина, оставив предложение незаконченным.

Пара, вот уже несколько минут ходившая вокруг комнаты, подошла и поинтересовалась складными кроватями. Месье Од открыл свой журнал и полизал кончик карандаша.

— Но должен предупредить вас, — сказал он, не моргнув глазом, — что на это потребуется две недели.

Мы сели за столик только около одиннадцати, а добрались домой далеко за полночь. Ночь была душной, тяжелой и странно неподвижной. Дома мы первым делом бросились в бассейн и долго плавали на спине, любуясь звездами. Отличный конец для трудного дня. Откуда-то издалека, со стороны Лазурного берега, донеслись чуть слышные раскаты грома, а в небе сверкнула и погасла крошечная молния. Это была чья-то чужая, нестрашная гроза.

Она добралась до Менерба к утру, еще до рассвета. Мы проснулись от хлопанья незапертых окон и испуганного лая разбуженных собак. Примерно час она стояла прямо над нашим домом, рокотала, взрывалась и неестественно ярким светом заливала виноградники. А потом начался дождь, больше похожий на поток воды из прорванной плотины. Он обрушивался на крышу и двор, просачивался в дом через каминную трубу, затекал в щель под входной дверью. Дождь прекратился уже после рассвета, и тотчас же, как ни в чем не бывало, опять засияло солнце.

Утром выяснилось, что у нас нет электричества. Когда мы собрались позвонить энергетикам, оказалось, что не работает и телефон. Мы обошли вокруг дома, чтобы оценить нанесенный грозой ущерб, и обнаружили, что потоки воды смыли половину нашей подъездной дорожки, а на той, что сохранилась, оставили русла, широкие, как след трактора, и слишком глубокие для колес легковой машины. Однако гроза принесла и два приятных момента: утро было просто чудесным и наши рабочие не явились. Сегодня они будут заняты ликвидацией последствий потопа в собственных домах и хотя бы на день оставят нас в покое. Мы пошли в лес, чтобы прогуляться и проверить, что гроза наделала там.

В лесу мы застали совершенно фантастическую картину: между стволами деревьев из земли, пересохшей за долгие месяцы, поднимались похожие на гейзеры струйки пара, и все это сопровождалось тихим, зловещим шипением. Но солнце опять светило ярко, небо было синим, и

мы вернулись домой, исполненные оптимизма, за что были вознаграждены самостоятельно заработавшим телефоном: нам звонил месье Фруктус, желающий знать, не утонул ли страховой полис.

Мы сообщили ему, что пострадала только подъездная дорожка.

— *C'est bieng*, [\[148\]](#) — успокоил нас он. — Вот у одних моих клиентов на полу в кухне полметра воды. Такое бывает. Август вообще странный месяц.

Мы согласились с ним. Это был действительно странный месяц, и мы радовались, что он подходит к концу и что жизнь скоро вернется в обычную колею: дороги опять станут пустыми, рестораны свободными, а месье Меникуччи наденет брюки.

СЕНТЯБРЬ

Население Люберона заметно сократилось за одну ночь. Почти все *résidences secondaires*^[149] — и среди них несколько прекрасных старых домов — были заперты, ставни в них наглухо закрыты, а столбики ворот в несколько рядов опутаны ржавой цепью. Так они простоят до Рождества. При таком обилии очевидно необитаемых домов неудивительно, что в Воклюзе взломы превратились в своего рода местный промысел. Даже самые бестолковые и нерасторопные воры могли работать спокойно, зная, что впереди у них несколько месяцев. В прошлые годы здесь был совершен ряд довольно оригинальных краж. Из одного из домов вывезли, предварительно разобрав, целую кухню, с другого сняли старинную черепицу, резную антикварную дверь, а со двора украли взрослое оливковое дерево. Складывалось впечатление, что вор, знаток и любитель старины, задумал украсить собственный дом лучшим, что можно найти в округе. Не исключено, что именно он утащил и наш почтовый ящик.

Мы опять начали встречаться с нашими местными приятелями, освободившимися от засилья гостей. Все они постепенно приходили в себя и делились друг с другом страшными и удивительно похожими историями, большая часть которых так или иначе была связана с деньгами или с канализацией. Слушая их, мы заметили, что самые разные гости на удивление часто использовали одни и те же фразы. Так был составлен список Самых популярных высказываний августа.

«Что значит „не принимают кредитные карты“? Кредитные карты должны принимать везде!»

«В туалете какой-то странный запах».

«Водка кончилась».

«Вы не могли бы заплатить? А то у меня только пятисотфранковые банкноты».

«Не расстраивайтесь. Как только мы вернемся в Лондон, я пришлю вам точно такую же».

«Я понятия не имел, что фекальные цистерны такие хрупкие».

«Не забудьте потом написать мне, сколько я вам должен за эти звонки в Лос-Анджелес».

«Мне ужасно неудобно, что мы тут отдыхаем, а у вас столько хлопот».

«Виски кончилось».

Слушая бесконечные истории о забитых фановых трубах, выпитом за неделю годовом запасе бренди, бокалах, разбившихся в бассейне, о волчьем аппетите и наглухо закрытых кошельках гостей, мы начинали понимать, что с нами август обошелся относительно милосердно. Конечно, наш дом серьезно пострадал, но не меньше пострадали и дома наших друзей. По крайней мере, нам не приходилось обеспечивать Меникуччи с компанией жильем, едой и развлечениями.

Начало сентября было чем-то похоже на вторую весну. Дни стояли сухие и жаркие, а ночи — прохладные, и воздух, очистившись от душного августовского марева, опять стал восхитительно прозрачным. Обитатели нашей долины, воспрянув от спячки, вернулись к своему главному делу. Теперь каждое утро они ряд за рядом обходили виноградники, внимательно вглядываясь в созревающие гроздья.

Фостен занимался тем же: он взвешивал тяжелые кисти в ладони, поглядывал на небо и задумчиво цыкал зубом. Я поинтересовался, не пора ли собирать урожай.

— Хорошо бы им еще немного попечья, — вздохнул он, — но в сентябре нельзя полагаться на погоду.

Столь же недоверчиво он относился к погоде и во все остальные

месяцы года и всегда говорил о ней с той безнадежной покорностью, с какой говорят крестьяне по всему миру, когда дают вам понять, как тяжело достается хлеб тем, кто добывает его на земле. Все стихии, сговорившись, ополчаются против них: ветер, дождь, солнце, сорняки, вредители, правительство; в каждой бочке непременно находится большая ложка дегтя, и, мне кажется, они испытывают даже удовольствие, предрекая грядущие несчастья.

— Можно одиннадцать месяцев в году делать все правильно, а потом — пуф! — один дождь, и урожай годится только на виноградный сок.

«*Jus de raiseng*»^[150] Фостен произнес с таким отвращением, что стало ясно: он охотнее оставит испорченный урожай гнить на ветках, чем согласится тратить время на сбор винограда, негодного даже на *vin ordinaire*.^[151]

Злодейка-судьба подкинула и еще одну лишнюю проблему в его и без того полную заботами и огорчениями жизнь: на нашей земле урожай приходилось собирать в два приема, поскольку на пятистах лозах у нас рос столовый виноград, который созревает раньше, чем *raisins de cuve*.^[152] С этой *un emmerdement*^[153] Фостен мирился только потому, что за столовый виноград платили очень хорошие деньги. И все-таки собирать урожай два раза означало дважды призывать на свою голову всевозможные несчастья и бедствия, которые, по убеждению Фостена, не замедлят явиться. Я пошел домой, а он остался качать головой и ворчать, поминая Господа.

В отличие от Фостена, Меникуччи теперь ежедневно радовал нас хорошими новостями: работа над центральным отоплением подходила к концу. В ожидании дня, когда можно будет запустить котел, сам мастер волновался все больше и больше. Три раза он напоминал мне, что надо заказать топливо, и пожелал лично присутствовать при заполнении бака, дабы убедиться, что в топливе нет посторонних тел и примесей.

— *Il faut très attention*,^[154] — поучал он поставщика горючего, тыча в того пальцем. — Самая маленькая частичка *cochonnerie*^[155] может испортить мою горелку и забить электроды. Я думаю, самым разумным будет профильтровать топливо перед закачкой в бак.

Поставщик немедленно распалился и, не уступая Меникуччи, затряс у него перед носом своим испачканным в масле пальцем с траурным ободком под ногтем:

— Мое топливо уже отфильтровано трижды. *C'est impeccable*.^[156] — Он собрался было поцеловать кончики пальцев, но вовремя передумал.

— Посмотрим, — без всякой уверенности проворчал Меникуччи, —

посмотрим.

Он критически посмотрел на сливной наконечник шланга, и поставщик демонстративно вытер его очень грязной тряпкой, после чего засунул в бак. Пока горючее заливалось, Меникуччи прочитал поставщику подробную и полную технических терминов лекцию о принципах работы горелки и котла. Тот слушал ее без особого интереса и лишь изредка мычал: «*Ah bon?*»^[157] Когда был закачан последний литр, Меникуччи повернулся ко мне:

— Сегодня днем проведем первое испытание. — Вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и он с ужасом в голосе осведомился: — Вы ведь никуда не уйдете? Вы с мадам будете дома?

Только очень жестокосердый человек смог бы в столь торжественный момент оставить Меникуччи без аудитории. Мы с женой пообещали, что никуда не уйдем и будем с нетерпением ждать двух часов.

Без пяти два мы все собрались в помещении, раньше, вероятно, служившем спальней для осликов, а теперь превращенном Меникуччи в мозговой центр всего отопительного комплекса. Вдоль стены располагались котел, горелка и водяной бак, соединенные тонкими медными пуповинами, а из котла веером поднимались и уходили в потолок несколько ярко покрашенных труб — синие для холодной воды, красные для горячей — *très logique*.

Краны, клапаны, датчики и выключатели яркими, чужеродными пятнами выделялись на сером камне стен и ждали мастера, который вдохнет в них жизнь. Все это казалось невероятно сложным, и я имел глупость сказать об этом Меникуччи.

Он счел мое замечание критическим и в течение десяти минут демонстрировал мне изумительную простоту системы: щелкал выключателями, открывал и закрывал клапаны, крутил ручки приборов и в итоге запутал меня окончательно.

— *Voilà!* — воскликнул он, последний раз ткнув в выключатель. — Ну, раз вы все поняли, можно начинать. *Jeune*, внимание!

Чудовище проснулось, заворчало и защелкало.

— *La brûleur*,^[158] — любовно объяснил Меникуччи и в десятый раз подкрутил какую-то ручку. Раздался хлопок и потом приглушенный рев. — Есть горение! — Он ликовал так, будто запустил космический корабль. — Через пять минут все радиаторы в доме станут горячими. Идемте!

Он протащил нас по всему дому и настоял, чтобы мы потрогали каждую батарею.

— Вы видите? Теперь вы сможете целую зиму ходить в *chemise*.^[159]

К этому времени мы все уже сильно вспотели. Снаружи было двадцать семь градусов, а внутри, со шпарящим на полную мощность отоплением, не меньше пятидесяти. Я попросил Меникуччи выключить его агрегат, пока все мы не умерли от обезвоживания.

— *Ah non*. Он должен проработать сутки, чтобы мы удостоверились, что нет протечек. Ничего не трогайте до завтра. Я приду и все проверю. Отопление обязательно должно работать с максимальной нагрузкой.

Он ушел, оставив нас плавиться и вдыхать запах раскаленного железа, краски и камня.

Если в один из уик-эндов в начале сентября вы случайно окажетесь в Любероне, то, наверное, подумаете, что здесь проводится генеральная репетиция Третьей мировой войны. На самом деле это всего лишь официальное начало осеннего охотничьего сезона, когда каждый француз, в жилах которого течет кровь, а не вода, взяв с собой ружье, собаку и доставшийся ему от давних предков инстинкт охотника, отправляется в горы в поисках дичи. Первая примета надвигающегося сезона пришла к нам по почте в виде рекламной брошюры устрашающего содержания. Магазин оружия в Вэзон-ля-Ромэн предлагал полный спектр орудий убийств по пока еще низким ценам. В брошюре имелось больше полусотни фотографий, и даже мой охотничий инстинкт, пребывавший в спячке с самого рождения, ожил и зашевелился при одной только мысли об обладании «Верней-Каррон гранд бекассером» или «Ругер.44 магнумом» с электронным прицелом. Жена, имевшая веские основания не доверять моему умению обращаться с колющими, режущими и стреляющими предметами, резонно заметила, что для того, чтобы попасть себе в ногу, электронный прицел вряд ли понадобится.

Когда-то нас обоих удивила любовь французов к оружию. Дважды в домах двух самых смирных и некровожадных приятелей нам демонстрировали целые арсеналы: в одном имелось пять винтовок различных калибров, а в другом — восемь, начищенных, смазанных и выставленных в специальном шкафчике в гостиной, будто произведения искусства. Зачем человеку может понадобиться восемь ружей? Откуда он знает, какое из них брать с собой? Или он тащит все восемь, как клюшки для гольфа, и достает «.44 магнум», если встретит леопарда или лося, и «бэби бреттон» при виде кролика?

Через некоторое время мы сообразили, что любовь к оружию — это всего лишь проявление национальной страсти к снаряжению и

аксессуарам. Типичный француз непременно желает выглядеть экспертом всегда и во всем, и когда он решает заняться теннисом, велосипедным спортом или горными лыжами, то больше всего опасается, что его ошибочно сочтут новичком. Поэтому первым делом он приобретает профессиональное снаряжение. Это очень просто, а главное — быстро. Несколько тысяч франков — и его уже невозможно отличить от прославленного аса, участника Уимблдонского турнира, Зимних олимпийских игр или Тур-де-Франс. А когда дело касается *la chasse*,^[160] выбор аксессуаров практически неисчерпаем, и к тому же все они имеют особенно опасный и мужественный вид.

Мы вдоволь налюбовались на них незадолго перед открытием сезона на рынке в Кавайоне. Прилавки там сделались похожими на небольшие военные склады: они были завалены патронташами и кожаными ружейными ремнями; жилетками с тысячью карманов на молнии и специальными мешками для дичи, *très pratique*,^[161] потому что с них легко состирываются пятна крови; сапогами и высокими ботинками на шнуровке вроде тех, что носят наемники в Конго; устрашающего вида ножами с девятидюймовым лезвием и компасом, вставленным в рукоятку; легчайшими алюминиевыми флягами вроде бы для воды, но на самом деле для *pastis*; какими-то сложными ремнями с металлическими кольцами и специальной петлей для штыка, вероятно, на тот случай, если боеприпасы кончатся и дичь придется уничтожать холодным оружием; камуфляжными шапками и штанами; складными полевыми примусами и упаковками с сухим пайком. Здесь было все, что может понадобится человеку, решившему бросить вызов диким лесным тварям, за исключением самого важного охотничьего аксессуара — того, что оснащен четырьмя ногами и носом, заменяющим радар.

Выбор *chiens de chasse*^[162] — это чересчур тонкий вопрос, и ее не следует покупать просто так, через прилавок. Нам говорили, что ни один серьезный охотник никогда не приобретет щенка, не познакомившись сначала с обоими его родителями. Судя по виду многих знакомых нам охотничьих псов, найти их отцов было бы крайне затруднительно, но среди всех невероятных гибридов все-таки существуют три более-менее выраженных типа: собаки грязно-рыжего цвета, напоминающие большого спаниеля; собаки, похожие на невысоких, вытянутых в длину гончих бигль; и собаки, принадлежащие к другой разновидности гончих, — высокие, худые как велосипед, с морщинистыми, скорбными мордами.

Каждый охотник считает свою собаку уникально одаренной, и у

каждого в запасе имеется как минимум пара историй о ее невероятной храбрости и выносливости. Слушая эти байки, мы постепенно прониклись уверенностью, что все охотничьи собаки отличаются невероятным умом, верностью и послушанием, и нам не терпелось увидеть их в действии в первый день сезона. Возможно, вдохновленные их примером, и наши собаки наконец займутся делом, вместо того чтобы целыми днями гонять ящериц и нападать на старые теннисные мячи.

Охота в нашей части долины началась после семи утра оглушительной канонадой, доносящейся сразу с четырех сторон. Судя по интенсивности стрельбы, каждый, высунувший нос из дома, подвергал себя смертельной опасности, поэтому, отправляясь на прогулку с собаками, я захватил белый носовой платок, чтобы в случае необходимости сразу же сдать. Крайне осторожно мы пошли по тропинке, что начиналась за домом и вела в деревню, надеясь, что любой охотник, не пожалевший деньги на лицензию, постарается удалиться от прохоженных троп и углубиться в чащу выше на склоне.

Первое, на что мы обратили внимание в лесу, — это молчание птиц. Похоже, все опытные и сообразительные пернатые при звуке первых же выстрелов поспешили убраться в более безопасное место вроде Северной Африки или центра Авиньона. В былые лихие времена на ветках деревьев развешивали клетки с птицами, чтобы те пением подманивали своих диких сородичей на расстояние выстрела, но сейчас такой способ охоты запрещен, и охотникам приходится полагаться только на знание леса и повадок крылатой дичи.

В тот день мы увидели такое количество охотников, собак и оружия, что его было бы вполне достаточно для уничтожения всей популяции кроликов и дроздов на юге Франции. Однако охотники не спешили углубиться в лес и вообще не уходили далеко от тропинки. Шумными кучками они собирались на полянках и в просветах между деревьями, курили, смеялись, прихлебывали из фляжек, отрезали большими ножами куски *saucisson*, но никакой активной охоты, то есть единоборства человека и дрозда, мы не заметили. Возможно, охотники израсходовали все свои патроны во время утреннего салюта.

А вот собакам, в отличие от хозяев, не терпелось заняться делом. После долгих месяцев, проведенных взаперти, свобода и лесные запахи ударили им в голову, и псы описывали широкие круги вокруг охотников, не отрывая носов от земли и дрожа от возбуждения. На каждой собаке был толстый ошейник с маленьким бронзовым колокольчиком — *la clochette*. Эти колокольчики, как нам объяснили, имели двойное назначение: во-

первых, по их звону владелец мог определить, с какой стороны собака гонит на него дичь, и правильно прицелиться, а во-вторых, они спасали собакам жизнь, потому что благодаря им охотники понимали, что в кустах шуршит не кролик или кабан, а их собственный пес. *Naturelement*, ни один серьезный охотник и без того не станет стрелять в дичь, которую не видит, — так мне, по крайней мере, говорили. Но лично я не был до конца в этом уверен. После всех выпитых с утра фляжек с *pastis* и *marc* шуршание в кустах может стать для стрелка непреодолимым соблазном, а ведь виновником этого шуршания может оказаться и человек. А этим человеком вполне могу оказаться я. Возможно, на всякий случай мне тоже стоило нацепить колокольчик.

Еще одно назначение *clochette* стало очевидным ближе к полудню: он помогал владельцам отыскать своих псов и таким образом избежать позорного возвращения с охоты в одиночку. На деле охотничьи собаки оказались бродягами и разгильдяями, а вовсе не теми дисциплинированными и верными спутниками человека, какими мы их себе представляли. Они подчинялись только зову своего носа, абсолютно не следили за временем и категорически отказывались прерывать охоту ради ланча. Конечно, колокольчик не гарантировал, что собака прибежит по первому зову хозяина, но он помогал хотя бы примерно определить, где она находится.

Вскоре после одиннадцати одетые в камуфляж фигуры двинулись мимо нашего дома к своим машинам, оставленным у дороги. Только немногие из них возвращались с собаками. Остальные свистели и безнадежно кричали в сторону доносящегося из леса перезвона колокольчиков: «*Vieng ici! Vieng ici!*»^[163]

Большинство призывов оставались без ответа, и голоса хозяев становились все громче и раздраженнее. В конце концов охотники сдавались и ехали домой без собак.

Немного позже трое брошенных псов прибежали к нам, чтобы попить воды из бассейна, и остались на ланч. Своим лихим видом и экзотическим запахом они совершенно вскружили голову двум нашим сукам. Мы заперли гостей во дворе и задумались о том, как же вернуть их хозяевам. За консультацией пришлось обратиться к Фостену.

— Не беспокойтесь, — посоветовал он. — Можете их отпустить. Охотники вечером вернуться и, если не найдут своих собак, оставят *coussin*.^[164]

Это всегда срабатывает, сказал нам Фостен. Если собака потерялась в

лесу, просто оставьте что-то с запахом псарни — подушку или кусок тряпки — в том месте, где видели ее в последний раз. Рано или поздно она вернется к знакомому запаху и будет ждать там, чтобы ее забрали.

Мы выпустили своих гостей, и они умчались прочь, подвывая от возбуждения. Это был совершенно особый звук, не похожий ни на лай, ни на вой, а скорее напоминающий жалобное всхлипывание гобоя.

— Эти вернутся дня через три, — покачал головой Фостен. Сам он не охотился и с глубоким недоверием относился к охотникам и их собакам, шастающим вокруг его драгоценных виноградников.

Еще Фостен сообщил нам, что, по его мнению, пришло время собирать столовый виноград. Они начнут, как только Анриетта произведет техобслуживание *camion*.^[165] Механиком у них в семье числилась жена, и каждый сентябрь перед ней вставала практически невыполнимая задача вытрясти еще несколько километров из старого грузовичка, предназначенного для перевозки винограда. Ему исполнилось как минимум тридцать лет, а может, и больше — Фостен не мог вспомнить, когда он появился у них в семье. У грузовичка были тупой, вздернутый нос, открытые борта, совершенно лысая резина и болезнь Паркинсона. Он утратил техническую годность уже много лет назад, но вопрос о покупке нового не стоял. Да и деньги на ремонт в мастерской Фостен тратить не собирался, если собственная жена делает это не хуже профессионалов. Грузовичок использовался всего несколько недель в году, и Фостен старался избегать оживленных дорог, чтобы случайно не натолкнуться на приставучих *flics*^[166] из участка в Ле-Бомет с их нелепыми требованиями относительно исправности тормозов и наличия страховки.

Усилия Анриетты увенчались успехом, и как-то утром грузовичок, нагруженный низкими деревянными ящиками, пропыхтел мимо нашего дома по направлению к винограднику. Ящики столбиками расставили в начале каждого ряда, а Фостен, Анриетта и их дочка вооружились ножницами и принялись за дело.

Это была медленная и физически изматывающая работа. Внешний вид столового винограда не менее важен, чем его вкус, поэтому каждую гроздь следовало внимательно осмотреть и отщипнуть с нее все поврежденные или испорченные ягоды. Кисти росли низко, иногда касаясь земли, и хитро прятались за листьями. Сборщикам приходилось присаживаться на корточки, отыскивать и срезать кисть, выпрямляться, изучать ее, ощипывать лишнее и укладывать в ящик, а потом опять опускаться на корточки — в итоге они продвигались за час не больше чем на несколько

метров. Жара стояла немилосердная, и снизу их припекало жаром, поднимающимся от раскаленной земли, а сверху солнце жгло шеи и плечи. Ни пятнышка тени, ни ветерка, ни короткого отдыха за весь десятичасовой рабочий день, не считая перерыва на ланч. После того как я увидел все это, вид лежащей в вазе кисти винограда неизменно вызывает у меня мысли о боли в спине и солнечном ударе. Уже в восьмом часу, измотанные, разгоряченные, но довольные, они зашли к нам выпить по стаканчику. Столовый виноград удался и дня через три-четыре будет собран.

Я спросил у Фосгена, нет ли у него претензий к погоде. Он сдвинул на затылок шляпу, и я заметил, что половина лба у него темно-коричневая, а другая — совершенно белая.

— Погода даже слишком хороша, — пробурчал он. — Так долго не протянется.

Он отхлебнул *pastis* и нахмурился, видимо представив себе широкий спектр грядущих несчастий: заморозки, грозу, ураганы, налет саранчи, лесной пожар и ядерный взрыв. Что-то из вышеперечисленного непременно должно случиться до сбора второго урожая. А если и не случится, Фостен всегда мог утешить себя тем, что доктор недавно посадил его на строгую диету для понижения холестерина. Одного этого вполне достаточно, для того чтобы пасть духом. Вспомнив, что судьба уже успела сдать ему черную карту, Фостен ободрился и выпил второй стаканчик *pastis*.

Я не сразу привык к тому, что теперь у нас имеется особое помещение для хранения вина — не бар, не буфет, не крошечная каморка под лестницей, забитая всяким хламом, а настоящий *cave*.^[167] Там были всегда прохладные каменные стены, засыпанный гравием пол и достаточно места для четырехсот бутылок. Я обожал его. Я твердо решил наполнить его вином. Наши многочисленные гости и друзья столь же твердо решили опустошить его. Таким образом у меня регулярно появлялся повод для визитов на разнообразные виноградники. Мои друзья не должны страдать от жажды.

Во имя гостеприимства, а также из любознательности я посетил Жигонду, Бом-де-Вениз и Шатонеф-дю-Пап. Все они оказались просто большими деревнями, в которых думали и говорили только о вине. *Caves*, рекламирующие свой товар, попадались через каждые пятьдесят метров. *Dégustez nos vins!*^[168] Подобные предложения вызвали у меня неизменный энтузиазм. Я проводил *dégustations* и в гараже в Жигонде, и в

замке неподалеку от Бом-де-Вениз. Я отыскал место, где бархатистый и выразительный Шатонеф-дю-Пап бесцеремонно разливали автомобильным насосом по пластиковым бутылкам и продавали по тридцать франков за литр. В другом, дорогом и претенциозном заведении я захотел попробовать *marc*, и из хрустального пузырька мне уронили одну каплю на тыльную сторону ладони — я так и не понял, что с ней надо было делать: лизать или нюхать.

Через какое-то время я стал без остановки проезжать деревни и сворачивать с шоссе там, где малозаметные, иногда скрытые деревьями надписи указывали дорогу на виноградники — туда, где зрели на солнце грозди и вино продавали те самые люди, что его делали. Все они были гостеприимны, все без исключения гордились своей работой, и знакомство с ними было лучше любой рекламы.

Как-то днем, выехав из Вакейра, я свернул с главной дороги и поехал по каменистой узкой тропинке, бегущей по винограднику. Мне сказали, что там я найду производителя белого Кот-дю-Рон, понравившегося мне за ланчем. Пара ящиков заполнят брешь в моем *save*, сделанную во время последнего набега друзей. Я собирался заехать туда минут на десять, купить вино и возвращаться домой.

Тропинка вывела меня к группе невзрачных строений, образующих каре. Перед ними на широком, вытоптанном дворе гигантский платан отбрасывал густую тень. Сонная овчарка, заметив меня, пару раз неохотно тявкнула. Видимо, она заменяла здесь дверной звонок. От стоящего рядом трактора отделился человек в комбинезоне с грязными свечами зажигания в руках. Для пожатия он протянул мне локоть.

Я хочу купить вина? Да, конечно. Сам-то он сейчас занят — ремонтирует трактор, но обо мне позаботится его дядя.

— *Edouard! Tu peux servir ce monsieur?*^[169]

Занавеска из нанизанных на нитки бусин на входной двери раздвинулась, и из-за нее, щурясь на солнце, вышел дядюшка Эдуард. На нем были безрукавка, синие рабочие штаны и ковриковые шлепанцы. С первого взгляда неизгладимое впечатление производила толщина его стана, приближающаяся к толщине платана, но даже она меркла по сравнению с его носом. Я, во всяком случае, такого еще никогда не видал: мясистый, широкий, среднего между розовым вином и кларетом цвета, он был испещрен сетью красных прожилок, сбегających на щеки. Несомненно, передо мной стоял человек, беззаветно любящий свою работу.

Он широко улыбнулся:

— *Bon. Une petite dégustation.*^[170]

Проведя меня через широкий двор к длинному зданию без окон, дядюшка Эдуард откатил тяжелую дверь и попросил подождать, пока он включит свет. Я не видел перед собой ничего, кроме черноты, но зато чувствовал запах, который невозможно ни с чем перепутать — кислый и волнующий запах бродящего винограда.

Эдуард щелкнул выключателем и закрыл дверь, чтобы не впускать внутрь тепло. В свете единственной тусклой лампочки увидел длинный стол на козлах и десяток стульев вокруг него. В дальнем углу чернели ступени лестницы, ведущей в погреб, и пологий скат для бочек. Вдоль стен на деревянных поддонах стояли ящики с вином, а рядом с потрескавшейся раковиной уютно мурлыкал старенький холодильник.

Дядюшка Эдуард тщательно протирал стаканы, подносил каждый к свету, несколько секунд любовался на него и только потом ставил на стол. Так он выстроил в ряд семь стаканов, а за ними такой же ровной шеренгой — семь бутылок, каждая из которых удостоилась нескольких добрых слов:

— Это белое месье уже известно, так? Очень славное молодое вино. Обратите внимание на это розовое — оно совсем не похоже на ту жидкую водичку, что подают на Лазурном берегу. В нем тринадцать градусов — это настоящее вино. А вот это красное совсем легкое, можно спокойно выпить бутылку и идти играть в теннис. А это, наоборот, вино для зимних холодов, и оно может храниться десять лет и больше. А еще...

Я попытался остановить его. Я объяснял, что хочу купить всего два ящика белого вина, но дядюшка Эдуард не желал меня слушать. Раз уж месье потрудились лично приехать на виноградник, он просто не может уехать, не попробовав всего, что у них имеется. Да и сам дядюшка Эдуард охотно присоединился бы к дегустации. Он положил тяжелую руку мне на плечо и заставил сесть.

Мне не пришлось пожалеть о том, что я остался. Дядюшка Эдуард рассказал мне, в каком именно месте виноградника растет тот или иной виноград, и объяснил, почему вино с некоторых склонов получается крепче, а с других — легче. Дегустация каждого сорта сопровождалась подробнейшими рекомендациями относительно меню, давая которые, он вкусно причмокивал губами и мечтательно закатывал глаза. Мы мысленно отведали *écrevisses*^[171] и лососины со щавелем, цыпленка из Бресса, запеченного с розмарином, и жареного на вертеле ягненка с густым чесночным соусом, *estouf-fade*^[172] из говядины с оливками, *daube* и свиную вырезку, напигигованную трюфелями. Каждое новое вино было лучше

предыдущего и, соответственно, дороже. Я попал в руки настоящего мастера, и мне оставалось только сидеть и наслаждаться.

— Вы непременно должны попробовать еще вот это, — не допускающим возражений тоном заявил дядюшка Эдуард, — хотя оно и не на всякий вкус. — Он аккуратно налил мне полстаканчика. Вино было темно-красным, почти черным. — Это вино с сильным характером. Погодите. К нему надо *une bonne bouche*.^[173] — Он куда-то ушел, а я остался в окружении бутылок и стаканов, уже начиная ощущать первые последствия дневного пьянства.

Скоро дядюшка Эдуард ввергнулся обратно и поставил передо мной тарелочку с двумя маленькими шариками козьего сыра, обсыпанного травами и блестящего от масла:

— *Voilà*.

Он протянул мне ножик со старой деревянной ручкой и стал внимательно наблюдать за тем, как я отрезаю кусочек и кладу его в рот. Сыр оказался таким острым, что у меня перехватило дыхание. Теперь мой рот был должным образом подготовлен, и вино показалось мне нектаром.

Дядюшка Эдуард помогал мне грузить ящики в машину. Неужели я в самом деле все это купил? Как выяснилось, мы с ним пропировали в темноте больше двух часов, а за это время можно было сделать и не такое. Голова трещала и раскалывалась, но перед отъездом я пообещал, что непременно приеду к ним в следующем месяце на *vendange*.

Наш собственный *vendange* — пик фермерского сезона — пришелся на последнюю неделю сентября. Фостен предпочел бы отложить его еще на несколько дней, но, по полученной им строго конфиденциальной информации, октябрь ожидался сырой.

Бригада из трех человек, собиравшая столовый виноград, на этот раз была усилена кузенком Раулем и отцом Фостена. Обязанность последнего заключалась в том, что он шел по пятам за сборщиками, ворошил своей палкой ветки уже обобранных кустов и, если находил пропущенную гроздь, удивительно зычным для своих восьмидесяти четырех лет голосом призывал виновного вернуться и доделать работу. В отличие от всех остальных, одетых в шорты и безрукавки, папаша Андре, будто в ноябре, вырядился в свитер, фуражку и плотный хлопчатобумажный костюм. Когда появилась моя жена с фотоаппаратом, он тотчас же снял фуражку, пригладил волосы и, стоя по пояс в винограде, принял картинную позу. Как и все наши соседи, папаша Андре обожал фотографироваться.

Работа двигалась шумно и медленно. Собранные кисти укладывались в пластиковые ящики, а ящики — в кузов машины. Теперь каждый вечер по

дороге мимо нашего дома тянулись грузовики и тракторы, везущие горы багряного груза в Мобек — там в кооперативе его взвешивали и определяли содержание алкоголя в ягодах.

К непритворному удивлению Фостена, урожай был собран без всяких происшествий, и, чтобы отпраздновать это, он пригласил нас присоединиться к нему во время доставки последней партии.

— Сегодня вечером нам скажут окончательный результат, — объяснил он, — а вы узнаете, сколько сможете выпить в будущем году.

Мы сели в машину и следом за грузовичком поехали прямо на закат со скоростью двадцать миль в час. Узкие дороги, которые выбирал Фостен, были усыпаны раздавленными красными гроздьями. На разгрузке скопилось длинная очередь. Грузные мужчины с загорелыми, бурыми лицами задом подгоняли трактора к крутому скату и вываливали на него свой груз — виноград отправлялся в долгое путешествие, которое закончится внутри бутылки.

Фостен разгрузился, и вместе с ним мы зашли в большой сарай, где наш виноград засыпали в огромные баки из нержавеющей стали.

— Смотрите вот на этот датчик, — сказал Фостен. — Он показывает содержание алкоголя.

Стрелка подергалась и замерла на двенадцати целых тридцати пяти сотых градуса. Фостен что-то пробурчал. Он надеялся на двенадцать с половиной, и несколько лишних дней на солнце, возможно, добавили бы недостающие пятнадцать сотых, но, с другой стороны, и двенадцать градусов считались вполне приличной крепостью. Он подвел нас к учетчику, регистрирующему сданный груз, и долго сверял цифры на доске с собственными добытыми из кармана записями. Потом он удовлетворенно кивнул. Все было правильно.

— Ну, от жажды вы не умрете. — Фостен сделал характерный провансальский жест, означающий выпивку: четыре пальца сжаты в кулак, а оттопыренный большой указывает на рот. — Больше тысячи двухсот литров.

Похоже, год оказался удачным, и мы поделились своей радостью с Фостеном.

— Что ж, — пожал плечами он, — хорошо хоть дождя не было.

ОКТАБРЬ

Человек внимательно вглядывался в мох и легкую поросль травы на корнях старого дуба. На одной ноге у него был высокий зеленый сапог, а на другой — кроссовка. В руках он держал длинную палку и синюю пластиковую корзину.

Вдруг человек шагнул вперед обутой в сапог ногой и, сделав резкий выпад, ткнул палкой в мох и сразу же отдернул ее. Он был похож на фехтовальщика, ожидающего быстрого и опасного ответа на свою атаку. Потом еще один шаг резиновой ногой, выпад, отступление, еще выпад. Он был так увлечен этой дуэлью, что долго не замечал, что я не менее увлеченно наблюдаю за ним с тропинки. Потом одна из собак не выдержала, подошла к нему поближе и с интересом понюхала ту ногу, что была в кроссовке.

Человек вздрогнул, подпрыгнул — *merde!* — и смутился, увидев меня и собак. Я извинился за то, что мы напугали его.

— А я уж подумал, на меня напали.

Интересно, кто, по мнению человека, стал бы нюхать его ногу, перед тем как напасть? Я спросил, что он ищет.

— *Les champignons*, ^[174] — ответил человек, показывая мне корзинку.

Такой ответ удивил и немного обеспокоил меня. Конечно, я знал, что Люберон — это странное место, где происходят странные вещи и живут странные люди. Но чтобы грибы нападали на взрослого человека?! Я поинтересовался, действительно ли они так опасны.

— Есть даже смертельные, — ответил человек.

Это-то я знал и без него, но все-таки не мог понять, зачем понадобились резиновый сапог и манипуляции с палкой. Рискую показаться очередным городским дурачком, я все-таки указал на обутую в сапог ногу и спросил:

— А это для защиты?

— *Mais oui*.

— А против чего?

Человек похлопал своей деревянной шпагой по голенищу и сразу же стал похож на д'Артаньяна с пластиковой корзиной. Сделав еще один выпад в сторону кустика тимьяна, он подошел ко мне ближе.

— *Les serpents*, — объяснил он страшным шепотом. — Они как раз готовятся к зиме. Стоит змей потревожить, и они — ш-ш-ш! — нападают. Может плохо кончиться.

Он показал мне содержимое своей корзины, добытое с риском для жизни и конечностей. Мне все эти дары леса, среди которых встречались даже темно-синие и ярко-оранжевые экземпляры, показались жутко ядовитыми. Они были совсем непохожи на приличные кремово-белые шампиньоны, продающиеся в магазинах. Незнакомец поднес корзинку к самому моему носу, и я вдохнул то, что он называл «экстрактом гор». К моему удивлению, запах был хороший — богатый, земной, съедобный, — и я вгляделся в грибы попристальнее. Я уже неоднократно видел все их в лесу и из-за ядовитой окраски полагал, что они сулят мгновенную смерть. Мой новый знакомый в сапоге заверил меня, что они не только безопасны, но и очень вкусны.

— Но, — указал он, — надо уметь отличать ядовитые. Их всего два-три вида. Если не уверены, лучше отнести их в аптеку.

Раньше мне никогда не приходило голову, что, перед тем как попасть в омлет, грибы должны пройти клиническую проверку, но, поскольку жизнью французов управляет желудок, в этом нет ничего странного.

Во время следующего визита в Кавайон я обошел все тамошние

аптеки. Как я и ожидал, они все временно превратились в грибные консультационные центры. В витринах, где раньше были выставлены хирургические биндажи и картинки, на которых юные красотки боролись с целлюлитом на худых загорелых бедрах, теперь висели таблицы с изображением и описанием грибов. Некоторые аптеки пошли еще дальше и завалили все прилавки грибными справочниками и энциклопедиями.

Я видел, как люди с испачканными землей сумками предъявляли их содержимое эксперту в белом халате с такой тревогой, словно сдавали анализы на редкое и опасное заболевание. Аптекарь с серьезным и строгим видом рассматривал предъявленную ему добычу и выносил приговор. Подозреваю, что это занятие нравилось ему гораздо больше, чем продажа клистиров и средств для укрепления печени. Я так увлекся наблюдением за нравами, что чуть было не забыл о цели своего визита в Кавайон. Я приехал сюда не для того, чтобы шляться по аптекам, а чтобы купить хлеб в местном хлебном храме.

Жизнь во Франции превратила нас с женой в настоящих хлебоманов, и ежедневный процесс выбора и покупки выпечных изделий доставлял нам неизменное удовольствие. Деревенская пекарня в Менербе работала когда хотела — «Мадам откроет, когда закончит свой *toilette*», — заявили мне как-то, — и именно поэтому мы решили попробовать булочные и в других деревнях. Первый же опыт стал для нас настоящим откровением. Много лет мы считали хлеб более-менее стандартным и довольно скучным продуктом, а теперь словно открыли его заново.

Мы попробовали и плотные буханки из Люмьера, более плоские и тяжелые, чем обычный *baguette*, и *boules*^[175] с темно-коричневой корочкой из Кабрьера, большой, как расплющенный футбольный мяч. Мы узнали, какой хлеб может храниться день и больше, а какой черствеет через три часа; из какого получаются самые вкусные *croûtons*,^[176] а какой лучше намазывать *rouille*^[177] и макать в рыбную похлебку. Мы сначала удивлялись, а потом привыкли к тому, что шампанское выставляется на витрину вместе с пирожными или крошечными пирожками, которые пекутся каждое утро, а к полудню все оказываются проданными.

У большинства пекарен имелся свой фирменный знак, отличающий их изделия от стандартной продукции из супермаркетов: небольшое изменение обычной формы батона или лишняя хрустящая завитушка, особый орнамент на корочке внизу — так пекари-художники подписывали свои произведения. Скоро мы совершенно забыли, что на свете существует нарезанный, упакованный, испеченный машиной хлеб.

В Кавайоне работают семнадцать пекарен, зарегистрированных в *Pages Jaunes*,^[178] но нам сказали, что одно из этих заведений превосходит все остальные как качеством, так и выбором продукции. «Ше Озе», уверяли нас, это настоящий *palais de pain*,^[179] там выпечка и поедание изделий из теста возведены в статус религии.

Когда на улице было тепло, на тротуаре перед пекарней расставляли столы и столики, и тогда местные матроны могли, сидя за чашечкой горячего шоколада с миндальным печеньем или клубничным пирожным, не торопясь решить, какой хлеб они выберут к сегодняшнему ланчу и обеду. Чтобы помочь им сделать выбор, Озе печатает подробнейшее хлебное меню: *Carte de Pain*. Я взял его с прилавка, заказал чашку кофе, уселся на солнышке и начал читать.

Для меня это меню стало очередным шагом в познании Франции. Оно не только познакомило меня с видами хлеба, о существовании которых я раньше не подозревал, но и с величайшей точностью и твердостью обозначило, для какого блюда каждый из них предназначен. Закуску к *apéritif* я должен был выбрать между крошечными квадратными *toasts*, *pain surprise*,^[180] посыпанным мелко нарубленным беконом, или вкуснейшими *feuilletés salés*.^[181] Это было несложно. Гораздо труднее становилось, когда дело доходило до основных блюд. Допустим, я хотел начать с *crudités*.^[182] Тогда мне пришлось бы делать выбор между луковым хлебом, чесночным хлебом, хлебом с оливками или хлебом с рокфором. Чересчур сложно? Тогда лучше начать с морепродуктов, потому что к ним, по авторитетному утверждению Озе, полагался только один хлеб — тонко нарезанный ржаной.

Далее столь же безапелляционно мне сообщалось, какой хлеб я должен есть с *charcuterie*,^[183] фуа-гра, с супом, с белым и красным мясом, дичью с перьями и дичью с мехом, копченым мясом, смешанными салатами (не путать с отдельно перечисленными салатами зелеными!) и с сырами разной твердости. Я насчитал восемнадцать видов хлеба, окончательно растерялся и пошел в магазин, чтобы проконсультироваться у мадам. Что она посоветует к телячьей печени?

Мадам несколько раз прошла вдоль полок и наконец выбрала похожий на обрубок полена темно-коричневый *banette*. Отсчитывая сдачу, она рассказала мне о ресторане, где шеф-повар подает особый хлеб к каждому из пяти блюд в своем меню. Вот человек, который разбирается в хлебе, похвалила она. Не то что некоторые.

Массо пребывал в лирическом настроении. Он только что вышел из дома и направлялся в лес, чтобы кого-нибудь убить, когда мы повстречались с ним на склоне, выходящем на виноградники. С ружьем под мышкой и желтой сигаретой в уголке рта он стоял и любовался долиной.

— Вы только посмотрите на этот виноград, — подозвал он меня. — Природа надела свой самый прекрасный наряд.

Эффект от этого неожиданно поэтического наблюдения оказался несколько смазанным, потому что Массо тут же громко прочистил горло и сплюнул, но он был совершенно прав: от этих бесконечных, залитых солнцем пурпурных, желтых и ржавых полей трудно было отвести взгляд. Весь виноград уже собрали, и ни люди, ни трактора не мешали нам любоваться пейзажем. Теперь работа на виноградниках возобновится, только когда опадут листья и настанет пора обрезать старую лозу. А сейчас здесь царило мирное межсезонье — уже не лето, но еще не осень.

Я спросил у Массо, как идут дела с продажей дома. Может, какая-нибудь славная немецкая пара, стоявшая поблизости лагерем, влюбилась в него и захотела купить?

Массо оцетинился при упоминании о немецких туристах:

— Эти голодранцы никогда не смогут купить такой дом, как мой. Да и в любом случае я снимаю его с продажи до девяносто второго года. Сами увидите: когда границы отменят, все они бросятся сюда покупать дома — англичане, бельгийцы... — Он махнул рукой, включая в этот список и все остальные страны Общего рынка. — Вот тогда-то цены и подскочат. Недвижимость в Любероне станет *très recherchées*.^[184] Даже за ваш маленький домик можно будет получить пару миллионов.

Я уже не раз слышал, как о девяносто втором годе говорят как о времени, когда на Прованс хлынут потоки иностранных денег, ибо именно в этом году произойдет окончательное объединение стран Общего рынка. Национальности будут забыты, и все мы станем одной дружной европейской семьей. Финансовые ограничения отпадут, и что тогда станут делать испанцы, итальянцы и все прочие? Правильно, все они, размахивая чековыми книжками, кинутся в Прованс и начнут покупать дома.

Так думали очень многие, хотя я и не понимал, почему что-то подобное должно случиться. В Провансе и так живет довольно много иностранцев, и все они купили здесь дома без особых проблем. А что касается разговоров о европейской интеграции, то сомнительно, что одна подпись на бумаге способна отменить соперничество, дипломатические свары, бюрократические проволочки и бессовестную борьбу за особые привилегии, которыми все страны — а в особенности Франция — не

брезгают, когда им это выгодно. Через пятьдесят лет, возможно, что-нибудь и изменится, а к девяносто второму году вряд ли.

Но Массо твердо верил в грядущее благоденствие. В девяносто втором году он продаст свой дом и удалится на отдых или, может быть, купит маленький табачный магазинчик в Кавайоне. Я спросил, что же он станет делать с тремя своими злыми псами, и на минуту мне показалось, что Массо сейчас разрыдается.

— Они не смогут жить в городе, — горько вздохнул он. — Придется их пристрелить.

Несколько минут он шел вместе со мной по тропинке и немного взбодрился, вспомнив, что уже скоро разбогатеет. И, кстати, самое время. Человек, всю жизнь тяжело проработавший, имеет право отдохнуть. Он должен провести старость в покое и комфорте, а не ломать спину, работая на земле. Земля, принадлежавшая Массо, славилась по всей долине своей неухоженностью, но он всегда разглагольствовал о ней как о чем-то среднем между садами Версаля и вылизанными виноградниками Шато-Лафита. Потом он свернул с тропинки и отправился в лес терроризировать каких-нибудь несчастных птах, грубый, жадный и хитрый старый вун. За прошедшие месяцы я искренне привязался к нему.

Тропинка была щедро усыпана отстрелянными гильзами. Их оставили те, кого Массо презрительно именовал *chasseurs du sentier* — «тропиночными охотниками» — и считал жалкими размазнями, которые боятся промочить в лесу ноги и надеются, что глупая птица сама угодит под их выстрел. Кроме гильз попадались раздавленные сигаретные пачки, пустые банки из-под сардин и бутылки — сувениры, оставленные любителями природы, теми самыми, что постоянно жаловались на туристов, загадивших весь Люберон. Видимо, им казалось, что мусор, оставленный ими самими, не представляет угрозы для окружающей среды. Они были порядочными поросятами, эти провансальские охотники.

Вернувшись домой, я застал небольшую конференцию, проходящую вблизи электрического счетчика, что скрывался за деревьями на заднем дворе. Представитель ЭДФ^[185] открыл его, чтобы снять показания, и обнаружил, что в счетчике поселилась большая колония муравьев. Разглядеть цифры и подсчитать, сколько электричества мы израсходовали, было невозможно. Муравьев следовало срочно прогнать. К моей жене и человеку из ЭДФ тотчас же присоединился Меникуччи, который, как мы подозревали, поселился у нас в бойлерной.

— *Oh là là*. — Он наклонился, чтобы получше рассмотреть счетчик. —

Ils sont nombreux, les fourmis. ^[186]

На этот раз Меникуччи нисколько не преувеличил. Муравьев было столько, что они казались одной сплошной массой, заполнившей весь ящичек для счетчика.

— Я к ним и пальцем не притронусь, — решительно заявил человек из ЭДФ. — Они забираются в одежду и потом кусаются. Прошлый раз, когда я вытряхивал муравьев из счетчика, они остались со мной до самого вечера. — Он посмотрел на шевелящуюся массу, задумчиво постучал отверткой по зубам, а потом повернулся к Меникуччи: — У вас есть паяльная лампа?

— Я водопроводчик. Конечно, у меня есть паяльная лампа!

— *Bon*. Тогда мы попробуем их оттуда выжечь.

Меникуччи посмотрел на него с ужасом. Он даже шагнул назад и перекрестился. Затем хлопнул себя по лбу. Он поднял указательный палец к небу жестом, означающим либо крайнее несогласие, либо намерение прочитать лекцию, либо и то и другое.

— Я не верю своим ушам! Что вы сейчас сказали? Паяльная лампа? А вы знаете, какой ток проходит по этому кабелю?

— Я электрик. Разумеется, я знаю, — обиделся представитель ЭДФ.

Меникуччи фальшиво изобразил удивление:

— *Ah bon*? Ну тогда вы, наверное, знаете, что случится, если загорится кабель под током?

— Да я осторожно.

— Осторожно! Осторожно! *Mon Dieu*, мы все можем погибнуть вместе с муравьями.

Человек из ЭДФ сунул отвертку в карман и скрестил руки на груди:

— Ну и прекрасно. Лично я к муравьям не притронусь. Убирайте их сами.

Меникуччи на минуту задумался, а потом повернулся к моей жене с видом фокусника, готовящего свой коронный номер:

— Не могла бы мадам принести нам лимоны, штуки две или три, и ножик?

Мадам помощница фокусника сбегала на кухню и тут же вернулась с ножом и лимонами, и Меникуччи разрезал каждый на четыре части.

— Этой *astuce* ^[187] меня научил один очень старый человек, — загадочно проговорил он и пробормотал себе под нос еще что-то не особенно любезное о дураках и паяльных лампах. Представитель ЭДФ обиженно фыркнул под деревом.

Разрезав лимоны, Меникуччи приблизился к счетчику и начал осторожно поливать его цитрусовым соком. Время от времени он останавливался, чтобы проверить, как эти кислые потоки нравятся муравьям. Те в панике покидали ящик, толкаясь и карабкаясь друг на друга. Меникуччи торжествовал.

— *Voilà, jeune homme*, — снисходительно обратился он к представителю ЭДФ. — Муравьи не выносят лимонного сока. Так что сегодня вы научились чему-то новому и полезному. Если будете класть нарезанный лимон рядом со счетчиком, они никогда в нем не поселятся.

Демонстрируя черную неблагодарность, человек из ЭДФ тут же стал жаловаться на то, что счетчик стал липким от сока.

— Лучше липкий, чем сгоревший дотла, — парировал Меникуччи и отправился к своему котлу. — *Beh oui*. Лучше липкий, чем сгоревший.

Стояло классическое бабье лето: днем мы еще купались, а по вечерам разводили огонь в камине. Но как-то ночью все кончилось с типичной для Прованса внезапностью. Мы легли спать в одном времени года, а проснулись в другом.

Дождь начался около полуночи и продолжался до следующего вечера. Это были не теплые и жирные летние капли, а сплошной серый поток. Он заливал виноградники, прибывал к земле кусты и превращал цветочные клумбы в густую грязь, а грязь — в коричневые реки. Прекратился он уже в сумерках, и мы пошли посмотреть на нашу подъездную дорогу или, вернее, на то место, где она была еще накануне.

Она уже пострадала во время августовской грозы, но тогдашние промоины показались мелкими царапинами по сравнению с тем, что мы увидели сейчас. На месте дорожки остался только ряд глубоких кратеров, а весь смытый с нее песок и гравий мокрыми, неопрятными кучами лежал на асфальтовой дороге и на дынном поле напротив дома. Выглядело все это хуже, чем покрытое воронками минное поле, и только человек, ненавидящий свою машину, рискнул бы проехаться по ней вниз к шоссе. Нам стало ясно, что без бульдозера и без нескольких тонн нового гравия здесь не обойтись.

Я позвонил месье Меникуччи. За последние месяцы мы привыкли считать его чем-то вроде живых «Желтых страниц», а поскольку к нашему дому он относился как в некотором роде к своей собственности, то и советы его часто оказывались исключительно ценными. Он внимательно выслушал историю о погибшей дорожке, лишь изредка вставляя сочувственные восклицания — *quelle catastrophe!* — и давая понять, что

понимает всю глубину постигшего нас несчастья.

Я замолчал и услышал, как Меникуччи бормочет, мысленно составляя список необходимых материалов и оборудования:

— *Une bulldozer, bien sûr, un camion, une montagne de gravier, un compacteur...*^[188] — Потом он промычал какой-то музыкальный отрывок, вероятно помогающий мыслительному процессу, и наконец нашел решение: — *Bon*. Тут есть один юноша, сын наших соседей, он со своим бульдозером творит чудеса, и цены у него вполне приличные. Его зовут Санчес. Я попрошу его завтра заехать к вам.

Я напомнил Меникуччи, что заехать к нам на обыкновенной машине невозможно.

— Ничего, он к этому привык, — заверил меня тот. — У него мотоцикл со специальными колесами. Он проезжает везде.

Следующим утром я наблюдал, как Санчес крутит слалом на бывшей подъездной дорожке. Он ловко объезжал все кратеры и приподнимался на седле, когда под колеса попадались кучи земли. Внешний вид юноши являл собой чистейший образец *moto chic*: у него были черные волосы, черная кожаная куртка и черный мотоцикл. Лицо скрывали огромные очки с зеркальными стеклами. Интересно, знаком ли он со стильным месье Фруктусом? Они отлично смотрелись бы вместе.

За двадцать минут Санчес успел пешком обойти все наше минное поле, подсчитать стоимость работ, заказать по телефону гравий и пообещать, что вернется с бульдозером через два дня. Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, и мы засомневались. Когда вечером позвонил наш штатный спасатель Меникуччи, я сказал ему, что мы поражены деловитостью молодого человека.

— Это у них семейное, — объяснил Меникуччи. — его отец стал миллионером на дынях, а сын сделает миллионы на своем бульдозере. Они очень серьезные люди, хотя и испанцы.

Он рассказал, что Санчес-*père*^[189] приехал во Францию совсем молодым в поисках работы и скоро научился выращивать самые ранние и самые вкусные дыни во всем Провансе. Сейчас он так богат, что работает только два месяца в году и всю зиму живет в Аликанте.

Санчес-*fils*^[190] прибыл точно как обещал и весь день разглаживал наш участок своим бульдозером. При этом он перераспределил несколько тонн земли и делал это с таким артистизмом, что я, забыв о своих делах, следил за его работой. В самом конце он прошелся по будущей дорожке гигантской расческой и пригласил нас полюбоваться. На идеально ровную поверхность

страшно было ступить, а кроме того, Санчес придал дорожке небольшой изгиб, чтобы все следующие дожди скатывались с нее прямо в виноградник.

— *C'est bon?*^[191]

Лучше, чем парижское шоссе, горячо заверил его я.

— *Bieng. Je revienг demaing.*^[192]

Он забрался в башню своего бульдозера и удалился со скоростью пятнадцать миль в час. Завтра привезут гравий.

Первой машиной, оставившей след на нашей причесанной дорожке, оказался грузовичок, который на следующее утро с трудом вскарабкался к самому дому, немного подрожал и с облегчением остановился. Судя по виду, он был еще дряхлее, чем грузовик Фостена: задняя подвеска совсем ослабла, и ржавая выхлопная труба почти касалась земли. Мужчина и женщина, одинаково круглолицые и загорелые, стояли рядом с машиной и с интересом рассматривали наш дом. Вероятно, очередные сезонные рабочие надеются еще немного подзаработать, перед тем как двинуться дальше на юг.

Пожилая пара казалась очень славной, и мне стало их жалко.

— К сожалению, весь виноград уже собран, — развел я руками.

Мужчина улыбнулся и кивнул:

— Ну и хорошо. Вам повезло, что вы успели до дождя. — Он показал на лес за домом: — Там, наверное, много грибов?

Да, подтвердил я, много.

Они явно не собирались уезжать, и я предложил им оставить грузовик у дома и отправиться за грибами.

— Нет, нет, — покачал головой мужчина. — Мы сегодня работаем. Наш сын уже едет сюда с гравием. — Миллионер открыл заднюю дверь грузовичка и вытащил оттуда большую совковую лопату и деревянные грабли с редкими зубьями. — А все остальное пусть выгружает сам, — ухмыльнулся он. — Я не хочу отдавить себе пальцы.

Я заглянул в кузов и обнаружил там миниатюрный паровой каток, *compasteur*.

Пока мы ждали их сына, месье Санчес рассуждал о жизни и поисках счастья. Даже теперь, когда в этом нет необходимости, он любит иногда поработать руками. Все хлопоты с дынями заканчиваются к июлю, и потом ему становится скучно. Богатым быть приятно, кто спорит, но одного этого мало для счастья. А раз он любит физический труд, почему бы не помочь сыну?

Никогда раньше на меня не работал миллионер. И никогда раньше я не испытывал к ним особой симпатии, но этот мне очень понравился. Санчес-младший вываливал на нашу дорожку все новые и новые кучи гравия, отец раскидывал их лопатой, а мать разравнивала деревянными граблями. Потом из кузова грузовика достали *compacteur*, похожий на большую детскую коляску с ручками. Санчес-сын неторопливо возил его вверх и вниз по дорожке и командовал родителями: подсыпать лопату гравия здесь, пройти граблями там, беречь ноги, не наступать на кусты.

Семья работала дружно и весело, и еще до сумерек от нашего дома до шоссе спускалась безупречная, утрамбованная желтая лента дорожки, достойная победы в конкурсе красоты, проводимом Союзом бульдозеристов. *Compacteur* водрузили обратно в кузов, родители сели в кабину, а молодой Санчес сказал, что с меня причитается меньшая сумма, чем он предварительно называл, и сегодня вечером он все точно подсчитает, а завтра его отец завезет мне счет.

На следующее утро, проснувшись, я обнаружил у дома незнакомую машину. Водителя не было ни внутри, ни поблизости, и я решил, что это очередной охотник поленился подниматься по склону пешком.

Мы уже заканчивали завтракать, когда в окно постучались, и я увидел круглое загорелое лицо месье Санчеса. Он отказался войти в дом, сославшись на свои грязные сапоги, сообщил, что ходит по лесу уже с шести утра и принес нам подарок. Из-за спины он извлек старую клетчатую кепку, с верхом наполненную грибами. Потом месье Санчес поделился с нами своим любимым рецептом — оливковое масло, сливочное масло, чеснок, мелко нарубленная петрушка — и рассказал страшную историю о семье из трех человек, насмерть отравившихся ядовитыми грибами. Утром, когда их нашел сосед, они все еще сидели вокруг стола с широко открытыми, застывшими глазами — месье Санчес продемонстрировал нам, как это выглядело, закатив глаза под самые брови, — разбитые параличом и уже холодные. Но мы можем не волноваться, заверил он нас. Он жизнью ручается за каждый гриб, находящийся в кепке. *Bon appétit!*

Мы с женой ели грибы вечером и время от времени поглядывали друг на друга, проверяя, не закатываются ли глаза и не начинается ли паралич. Лесные грибы оказались настолько вкуснее обычных шампиньонов, что мы решили потратиться на грибной справочник и купить на двоих пару противозмеиных сапог.

Если ремонт в вашем доме затягивается, неизбежно наступает момент,

когда вы готовы пожертвовать всеми своими дизайнерскими задумками и эстетическими принципами ради того, чтобы все поскорее закончилось. Это желание становится все острее с каждой новой задержкой и проволочкой: плотник отхватывает себе кончик пальца, кто-то угоняет грузовик строителей, маляр заболевает *la grippe*, арматура, заказанная еще в мае на июнь, прибывает только в сентябре, и все это время бетономешалка и кучи щебня, лопаты и кирки остаются частью вашей жизни. Летом, разморенные жарой и солнцем, мы довольно спокойно относились к незаконченному строительству в доме. Но погода испортилась, мы стали проводить в нем больше времени, и спокойствие сменилось раздражением.

Вместе с архитектором Кристианом, мы прошлись по всем комнатам, чтобы установить, что еще осталось сделать и сколько времени это может занять.

— *Normalement*, — сказал Кристиан, очаровательный человек и большой оптимист, — здесь работы всего на неделю. Кое-что должны доделать строители, потом штукатур, потом два дня — маляр, *et puis, voilà Terminé.* ^[193]

Его слова вселили в нас надежду. Мы признались Кристиану, что за последнее время случались черные моменты, когда мы представляли себе, как просыпаемся на Рождество все еще посреди строительной площадки.

В ужасе Кристиан воздел к небу все, что мог, — руки, брови и плечи. Что за мысли? Просто непостижимо, почему эти простые заключительные работы так растянулись. Он немедленно обзвонит всех членов своей бригады и организует неделю интенсивного труда в нашем доме. Скоро все изменится. Нет, не изменится, а закончится!

Они начали приходить к нам по одному и в разное время: Дидье с Пенелопой в семь утра, электрик перед ланчем, а штукатур Рамон как раз к вечерней рюмочке. Они приходили не для того, чтобы работать, а чтобы посмотреть на будущую работу. Все они искренне удивлялись тому, что ремонт так затянулся, как будто ответственность за это несли какие-то совсем другие люди. Каждый из них по секрету пожаловался нам, что ему, к сожалению, постоянно приходилось ждать, пока работу закончат другие. Но когда мы опять поминали Рождество, все они покатывались со смеху. До Рождества еще куча времени. К Рождеству они могут построить новый дом. Но все они единодушно не желали называть точную дату.

Так когда же вы придете, спрашивали мы.

Скоро, скоро, обещали они.

Нам пришлось удовлетвориться этим обещанием. Мы вышли на

крыльцо, полюбовались на бетономешалку, несущую караул у парадной двери, и представили на ее месте зеленый кипарис.

Скоро, скоро.

НОЯБРЬ

Французский крестьянин очень изобретателен и терпеть не может, когда что-нибудь пропадает зря. Он не любит выбрасывать старые вещи, потому что знает, что в один прекрасный день лысая тракторная покрышка, зазубрившаяся коса, сломанная подкова и коробка передач, снятая с грузовика «рено» сорок девятого года выпуска, очень ему пригодятся и, возможно, спасут от необходимости залезать в глубокий и темный карман, где он хранит свои деньги.

Хитроумное приспособление, которое я обнаружил как-то утром на краю нашего виноградника, вполне могло бы стать ржавым памятником крестьянской изобретательности. Столитровая жестяная бочка из-под бензина была установлена на раму, сложенную из старых тонких труб. Спереди к ней было приделано колесо, скорее овальное, чем круглое, а

сзади торчали две ручки разной длины. По утверждению Фостена, изделие называлось *brouette de vigneron*^[194] — тачка, с минимальными затратами сооруженная специально к сезону обрезки лозы.

Осенние ветры уже давно сорвали с винограда все листья, и перепутанные побеги напоминали мотки коричневой колючей проволоки. До весны их все необходимо было срезать, оставив лишь главный стебель. Обрезки лозы, *sarments*, для использования в сельском хозяйстве не годились: они были слишком волокнистыми и жесткими, чтобы за зиму перегнить в земле, и их было слишком много, для того чтобы просто оставить их в проходах между рядами. Поэтому приходилось их сжигать, для чего и потребовалась *brouette de vigneron*.

Она представляла собой простейший мобильный инсинератор. На дне металлической бочки разводился огонь, в огонь бросались *sarments*, и тачку катили к следующему кусту. Когда бочка оказывалась полной, ее опрокидывали, зола высыпалась на землю, и процесс продолжался. Просто и эффективно.

Возвращаясь в сумерках домой, я заметил тонкий столбик голубого дыма, поднимающийся из угла виноградника, а потом увидел и Фостена с тачкой. Он выпрямился и потер спину; его рука была жесткой и холодной.

— Красиво, да? — Фостен кивнул на ряды уже подстриженного винограда. — Мне нравится, когда они такие аккуратные.

Я попросил его оставить мне немного обрезанной лозы для барбекю. Я вспомнил, что как-то в Нью-Йорке, в магазине, именующем себя гастрономическим бутиком, я видел в продаже «Подлинные обрезки виноградной лозы», которые должны были «придать вашему барбекю неповторимый аромат». Небольшие пучки, кокетливо перевязанные соломенной ленточкой, стоили по два доллара. Фостен не поверил своим ушам.

— И люди их покупают?

Он еще раз оглянулся на виноградник, прикинул в уме, сколько сотен долларов он сегодня сжег, и сокрушенно потряс головой. Еще один жестокий удар судьбы. Он пожал плечами:

— *C'est curieux.*^[195]

Нашему другу, жившему в самом сердце Кот-дю-Рона, чуть к северу от Вэзон-ля-Ромэн, была оказана большая честь — его приняли в *Confrérie Saint-Vincent*,^[196] местный союз виноделов. Церемония посвящения, переходящая в обед, переходящий в танцы, должна была состояться в

деревенском клубе. Вино будет литься рекой, а виноделы и их жены покажут себя во всей красе. Галстуки обязательны. Событие намечалось торжественное.

Несколько лет назад мы уже раз присутствовали на таком обеде в Бургундии. Две сотни людей в парадной одежде, важные и неловкие в начале вечера, уже к первому горячему блюду превратились в развеселую компанию, хором распеваящую бургундские застольные песни. От того вечера у нас остались приятные, хотя и немного расплывчатые воспоминания о том, как по окончании обеда наклюкавшиеся виноделы сначала долго искали, а потом пытались открыть свои машины, в чем им помогали бесконечно любезные полицейские. Впервые в своей жизни мы оказались на празднике, официальной целью которого являлась массовая интоксикация участников, и нам это страшно понравилось. Всякий друг лозы — это и наш друг.

Деревенский клуб официально назывался «*Salle des Fêtes*».^[197] Это относительно современное здание, выстроенное с абсолютным пренебрежением к плотно обступившему его со всех сторон средневековью, было детищем безымянного и очень плодовитого французского архитектора, вероятно поставившего себе задачу обеспечить каждую деревню собственным бельмом на глазу. Оно представляло собой классическую кирпичную коробку, поставленную прямо на асфальт, начисто лишенную индивидуальности, но зато обильно украшенную неоновыми огнями.

В дверях нас приветствовали два розовощеких толстяка в белых рубашках, черных брюках и алых поясах. Мы объяснили, что приглашены новым *Confrère*.

— *Bieng, being. Allez-y.*^[198] — Мясистые ладони потрепали нас по спинам и протолкнули в зал.

На возвышении у дальней стены стояли длинный стол и микрофон. Столики поменьше, уже накрытые к обеду, были расставлены вдоль трех других стен, а пространство посередине оставалось свободным. Сейчас там толпились виноделы и их друзья.

Шум в зале стоял оглушительный: мужчины и женщины, привыкшие переговариваться через весь виноградник, не умели убавлять громкость, и их голоса, способные перекричать мистраль, гулким эхом отражались от стен. Но хотя голоса и оставались полевыми, наряды в тот день были самыми что ни на есть парадными: темные костюмы и белоснежные рубашки с воротничками, туго врезающимися в обветренные шеи, у

мужчин и яркие, замысловатые туалеты у женщин. Одна пара оделась просто с вызывающей роскошью: на жене сверкало и переливалось платье из серого стекляруса, и сзади к чулкам были пришиты маленькие серые перышки, трепещущие при ходьбе. Ее муж нарядился в белый пиджак, отороченный черным кантом, плиссированную рубашку с такой же отделкой и черные вечерние брюки. На этом его смелость или возможности, видимо, закончились, потому что ботинки были самыми обыкновенными, коричневыми, на толстой практичной подошве. Тем не менее мы решили, что во время танцев будем следить именно за этой парой.

Не без труда мы отыскивали своего друга и его семью. Он растерян и нервно крутил головой, и мы решили, что новый *Confrère* немного робует в столь торжественной обстановке. Однако скоро выяснилось, что проблема гораздо серьезнее.

— Я не вижу, где тут бар, — пожаловался он. — А вы?

Вдоль одной из стен стояли бочки с вином. На каждом столике красовались бутылки с вином. Мы находились в деревне, которую можно было бы утопить в Кот-дю-Рон, если одновременно опустошить все здешние *cave*. Но бара в зале действительно не имелось. И тут же мы сделали еще одно встревожившее нас открытие: ни один из присутствующих виноделов не держал в руке бокала.

Украсть бутылку с ближайшего столика нам помешал только внезапно раздавшийся из колонок оглушительный звук фанфар. Десяток братьев в длинных плащах и широкополых шляпах поднялись на эстраду и заняли места за столом. Некоторые из них держали в руках пергаментные свитки, а один — очень толстую книгу. Ну вот сейчас-то, обрадовались мы, всем разольют вино и церемония начнется.

Мэр подошел к микрофону и произнес речь. Потом речь произнес старший *Confrère*. Его помощник с толстой книгой тоже произнес речь. Вслед за этим одного за другим на эстраду начали вызывать новых братьев, и в честь каждого из них произносилась небольшая хвалебная речь. Новые братья, в свою очередь, отвечали на это речами, в которых благодарили за оказанную им честь. Голос нашего друга звучал неожиданно хрипло, и, возможно, все остальные списали это на волнение, но я-то знал, что все дело в жажде.

В конце нас всех попросили спеть хором песню Фредерика Мистралья, написанную на провансальском языке.

«*Coupo santo e versanto*, — пели мы хвалу священному неиссякающему кубку. — *A-de-reng beguen en troupo lou vin pur de nostre*

plant. Выпьем все вместе вино, выращенное нашими руками». И, кстати, давно пора. Церемония заняла целый час, а у нас во рту еще не побывало ни капли.

С поразительной быстротой все расселись за столики, наполнили священные кубки, выпили и наполнили еще раз. Атмосфера в зале заметно потеплела, а мы наконец расслабились и занялись меню.

На первое нам были обещаны заливные куропатки; их головки, как выяснилось, продавались отдельно, стоили по два франка и использовались не на одном банкете. За куропатками следовал сибас, или морской волк, но все это было лишь предисловием, разминкой перед главным блюдом — говяжьим филе шароле *en croûte*. Но до того, как заняться говядиной, нам предстояло пройти одно смертельно опасное испытание под названием *Trou Provençal*^[199] — шербет из *mars*, лишь слегка разбавленного водой. Употреблять его, как нам объяснили, полагалось для того, чтобы очистить полость рта и вкусовые пупырышки, на деле же он не столько очищал, сколько надежно анестезировал полость рта, носовые проходы, а заодно и лобные пазухи. Однако повар знал, что делает. Когда прошел первоначальный шок, я тотчас же почувствовал сосущую пустоту в желудке — ту самую «*trou*», — которая позволяла надеяться, что мне удастся попробовать все блюда, перечисленные в меню.

Официанты внесли в зал говядину под звуки фанфар и два раза обошли с ней вокруг столиков, прежде чем разложить по тарелкам. Вместо белого вина в бокалы налили гордость местных виноделов — удивительно плотное и крепкое красное. Блюда продолжали сменять одно другое, в заключение подали суфле и шампанское, а потом пришло время танцевать.

Оркестр принадлежал к старой школе, не признающей музыку, под которую можно просто попрыгать — они желали видеть, как люди *танцуют*. Было исполнено несколько вальсов, квикстепов и чего-то похожего на гавоты, но настоящим пиком вечера стало танго. Думаю, немногим довелось видеть, как пятьдесят или шестьдесят пар, находящихся в разной стадии опьянения, с подлинно южноамериканской страстью пытаются исполнять классические шаги, повороты и броски. Я никогда не забуду этого зрелища. Локти отбрасывались в стороны, головы, как на шарнирах, крутились направо и налево, каблуки щелкали, самые отчаянные пары на нетвердых ногах совершали броски из одного конца зала в другой, а неизбежные столкновения никого не смущали. Один тщедушный кавалер танцевал вслепую, уткнувшись лицом в декольте своей рослой партнерши. Пара в стеклярусе и плиссированной рубашке, слившись друг с другом в районе бедер и круто выгнув спины, рассекала

толпу с грацией, достойной притонов Буэнос-Айреса.

Как ни странно, все обошлось без серьезных травм. Когда мы уходили во втором часу ночи, музыка все еще играла и пары, до отказа заполненные едой и вином, продолжали танцевать. Уже не в первый раз мы подивились крепости провансальских организмов.

На следующий день мы вернулись домой и обнаружили, что за время нашего отсутствия он изменился: ступеньки, ведущие к парадной двери, выглядели как-то непривычно. Через минуту нам стало ясно: исчезла бетономешалка, вот уже несколько месяцев украшавшая наше крыльцо.

Мы сочли это дурным знаком. Бетономешалка вызывала у нас острую ненависть, но все-таки она служила гарантией того, что рано или поздно Дидье и его строители вернутся. И вот, воспользовавшись отсутствием хозяев, они явились и тайком увезли *нашу* бетономешалку, вероятно заключив шестимесячный контракт на строительство по ту сторону горного хребта. Надежда закончить ремонт к Рождеству стремительно таяла.

Кристиан, как всегда, ободрил и успокоил нас:

— Им пришлось ненадолго поехать в Мазан... срочная работа... крыша... домик... старушка вдова...

Мне стало стыдно. Что значат наши проблемы по сравнению с бедой вдовы, оставшейся без крыши над головой?

— Не волнуйтесь, — продолжал утешать меня Кристиан, — дня через два-три они вернутся и все закончат. До Рождества еще далеко.

Не так уж и далеко, подумали мы. Жена предложила похитить собаку Дидье, которую тот любил, наверное, даже больше, чем бетономешалку, и держать ее в заложниках до тех пор, пока они не закончат ремонт. Отличный план, но невыполнимый, потому что Пенелопа не отходила от хозяина ни на шаг. Ну, если не собаку, тогда, может, жену? Мы были готовы на все.

Недоделки наших строителей и особенно щели в кладке и незаделанные окна напомнили о себе сразу же, как только задул первый зимний мистраль. Он свирепствовал три дня, сгибал кипарисы так, что они образовывали зеленую букву «С», носил по полям обрывки пластика с бахчей, пытался сорвать с петель ставни и окна и завывал всю ночь напролет. От него невозможно было спрятаться, он бился в стены и норовил проникнуть в дом, и мы совсем упали духом.

— Хорошая погода для самоубийства, — заметил как-то утром Массо и выплюнул изо рта ус, загнанный туда мистралем. — *Eh oui*. Если так будет продолжаться, несколько похорон нам обеспечены.

Конечно, продолжал он, это далеко не тот мистраль, что дул в годы его

детства. Тогда он не утихал по несколько недель подряд и творил странные вещи с мозгами. Массо поведал мне историю Арно, бывшего другом его отца.

Лошадь Арно была старой и замученной и уже не годилась для работы в поле. Он решил купить себе молодую здоровую лошадку и как-то ветреным утром отправился за пятнадцать километров в Апт, ведя за собой на поводе старую клячу. Покупатель на нее скоро нашелся, но хороших молодых кобыл на рынке в тот день не было, и Арно вернулся домой один. Он решил пойти в Апт в следующее воскресенье.

Мистраль дул не переставая всю неделю и в то самое воскресенье, когда Арно опять отправился на рынок. На этот раз ему повезло, и он купил большую, темной масти лошадь. Заплатить за нее пришлось в два раза больше той суммы, что он выручил за старую кобылу, но продавец объяснил, что он платит за молодость. У новой лошади впереди было еще много лет работы.

Арно с покупкой отправился обратно, и, когда до его фермы оставалось еще километра три, новая лошадь вдруг оборвала повод и унеслась прочь. Арно бежал за ней, сколько у него хватило сил. Он искал ее в роще и на виноградниках, кричал, срывая голос, ругался, проклинал мистраль, сбивший кобылу с толку, свою злую судьбу и потерянные деньги. Только когда совсем стемнело, он пошел домой. Без лошади он не сможет работать и умрет в бедности.

Жена встретила его у ворот и рассказала об удивительном происшествии: большая, темной масти лошадь прибежала к ним на ферму и сама зашла в конюшню. Женщина дала ей воды и заперла дверь, чтобы та не сбежала.

Арно взял фонарь и пошел взглянуть на лошадь. С головы у нее свисал обрывок повода. Арно потрогал ее шею, и его пальцы стали черными. В свете фонаря он увидел, что пот сбегает с нее темными струями, а на шкуре остаются светлые полосы. Он купил свою собственную старую лошадь. Арно бросился в лес, начинавшийся сразу за его фермой, и от горя и стыда повесился.

Сгорбившись и прикрывшись от ветра руками, Массо закурил сигарету.

— Следователь был человеком с чувством юмора, — продолжал он, — и в графе «Причина смерти» он записал: «самоубийство в состоянии помрачения рассудка, вызванного лошадию». — Массо ухмыльнулся. Он любил истории с жестоким концом. — Но Арно был дурак. Ему надо было вернуться на рынок и застрелить того человека, который продал ему

кобылу, — паф! — а потом свалить все на мистраль. Я бы так и сделал.

Его рассуждения о правосудии прервал рев мощного двигателя, и через секунду на тропинке появился широкий, как танк, джип «тойота». Он притормозил, давая нам возможность отскочить в сторону. Джип принадлежал месье Дюфуру, владельцу продуктовой лавки и грозе местных *sanglier*.^[200]

Их головы украшали стены его лавки, и раньше они не вызывали у нас никаких эмоций. Но несколько раз за лето жажда сгоняла *sanglier* с высохших склонов гор и они заходили к нам попить из бассейна и полакомиться дынями. Познакомившись с ними лично, мы уже не могли смотреть в глаза чучелам. У живых *sanglier* были черные, толстые бока, длинные ноги и усатые встревоженные морды. Они нам ужасно нравились, и мы жалели, что охотники никак не хотят оставить их в покое. К сожалению, мясо *sanglier* по вкусу напоминает оленину, и несчастных животных постоянно гоняют из одного конца Люберона в другой.

Месье Дюфур считался признанным лидером среди местных охотников. Его машина, набитая самым современным и дальнобойным оружием, могла подниматься высоко по склонам и добиралась до мест обитания *sanglier*, когда остальные охотники, пыхтя, еще тащились по подножию горы. В кузове автомобиля стоял большой деревянный ящик, в котором томились шесть гончих, способных бежать по следу целые сутки. У бедных хрюшек не оставалось никакого шанса.

Я признался Массо, что сочувствую *sanglier*, за которыми непрерывно охотится такое количество народу.

— Но они очень вкусные, — пожал плечами он. — Особенно молодые, *marcassins*.^[201] И потом, это ведь естественно. Вы, англичане, чересчур носитесь с животными, если, конечно, не считать тех, что травят лис, но они просто чокнутые.

Ветер становился все сильнее и холоднее, и я спросил Массо, сколько, по его мнению, это будет продолжаться.

— День, неделю. Кто знает? — Он пристально посмотрел на меня. — Еще не тянет повеситься?

Я ответил, что мне жаль разочаровывать его, но я чувствую себя отлично и с нетерпением жду зимы и Рождества.

— После Рождества обычно бывает много убийств, — с надеждой сказал Массо.

По дороге домой я услышал несколько выстрелов и мысленно пожелал Дюфуру промахнуться. Наверное, мне никогда не стать настоящим

деревенским жителем. Да и настоящим французом тоже, раз я предпочитаю видеть дикую свинью в лесу, а не на тарелке. Они готовы на все ради своих желудков, но я никогда не стану участником того непрерывного кровопролития, что творится вокруг.

Моего благородства хватило до обеда. Анриетта принесла нам дикого кролика, и жена пожарила его с горчицей и травами. Я съел все, что было на тарелке, и попросил добавку. Особенно вкусна была подливка из загустевшей крови.

Мадам Солива, восьмидесятилетняя шеф-повар с творческим псевдонимом «тетушка Ивонн», первой рассказала нам, где надо покупать лучшее в Провансе оливковое масло. Ее мнению мы доверяли безоговорочно. Уж если кто-то и разбирался в оливковом масле, так это она. Мадам Солива испробовала все: от «Альзиари» из Ниццы до «Объединенных производителей» из Ньона, и, по ее мнению, лучшее масло следовало искать в долине Ле-Бо. Она посоветовала нам заехать на маленькую фабрику в Моссан-лез-Альпий.

Когда мы жили в Англии, оливковое масло считалось почти что предметом роскоши и шло только на заправку салатов и приготовление домашнего майонеза. В Провансе мы покупали его пятилитровыми бидонами и использовали постоянно: на нем жарили, в нем мариновали козий сыр и красные перцы и хранили трюфели. Мы макали в него хлеб, поливали им зеленые листья салата и даже использовали его для профилактики похмелья (одна столовая ложка оливкового масла, принятая перед употреблением алкоголя, обволакивает желудок и спасает его от разъедания чересчур большим количеством молодого розового вина). Мы пропитались оливковым маслом, будто губки, и постепенно научились разбираться в сортах и оттенках вкуса. Мы стали капризными и придирчивыми и никогда больше не покупали масло в магазинах, а только на фабрике, непосредственно у производителя. Поэтому в экспедицию за маслом я отправился с таким же энтузиазмом, как в набег на очередной виноградник.

Важнейшей частью любой поездки является ланч, поэтому перед отъездом вы внимательно изучили карту и гид Го-Мийо. Выяснилось, что Моссан-лез-Альпий находится в опасной близости к ресторану «Боманьер» в Ле-Бо, цены в котором остаются в памяти так же надолго, как и еда. От искушения нас спасла все та же мадам Солива.

— Поезжайте в Ле-Параду, — посоветовала она, — и поешьте там в кафе. Только не опаздывайте, приходите ровно к двенадцати.

День был солнечным и холодным, что способствует хорошему аппетиту, и за несколько минут до полудня мы вошли в «Бистро дю Параду» уже очень голодными. Внутри горел камин, пахло чесноком и дымом, отчего есть захотелось еще больше. В вытянутом в длину зале стояли старомодные столики с мраморным верхом, с кухни доносился приятный шум — словом, там было все, чего только можно пожелать. Кроме свободных мест, как с сожалением объяснил нам *patron*.

Пока еще в зале было пусто, но он, виновато пожав плечами, сказал, что через пятнадцать минут все столики будут заняты. Моя жена никак не могла поверить, что ланч, который был так близок, вдруг оказался так далеко. *Patron* заглянул в ее полные горя глаза, его сердце дрогнуло, и он усадил нас за столик у самого камина и поставил на него стеклянный кувшин с красным вином.

В кафе шумными группами стали прибывать постоянные посетители. Они садились за свои постоянные столики, и к половине первого в зале действительно не осталось ни одного свободного места, а хозяин, он же единственный официант, каждую секунду проносился мимо нас, как беспокойное приведение, нагруженный тарелками.

Ресторан не обременял своих клиентов проблемой выбора. Как и в вокзальном кафе в Бонье, посетители здесь ели и пили то, что им давали. Нам принесли хрустящий, политый маслом зеленый салат и кусочки розовой деревенской колбасы, улиток в соусе и треску, крутые яйца с чесночным майонезом, мягкий сыр из Фонтевиля и домашний фруктовый пирог. Это был один из тех ланчей, которые французы принимают как должное, а туристы потом вспоминают годами. Мы находились где-то посередине между первыми и вторыми, и для нас он означал еще одно приятное открытие, еще одно место, куда зимой можно будет приехать замерзшими и голодными, а уехать согретыми и сытыми.

Как выяснилось, на фабрику, производящую оливковое масло, мы приехали на два месяца раньше, чем следовало. Новый урожай оливок соберут только в январе, и именно тогда надо покупать самое свежее масло. К счастью, сказал нам менеджер, прошлогодний урожай был очень хорошим и кое-что от него еще осталось. Он нальет нам литров десять, а мы можем пока погулять и оглядеться.

Официальное название фабрики — «Кооператив производителей оливкового масла долины Ле-Бо» — с трудом помещалось на фасаде скромного здания, к которому вела узкая полоска асфальта. Внутри все поверхности покрывал тончайший слой масла: пол и стены были скользкими на ощупь, и ноги разъезжались на ступенях, ведущих к

возвышению, где сидели упаковщики: несколько мужчин, наклеивающих золотистые красивые этикетки кооператива на бутылки с желто-зеленым маслом — чистым, натуральным, только холодного отжима, как гласил рекламный плакат на стене.

Мы зашли в офис, чтобы забрать шесть двухлитровых банок, уже упакованных в коробку, а вдобавок менеджер презентовал нам два кусочка оливкового мыла.

— Нет ничего лучше для кожи, — уверенно заявил он и ласково потрепал себя по щеке. — А наше масло — это просто шедевр. Сами увидите.

Мы попробовали масло перед обедом, опуская в него куски хлеба, натертые мякотью помидора. Казалось, мы едим солнечный свет.

Гости, одетые в легкие платья и шорты, все продолжали прибывать и, как правило, бывали неприятно удивлены, застав нас в свитерах у горящего камина с бокалом зимнего вина в руках или за обедом, состоящим из зимних блюд.

Неужели здесь всегда так холодно в ноябре? А разве жара стоит не круглый год? Услышав о сугробах, ледяных ветрах и минусовой температуре, они смотрели на нас как на предателей. Можно было подумать, что вместо тропиков мы обманом заманили их на Северный полюс.

Прованс совершенно справедливо называют холодным краем с большим количеством ясных дней. Последние дни ноября были солнечными, яркими и праздничными, как в мае, и, по мнению Фостена, не сулили нам ничего хорошего. Он предсказывал суровую зиму, такую холодную, что опять, как в семьдесят шестом году, погибнут все оливковые деревья. С мрачным удовольствием он описывал замерзающих на бегу куриц и посиневших в своих постелях стариков. Он посулил нам частые перебои с электричеством и посоветовал прочистить каминную трубу.

— Вы будете жечь камин днем и ночью, а от этого и начинаются пожары, — каркал он. — А когда *pompier*^[202] приедут его тушить, они сдерут с вас кругленькую сумму, если вы не предъявите им сертификат от трубочиста.

А может быть и того хуже. Если из-за камина сгорит весь дом, страховая компания ничего вам не заплатит, если у вас нет того же сертификата. Фостен мрачно кивал, а я представил себя голодным, холодным, бездомным и вконец разорившимся — и все из-за невычищенной вовремя трубы.

А что же будет, спросил я его, если вместе с домом сгорит и сертификат? Об этом Фостен не подумал и, кажется, был благодарен мне за то, что я подсказал ему новый вариант несчастья. Любителям неприятностей время от времени нужны свежие горести, иначе они могут расслабиться и начать радоваться жизни.

Я пригласил к нам в дом месье Бельтрамо, самого известного в Кавайоне трубочиста, с его метлами, щетками и специальным пылесосом. Этот высокий человек с изысканными манерами и орлиным, слегка измазанным сажей профилем служил трубочистом уже двадцать лет. Он сообщил мне, что ни один вычищенный им камин ни разу не загорелся. Закончив работу, он выписал сертификат, помеченный даже черными отпечатками его пальцев, и пожелал нам приятной зимы.

— В этом году не будет слишком холодно, — пообещал месье Бельтрамо. — У нас были три холодные зимы подряд, четвертая должна быть мягче.

Я спросил, собирается ли он к Фостену.

— Нет, я туда никогда не хожу. Его жена сама чистит трубы.

ДЕКАБРЬ

Фургон почтальона на опасной скорости влетел на стоянку за нашим домом, лихо развернулся, сдал назад и о стену гаража разбил задние фары. Сам почтальон, не обратив на это ни малейшего внимания, вылез из кабины, широко улыбнулся и помахал большим конвертом, после чего направился прямо к бару, водрузил на него оба локтя и вопросительно посмотрел на меня.

— *Bonjour, jeune homme!*

Уже много лет никто не называл меня молодым человеком, да и почтальон никогда не приносил почту прямо в дом. В недоумении я предложил ему выпить. Он подмигнул мне:

— Немножечко *pastis*? Почему бы и нет?

Может, у него сегодня день рождения? Или он уходит на пенсию? Или выиграл в лотерею? Я ждал, что он сам объяснит причину своего приподнятого настроения, но вместо этого почтальон поведал мне о

sanglier, которого его приятель застрелил на прошлой неделе. А мне известно, как правильно готовить это животное? Он с кровожадными подробностями описал мне весь процесс, начиная со свежевания и разделки туши, кончая термической обработкой. Рюмка — как я догадался, уже не первая за это утро — тем временем опустела, и предложение наполнить ее вновь было благосклонно принято. Потом почтальон перешел к делу.

— Я привез вам официальный календарь почтового ведомства на новый год, — объявил он. — В нем есть дни всех святых и еще несколько красивых фотографий молодых женщин. — Он достал из конверта календарь, быстро пролистал его и продемонстрировал мне фотографию девушки, одетой в две половинки кокосовой скорлупы. — *Voilà!*

Я сказал, что с его стороны очень мило вспомнить о нас, и поблагодарил за подарок.

— Вообще-то он бесплатный, — признался почтальон, — но, если хотите, можете купить его.

Он еще раз подмигнул мне, и только тут до меня дошла истинная цель этого визита. Он собирал свои рождественские чаевые, но поскольку просто так явиться на порог с протянутой рукой было бы неприлично, почтальон придумал трюк с календарем.

Он забрал деньги, допил *pastis* и умчался по следующему адресу, оставив нам на память осколки своего габаритного фонаря.

Когда я вернулся в дом, жена рассматривала календарь.

— А ты знаешь, — спросила она, что до Рождества осталось всего две недели, а от строителей ни слуху ни духу?

А потом она поделилась со мной идеей, которая могла прийти в голову только женщине. Совершенно ясно, рассуждала она, что день рождения Иисуса Христа не кажется строителем достаточным поводом для завершения работ. А если они не завершат его до Рождества, то появятся у нас не раньше февраля, когда окончательно оправятся от новогодних праздников и похмелья. Поэтому моя жена решила, что мы должны пригласить всех наших работников на праздник в честь окончания ремонта. И приглашать надо не только строителей, но — обязательно! — и их жен.

Ее коварный расчет строился на двух факторах. Во-первых, женам, которые никогда не видели, что их мужья делают с чужими домами, станет любопытно, и они непременно захотят прийти. А во-вторых, ни одна жена не допустит, чтобы ее муж оказался тем единственным, кто не закончил свою работу. Это означало бы потерю лица перед другими женами и, следовательно, очень неприятный разговор в машине по дороге домой.

Это была блестящая идея. Мы назначили праздник на последнее воскресенье перед Рождеством и разослали приглашения: море шампанского начиная с одиннадцати утра и до последнего гостя.

Через два дня бетономешалка вновь появилась у нашего крыльца. Дидье со своими помощниками, веселые и шумные, как всегда, начали работу с того самого места, где закончили ее три месяца назад, словно никакого перерыва и не было. Они никак не объяснили ни своего отсутствия, ни внезапного возвращения. Дидье только обронил что-то насчет того, что хочет закончить ремонт до того, как уедет кататься на лыжах, и добавил, что они с женой с удовольствием принимают наше приглашение.

Мы посчитали, что, если придут все, нам надо будет накормить двадцать два человека с хорошим провансальским аппетитом. Поскольку все происходило так близко к Рождеству, на стол придется поставить что-то более праздничное, чем миска с оливками и нарезанные *sauciosson*. Жена начала составлять список продуктов, и скоро по всему дому запестрели маленькие листочки с напоминаниями: «Террин из кролика!», «*Gambas*^[203] и майонез!», «Мини-пиццы!», «Пирог с грибами!», «Хлеб с оливками!», «Сколько *quiches*?». ^[204] По сравнению с ними мой собственный список с одним-единственным словом «шампанское» казался жалким и неинтересным.

Гвоздь праздничного меню как-то холодным утром доставил наш друг, у которого имелись родственники в Перигоре. Это была целая гусиная печень, сырая и потому стоящая лишь треть цены готового продукта. Нам оставалось только приготовить ее и нашпиговать трюфелями.

Мы открыли коробку. Наверное, предыдущий владелец размерами напоминал небольшой самолет, потому что печень была просто огромной — плотная, темно-желтая масса, не поместившаяся в моих ладонях, когда я переносил ее из коробки на кухонный стол. В точности следуя инструкциям нашего друга, я разрезал ее на куски и затолкал в стеклянные банки, а потом дрожащими пальцами засунул туда же кусочки трюфелей. Ощущение было такое, словно я утрамбовывал в банку живые деньги.

Банки плотно закрыли и опустили в большую кастрюлю с кипящей водой ровно на девяносто минут. Потом их следовало охладить, заморозить и на несколько дней поставить в погреб. Жена вычеркнула фуа-гра из своего списка.

Нам казалось непривычным и странным, что конец декабря не принес с собой ни туч с серым дождем, ни предпраздничной лихорадки вроде той,

что охватывает в это время всю Англию. Единственным намеком на приближающееся Рождество были странные звуки, доносящиеся из дома месье Понсе примерно в миле от нас. Два утра подряд, гуляя с собаками, я слышал ужасные вопли, полные не столько страха и боли, сколько негодования. Скорее всего, их издавало не человеческое существо, но все-таки я не был до конца уверен. Пришлось спросить у Фостена.

— А, это... Это Понсе чистит своего осла.

Выяснилось, что в сочельник у церкви в Менербе устраивают живые картины, и осел месье Понсе играет в них немаловажную роль. Естественно, что для такого события он должен выглядеть безупречно, но, как назло, именно этот осел терпеть не может мыться и причесываться, а склочный характер не позволяет ему страдать молча. Конечно, в конце концов Понсе приведет его в порядок, уверенно сказал Фостен и посоветовал мне на всякий случай держаться подальше от задних ног животного: этот осел очень ловко брыкается.

В деревне тем временем проходил кастинг претендентов на главную роль Младенца Иисуса. Всех детей подходящего возраста и вида придиричиво рассматривала комиссия, но решение принимали исходя главным образом из темперамента и умения вести себя на людях: праздник должен был начаться только в полночь.

Если бы не вопли осла и не поздравительные открытки в почтовом ящике, можно было бы подумать, что до Рождества остается еще несколько месяцев. У нас не было телевизора, и поэтому нам не приходилось смотреть слащавые рекламные ролики. Никто не пел у нас на пороге рождественских песен, никто не приглашал нас на предпраздничные офисные вечеринки, никто не считал дни, оставшиеся на покупку подарков. Мне это очень нравилось. Жене меньше. Она говорила, что ей чего-то не хватает. Где веселый рождественский дух? Где остролист? Где елка? За всем этим мы отправились в Кавайон.

Там нам повезло, и мы сразу же встретили Санта-Клауса. В широких штанах из красного *bouclé*, футболке с изображением «Роллинг Стоунз» и отороченном мехом колпачке, он, сильно шатаясь, шел нам навстречу по рю Гамбетта. Издалека мне показалось, что у него горит борода, но, пойдя поближе, я понял, что это дымится торчащая из усов сигарета. На нетвердых ногах он прошел мимо, обдав нас парами кальвадоса. Группа маленьких детишек наблюдала за его передвижением с огромным интересом. Сегодня вечером их мамам предстоят непростые объяснения.

Улицы в Кавайоне были залиты праздничными огнями, а из открытых дверей баров и магазинов неслась музыка. Кое-где стояли наряженные

елки. Человек с микрофоном с прилавка, установленного прямо на улице, торговал постельным бельем:

— Только взгляните, мадам! Чистый дракон! Я заплачу вам пять тысяч франков, если вы найдете в этом белье хоть один изъян!

Пожилая крестьянка немедленно принялась дотошно изучать пододеяльник, и продавец поспешно вырвал его у нее из рук.

Мы повернули за угол и чуть не столкнулись с тушей оленя, висящей вниз головой на пороге мясной лавки. Невидящими глазами она смотрела на тушу *sanglier*, висящую рядом. В витрине хозяин выложил ряд маленьких оципанных птичек с аккуратно свернутыми набок головками. На птичек предлагалась рождественская скидка: семь продавались по цене шести. В клювики им хозяин засунул зеленые листочки и перевязал сверху красной ленточкой. Мы вздрогнули и прошли мимо.

После визита в Кавайон у нас не осталось сомнений в том, что является главной движущей силой провансальского Рождества. Судя по витринам магазинов, очередям и деньгам, переходящим из рук в руки, одежда, игрушки, телевизоры и драгоценности играли здесь лишь второстепенную роль. Все крутилось вокруг еды. Устрицы и омары, фазаны и зайцы, паштеты и сыры, окорока и каплуны, пирожные и розовое шампанское — у нас началось несварение от одного только вида всего этого. С елкой, остролистом и приличной дозой рождественского духа мы вернулись домой.

У крыльца нас ждала незнакомая машина, а в ней два человека в форме. Я немедленно почувствовал себя виноватым, хотя пока еще и не знал в чем. Вид человека в форме всегда действует на меня подобным образом. Я попытался вспомнить, какие преступления совершал против Пятой республики за последнее время, но тут мужчины выбрались из машины и отдали нам честь. Я успокоился. Даже во Франции, где бюрократическая процедура доведена до уровня высокого искусства, полицейские не отдают вам честь, перед тем как арестовать.

Да и гости оказались вовсе не полицейскими, а пожарными, *pompiers* из Кавайона. Они спросили, можно ли зайти в дом, и я попытался вспомнить, куда засунул сертификат от трубочиста. Наверняка эта внезапная проверка затеяна в целях отлова домовладельцев с нечищеными трубами.

Мы расселись вокруг обеденного стола. Один из пожарных открыл портфель:

— Мы привезли вам официальный календарь Пожарной части Воклюза. — Он выложил календарь на стол. — Как видите, в нем указаны

дни всех святых.

Так оно и было, как в официальном календаре почтового ведомства. Только место девушек, одетых в кокосовую скорлупу, в этом календаре заняли храбрые пожарные, которые лезли на отвесные стены, оказывали первую помощь, спасали альпинистов, попавших в беду, и поливали огонь из толстых шлангов. Во французской провинции *pompier*s оказывают жителям любую экстренную помощь: они могут вытащить собаку, упавшую в люк, отвезти вас в больницу, а кроме того, тушат пожары. Это сообщество храбрых, достойных и очень полезных людей.

Я спросил, не согласятся ли они принять пожертвование.

— *Bien sûr*.^[205]

Они оставили квитанцию, которая, помимо всего прочего, давала нам право именоваться Друзьями Пожарной части Кавайона. Еще раз отсалютовав и пожелав нам удачи, *pompier*s направились дальше. Интересно, входит ли в учебную программу пожарных школ краткий курс обороны от злых собак? Я надеялся, что да. Попытка выбить пожертвование из Массо может оказаться лишь немногим менее опасной, чем тушение горящего здания. Я легко представил, как он, спрятавшись за занавеской и держа наготове ружье, подглядывает из окна, а его овчарки в это время пытаются разорвать гостей на кусочки. Однажды мне довелось видеть, как эти псы, не добравшись до водителя, напали на переднее колесо его машины. Они вгрызались в резину, как в сырое мясо, вырывали из нее огромные куски, выплевывали их и бросались опять. Перепуганный водитель, дав задний ход, безуспешно пытался удрать от этих чудовищ, а довольный Массо ухмылялся и курил.

Теперь у нас в семье было два календаря, и я чувствовал, что недалек тот день, когда появится и третий, достойный самого крупного пожертвования. Весь год три раза в неделю, по вторникам, четвергам и субботам, герои из санитарного департамента останавливались в конце нашей дорожки и забирали неприлично большие мешки с пустыми бутылками, дурнопахнущими остатками позавчерашней рыбной похлебки, пустыми банками из-под собачьей еды, разбитыми стаканами, пакетами со щепенкой, куриными костями и прочим домашним мусором всех видов и размеров. Их не пугало ничто, ни объем, ни вес, ни степень несвежести. Один из них, всегда висевший на подножке машины, соскакивал на землю и заталкивал все наши отходы в открытую грязную пасть. Зимой он, наверное, умирал от холода, а летом — от запахов.

И вот как-то днем на «пежо», имевшем такой вид, словно он отправляется в свой последний путь, эти ребята заехали к нам — двое

веселых, не слишком ухоженных парней с крепкими рукопожатиями и дыханием, пахнущим *pastis*. На заднем сиденье их машины я заметил пару кроликов и несколько бутылок с шампанским и порадовался тому, что им наконец-то достались полные бутылки.

— Да нет, против пустых бутылок мы совсем не возражаем, — признался один из них. — Но если бы вы видели, что оставляют нам некоторые! — Он сморщился и зажал себе нос, элегантно оттопырив мизинец. — *Dé gueulasse*.^[206]

Они остались довольны чаевыми, а мы пожелали им устроить себе роскошный праздничный обед и приберечь после него кучу мусора, которую уберет кто-нибудь другой.

Стоя на коленях с совком и веником, Дидье выметал из угла крошки цемента. Мы с умилением наблюдали за тем, как эта живая машина, созданная для разрушения, занимается таким мирным делом. Оно означало, что его работа у нас в доме закончена.

Дидье выпрямился, выбросил мусор из совка в бумажный мешок и закурил сигарету:

— Ну вот и все. *Normalement*, завтра придет маляр.

Мы вместе вышли на улицу. Эрик уже грузил в кузов лопаты, ведра и инструменты. Дидье ухмыльнулся:

— Вы не будете возражать, если мы заберем бетономешалку?

Мы заверили его, что отлично обойдемся без нее, и они вдвоем с Эриком, устроив скат из досок, затащили ее в кузов и крепко привязали к кабине. Пенелопа, наблюдавшая за всем, склонив набок голову, прыгнула в машину и разлеглась на панели приборов под ветровым стеклом.

— *Allez!* — Дидье протянул мне руку, на ощупь похожую на растрескавшийся кожаный ремень. — Увидимся в воскресенье.

Маляр пришел, выкрасил все, что положено, и ушел. После него явился Жан-Пьер, укладчик коврового покрытия. Судя по всему, жены решили, что к их визиту все должно быть сделано в лучшем виде.

К вечеру пятницы почти все покрытие, кроме какой-нибудь пары метров, лежало на полу.

— Я приду завтра утром и все доделаю, — пообещал Жан-Пьер, — а днем вы сможете расставить мебель.

К полудню оставалось только загнать покрытие под деревянный порожек на входе в комнату. В тот самый момент, когда Жан-Пьер дрелью проделывал в порожке отверстие для шурупа, он и угодил сверлом в проходящую под полом трубу с горячей водой. Оттуда тотчас же вырвался

живописный фонтанчик, красиво обрамленный дверным проемом.

Я бросился отключать воду, потом мы с Жан-Пьером скатали мокрый ковер и позвонили Меникуччи. К этому времени я уже помнил его телефон наизусть и знал, какими будут его первые слова.

— *Oh là là*. — Он на минуту задумался. — Пол придется ломать. Вы лучше предупредите мадам. Будет немного пыльно.

Мадам дома не было: она уехала за продуктами и надеялась, что к ее возвращению спальня, ванная и гардеробная будут сухими и чистыми, а ковровое покрытие постелено. Ее ждал сюрприз. Из соображений безопасности я посоветовал Жан-Пьеру поскорее убраться. Не исключено, что она захочет убить его.

— Что за шум? — спросила жена, выходя из машины.

— Меникуччи со своей пневматической дрелью.

— Понятно. Конечно. — Она была неестественно и зловеще спокойна.

Я порадовался, что Жан-Пьер успел уехать.

Чтобы найти протечку, Меникуччи высверлил в полу широкую канаву, и теперь было хорошо видно и трубу, и аккуратную дырочку в ней.

— *Bon*, — сказал он. — Теперь надо убедиться, что в трубе не образовалась пробка, а потом я ее запаяю. Вы стойте здесь и смотрите, а я буду продувать через кран в ванной.

Я смотрел. Меникуччи продувал. Фонтан грязной воды ударил мне прямо в глаз.

— Что вы видите? — крикнул он из ванной.

— Воду, — честно ответил я.

— *Formidable*.^[207] Значит, все в порядке.

Он запаял трубу и отправился домой смотреть регби по телевизору.

Мы начали делать уборку и объяснять друг другу, что все не так уж плохо. Ковер высохнет. Мусора совсем немного — всего одно ведро. Следы от паяльной лампы можно будет закрасить. В целом, если не смотреть на канаву, зияющую в полу, ремонт можно считать законченным. Выбора-то у нас все равно нет. До воскресенья оставалось всего несколько часов.

Мы ожидали гостей не раньше чем к половине двенадцатого, но явно недооценили ту притягательную силу, которую для любого француза имеет шампанское. Первый стук в дверь раздался в десять тридцать. В течение часа собрались и все остальные за исключением Дидье и его жены. Смущенные, вежливые и непривычно нарядные, они выстроились вдоль стен гостиной и лишь изредка оставляли свое безопасное убежище, ради того чтобы схватить кусочек съестного.

Выполняя свои обязанности по наполнению бокалов шампанским, я

открыл еще одно неописанное ранее принципиальное различие между англичанами и французами. Когда англичанин приходит в гости, он сразу же вцепляется в свой бокал и не выпускает его из рук, пока разговаривает, ест или курит. Когда зов природы, требующий использования обеих конечностей, все-таки заставляет его расстаться с бокалом, он старается хотя бы не упускать его из виду.

У французов все по-другому. Сделав глоток, они тут же ставят бокал на стол. Скорее всего, это объясняется тем, что для беседы им необходимы обе руки. Таким образом, бокалы собираются в группы, и через пять минут никто уже не может отличить один от другого. Не желая пить из чужого бокала и не в силах найти собственного, гости с тоской смотрят на бутылку шампанского. Хозяин приносит чистую посуду, и процесс тут же начинается сначала.

Я прикидывал, насколько хватит нашего запаса бокалов и как скоро придется переходить на чайные чашки, когда услышал знакомый стук дизельного двигателя. Выглянув в окно, я убедился, что во дворе стоит грузовик Дидье. Через минуту они с женой вошли в дом через заднюю дверь. Это было странно. Я знал, что у Дидье имеется нормальная легковая машина, а его жена, с ног до головы одетая в тончайшую шоколадного цвета замшу, наверное, очень неуютно чувствовала себя на потертом сиденье грузовика.

Кристиан поманил меня в сторону.

— У нас небольшая проблема, — сказал он. — Тебе лучше выйти на улицу.

Я вышел следом за ним, а Дидье под руку вывел мою жену. Оглянувшись, я обнаружил, что и остальные гости высыпали во двор.

— *Voilà*, — сказал Кристиан и показал на грузовик Дидье.

В кузове на месте бетономешалки стоял громоздкий предмет неопределенной формы. Он был завернут в блестящую зеленую бумагу и украшен красно-сине-белыми бантиками.

— Это вам от нас, — объявил Кристиан. — *Allez*. Разверните его.

Дидье сделал из своих ладоней подобие стремени и без всякого видимого усилия, не вынимая сигареты изо рта, посадил мою жену в кузов. Я забрался сам, и вместе под бурные аплодисменты и пронзительный свист штукатура Рамона мы сорвали зеленую упаковку.

Под ней оказалась старинная жардиньерка, массивная и круглая, вырубленная из цельного куска камня задолго до изобретения камнетесных машин. У нее были толстые, слегка неровные стенки чудесного, выцветшего от времени серого цвета. Внутри, в черной влажной земле, уже

росли примулы.

Мы не знали, что и как сказать. Удивленные и растроганные, на плохом французском, мы изо всех сил пытались выразить свою благодарность. Нас выручил штукатур Рамон.

— *Merde!* — сказал он. — У меня пересохло во рту. Хватит речей. Давайте выпьем.

Первоначальная неловкость быстро испарилась. Пиджаки были повешены на спинки стульев, и за шампанское взялись уже всерьез. Мужчины водили своих жен по дому, хвастались результатами своего труда, показывали им английские краны с надписями «холодная» и «горячая», выдвигали ящики шкафов, чтобы проверить, хорошо ли сработал столяр, и, как любопытные дети, старались все потрогать руками.

Кристиан быстренько организовал бригаду для выгрузки жардиньерки, и мы с ужасом наблюдали, как восемь не вполне трезвых мужчин в своих лучших воскресных костюмах по двум тоненьким досочкам опускают ее на землю. Руководила операцией мадам Рамон.

— Ничего не скажешь, *les braves hommes*,^[208] — похвалила она их. — Постарайтесь только не пачкать руки.

Первыми собрались уходить Меникуччи. Отдав должное паштетам и сырам, пирогам и шампанскому, они спешили домой к позднему ланчу, но при этом не могли пренебречь светскими процедурами. Обход комнаты, пожатия рук, обмен поцелуями и пожелания *bon appétits* продолжались пятнадцать минут.

Все остальные, похоже, никуда не спешили. На столе было еще полно еды и шампанского. Рамон добровольно взялся развлекать всю компанию, и каждый его новый анекдот был смешнее и неприличнее предыдущего. Рассказав, как можно определить пол голубя, посадив того в холодильник, он на минуту умолк, чтобы сделать глоток шампанского.

— Не понимаю, как такую приличную женщину угораздило выйти замуж за этого старого похабника, — вслух удивился Дидье.

Рамон неторопливо поставил бокал на стол и раздвинул руки, как это делают рыбаки, когда хотят показать, какая рыба сорвалась у них с крючка. К счастью, дальнейшие объяснения были остановлены куском пиццы, который жена засунула ему прямо в рот. Наверное, она слышала все это раньше.

Солнце уже ушло с нашего двора, когда и остальные гости начали церемонию прощания, то и дело прерывавшуюся ради одного последнего бокальчика.

— Поехали с нами, — пригласил нас Рамон. — Самое время для

ланча. Или для обеда. Сколько сейчас времени?

Мы ели и пили уже четыре часа, и нам с женой даже думать не хотелось о кускусе, которым соблазнял нас Рамон.

— Ну ладно, — неохотно отступился он. — Раз вы на диете, *tant pis*.
[209]

Он отдал ключи своей жене, а сам развалился на пассажирском сиденье, заранее улыбаясь при мысли о вкусной еде. Остальные гости решили присоединиться к нему. Мы помахали им рукой и вернулись в пустой дом к пустым тарелкам и пустым бокалам.

Через окно мы полюбовались на старинную каменную жардиньерку с яркими пятнами цветов. Для того чтобы перетащить ее со двора в сад, потребуется как минимум четыре человека, а собрать четырех человек в Провансе невозможно без длительных переговоров, нескольких визитов для осмотра фронта работ, нескольких бутылок вина и горячих споров. Даты будут назначаться и тут же забываться. Плечи будут подниматься к небу, а время будет идти. Возможно, к весне нам и удастся установить жардиньерку на отведенное ей место. Мы уже научились считать время сезонами, а не днями или неделями. Прованс не собирался ради нашего удобства менять темп своей жизни.

У нас еще осталось достаточно фуа-гра, чтобы разогреть и подать тонкими теплыми ломтиками к салату. И последняя бутылка шампанского все еще охлаждалась в бассейне. Мы подкинули дров в камин и задумались о нашем первом провансальском Рождестве.

Какая-то ирония была в том, что почти весь этот год у нас гостили разные люди, которым часто приходилось мириться с неудобствами из-за нашего ремонта, а теперь, когда ремонт закончился и в доме стало тихо и чисто, все разъехались. Предыдущие гости отбыли еще на прошлой неделе, а следующие должны были явиться, чтобы встречать с нами Новый год. А на Рождество мы остались вдвоем.

Рождественское утро встретило нас солнечным светом, тишиной и безлюдьем, воцарившимся в долине, и отсутствием электричества на кухне. Баранья нога, заранее замаринованная и готовая отправиться в духовку, получила временную отсрочку приговора, а нас ожидал мрачный рождественский ланч, состоящий только из хлеба и сыра. Все места в ближайших ресторанах наверняка были заказаны еще неделю назад.

В те минуты, когда несчастье угрожает вашему желудку, французы проявляют себя с самой лучшей и человеколюбивой стороны. Расскажите им о тяжелой болезни или финансовом кризисе — и они в лучшем случае вежливо выразят сочувствие, а в худшем посмеются. Но, если вы

пожалуетесь на гастрономические проблемы, они будут готовы сдвинуть небо и землю и даже столики в ресторане, ради того чтобы помочь вам.

Мы позвонили Морису, шеф-повару из «Оберж-де-ля-Луб» в Буксе, и робко спросили, не отменил ли кто-нибудь заказ. Нет, все места давно разобраны. Мы рассказали ему о нашей беде. Он ужаснулся и на несколько минут замолчал, но потом пришел в себя:

— Возможно, вам придется есть на кухне, но все равно приезжайте. Что-нибудь придумаем.

Он усадил нас за крошечный столик между дверью на кухню и камином, рядом с большой и шумной провансальской семьей.

— У меня есть баранья нога, — сказал нам Морис. — Будете? — Мы признались, что подумывали о том, чтобы привезти нашу собственную баранью ногу и приготовить ее здесь, и он улыбнулся: — Сегодня такой день, когда нельзя оставаться без плиты.

Мы долго и вкусно ели и разговаривали о том, что прошедшие двенадцать месяцев пролетели так быстро, как двенадцать недель. Мы не так уж много успели за это время: наш французский все еще представлял собой смесь грамматических ошибок и строительного жаргона; мы умудрились пропустить весь театральный фестиваль в Авиньоне, гонку на ослах в Гуле, конкурс аккордеонистов, пикник, который Фостен устраивал в Нижних Альпах в августе, праздник вина в Жигонде, выставку собак в Менербе и еще кучу интересных событий, происходивших в большом мире. Весь этот год мы были погружены в себя, в наш дом и нашу долину, бесконечно интересную и разнообразную. Иногда она нас злила, иногда раздражала, но ни разу мы не почувствовали ни скуки, ни разочарования. А главное, она стала нам домом.

Морис принес стаканчики с *mars* и присел за наш столик.

— Счастливого Рождества, — сказал он по-английски и поспешил перейти на родной язык: — *Bonne Année*.

Примечания

1

Полнота, дородность (*фр.*).

Запеченная говядина (фр.).

Дижестивы — напитки (как правило, коньяк, кальвадос, ликеры), подаваемые в завершение приема пищи и способствующие пищеварению (*фр.*).

Хорошенькие домики (*фр.*).

Завтра (*фр.*).

Вино (*фр.*).

Дом (фр.)

Водка из виноградных выжимок.

Священный ветер (*фр.*).

Молодой человек (*фр.*).

Идеи, соображения (*фр.*).

Ненормально, неправильно (*фр.*).

Ну да! (*φρ.*)

Мясные консервы в собственном жире (*фр.*).

Период сбора винограда (*фр.*).

Чесночный соус и буйабес — рыбная похлебка с чесноком (*фр.*).

Провансальский крепкий алкогольный напиток (*фр.*).

Колбаски (фр.).

Pary ($\phi p.$).

Небольшой круглый сыр и сладкий пирог (*фр.*).

Очень серьезный (*фр.*).

Исчерпывающий (фр.).

Знаменитый ресторан в Лионе, считается одним из лучших в мире.

Просто беда (*фр.*).

Странные они, эти англичане (*фр.*).

Рагу из лисицы по рецепту Массо (*фр.*).

Звериный дух (фр.).

Жареный картофель (*фр.*).

Не за что (*фр.*).

Враль, болтун (*фр.*).

«Ситроен 2CV», букв.: «двухлошадный» (*фр.*).

Технический паспорт автомобиля (фр.).

К сожалению, нет (фр.).

Кофе со сливками (*фр.*).

Бакалейная лавка (*фр.*).

Холодный камень (*фр.*).

Горячий камень (*фр.*).

Великолепный (*фр.*).

Обстоятельства непреодолимой силы (*фр.*).

Теперь решайте (фр.).

Дерьмо (*фр.*).

Внимание! (фр.)

Рамки, подвесные потолки, мусоропроводы, гипсование, облицовка плиткой, потолочные брусы (*фр.*).

Строитель (*фр.*).

Отлично. Займемся вашей кухней. Вперед! (фр.)

Кислая капуста (*фр.*).

Здесь: не пыльный денек (*фр.*).

Главный водопроводчик (*фр.*).

Холодная (фр.).

Одна из самых прославленных поваров в Провансе (*фр.*).

Выразительный и солнечный (*фр.*).

Тушеное мясо (*фр.*).

Иду, иду (фр.).

Через четверть часика (*фр.*).

Две недели (фр.).

Здесь: если все пойдет по плану (*фр.*).

Вина контролируемых наименований (*фр.*).

Главный виноградарь (*фр.*).

Налоговые инспекторы (*фр.*).

Частное владение (*фр.*).

Скряги (*фр.*).

Петух в вине (фр.).

Чистильщик бассейнов (фр.).

Это не страшно (*фр.*).

По-черному (*фр.*).

Очень серьезные (*фр.*).

Нечто неопределимое (*фр.*).

Эти типы — просто разбойники (*фр.*).

Игра в шары (*фр.*).

Просто для удовольствия (фр.).

Заявленная цена (*фр.*).

Выгодная сделка (*фр.*).

Изыскания (фр.).

Видите? (фр.)

Скандальный, возмутительный (*фр.*).

Продукт питания, пища (*фр.*).

Важные шишки (фр.).

Зеленая фасоль (*фр.*).

Розовое вино (*фр.*).

Провансальское блюдо из каперсов, маслин и анчоусов (*фр.*).

Осторожно! Змеи! (*фр.*)

Бакалейная лавка (*фр.*).

Конец, крышка (фр.).

Прятки (*фр.*).

Продавец ковров (*фр.*).

Песик (*фр.*).

Велосипеды лучшего качества! (фр.)

Боже мой! (*фр.*)

Мужайтесь, уже недалеко. Вперед! (фр.)

Хорошо (*фр.*).

Хлебопекарня (фр.).

Просто прелестъ (*фр.*).

Настороже (*фр.*).

Мерзавцы (*фр.*).

Страховой агент (*фр.*).

Красивый дом (*искаж. фр.*).

Но в конце концов (*фр.*).

Кофе со сливками (*фр.*).

Небывало низкая цена (*фр.*).

Старьевщики, антиквары (*фр.*).

Высокое старье (по аналогии с «высокой модой») (*фр.*).

Разумеется (*фр.*).

Кухня для снобов (фр.).

Закуски (фр.).

Вид салата из зелени и трав (*фр.*).

Лепешки (фр.).

Английский крем (заварной) (*фр.*).

Здесь: печальная обязанность (*фр.*).

Операция «Свинина» (фр.).

Танцевальные балы (*фр.*).

Приходите все и поспешите (*фр.*).

Как всегда (*фр.*).

Кровяное тельце (*фр.*).

Пожать пять (*фр.*).

Национальное номер семь (*фр.*).

С мятой (*фр.*).

Водка (*фр.*).

«Стройматериалы былого» (*фр.*).

Замок (*фр.*).

Бифштексы с жареной картошкой (*фр.*).

В гневе (*φρ.*).

Грязные воры (*фр.*).

123

Букв.: огненные ловушки (*фр.*).

Расплющенный (*фр.*).

Это не просто (*фр.*).

Едят в полдень (*фр.*).

Известный человек (фр.).

Лимонный торт (*фр.*).

Большие работы (*фр.*).

Это все не из какого-то дерьма, так-то (*фр.*).

Англичане в отпуске! Поняли? (*фр.*)

Вот и хорошо (*фр.*).

Весъ Париж (*фр.*).

Настоящий обед на дикой природе! (*фр.*)

Большая козья гонка (*фр.*).

Настоящий фруктовый сок (*фр.*).

Навоз ($\phi p.$).

Простая логика (*фр.*).

Площадь (*фр.*).

Понятно (*фр.*).

Убирайтесь! (фр.)

Это правда (*фр.*).

Испариться (фр.).

Козы бегут! (*фр.*)

Профессия (фр.).

Плиточник (*фр.*).

Очень, очень тонкая (*фр.*).

Это ничего (*фр.*).

Не основное жилье, дачи (*фр.*).

Виноградный сок (*фр.*).

Ординарное вино (*фр.*).

Виноград, идущий на вино (*фр.*).

Подлость (*фр.*).

Надо быть очень внимательным (*фр.*).

Грязь (*фр.*).

оно безупречно (*фр.*).

В самом деле? (фр.)

Горелка (*фр.*).

Сорочка (фр.).

Охота (*φρ.*).

Очень практичный (*фр.*).

Охотничья собака (фр.).

Ко мене! Ко мене! (*фр.*)

Букв.: «подушка» (*фр.*).

Грузовик (*фр.*).

Полицейский (*фр.*).

Πορεβ (φρ.).

Попробуйте наши вина! (фр.)

Эдуард, ты можешь обслужить месье? (*фр.*)

Отлично. Маленькая дегустация (*фр.*).

Раки (*фр.*).

Блюдо, приготовленное на пару (*фр.*).

Подготовить рот (*фр.*).

Грибы (*фр.*).

Здесь: плоский хлеб (*фр.*).

Гренки (*фр.*).

чесночный майонез с красным перцем (*фр.*).

«Желтые страницы» (фр.).

Дворец хлеба (фр.).

Тосты, хлеб-сюрприз (*фр.*).

Соленые листочки (*фр.*).

Закуска из сырых овощей в соусе (*фр.*).

Колбасы (*фр.*).

Пользоваться огромным спросом (*фр.*).

Electricité de France — государственная энергетическая компания.

Их так много, этих муравьев (*фр.*).

Хитрость (*фр.*).

Бульдозер, разумеется, грузовик, куча гравия, дорожный каток... (фр.)

Отец (*φρ.*).

Сын (фр.).

Нормально? (фр.)

Хорошо. Я вернусь завтра (*искаж. фр.*).

Вот и все. Конец (*фр.*).

Тележка виноградаря (фр.).

Любопытно (фр.).

Братство Святого Винсента (*фр.*).

Зал празднеств (*фр.*).

Хорошо, хорошо. Проходите (*искаж. фр.*).

Провансальская скважина (*фр.*).

Дикие свиньи (фр.).

Молодой кабанчик (*фр.*).

Пожарные (*фр.*).

Крупные креветки (*фр.*).

Пироги со шпиком (*фр.*).

Разумеется (*фр.*).

Гадость (*фр.*).

Прекрасно (*фр.*).

Храбрецы (*фр.*).

Ничего не поделаешь (*фр.*).